

ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История. Политология.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

5
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Evrazijskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series

Academic Journal

There are 6 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5.4. International relations (Political science)

5.6.2. World history (Historical science)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

Objectives and scope

RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet states, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

Tel: 495-250-62-11

e-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики
(исторические науки)

Цели и область

Вестник РГГУ. «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Тел.: 495-250-62-11

Электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.I. Pivovarov, member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

A.S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.E. Titkov, Cand. of Sci. (History), professor, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Yu.G. Akimov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

M. Bassan, PhD., professor, University of Sodertorn, Stockholm, Sweden

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A. Filler, PhD., professor, University of Paris VIII, Paris, France

A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

N.I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.L. Kheifets, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

M. Laruel, PhD., professor, Georgetown University, Washington, USA

K.E. Meshcheryakov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

M.Yu. Mukhin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

B.B. Pak, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.-P. Ray, PhD., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France

A.T. Sabirov, Cand. of Sci. (History), associate professor, International Institute for Central Asia, Tashkent, Uzbekistan

O.V. Solopova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Vlasov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E.Ya. Vittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

N.A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (заместитель главного редактора)

А.Э. Титков, кандидат исторических наук, профессор, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Россия (заместитель главного редактора)

Ю.Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

М. Бассан, PhD., профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.П. Курьлев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Россия

М. Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

- К.Е. Мещеряков*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия
- М.Ю. Мухин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- Б.Б. Пак*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия
- А.Т. Сабиров*, кандидат исторических наук, доцент, Международный институт Центральной Азии, г. Ташкент, Узбекистан
- О.В. Солопова*, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия
- М.-П. Рей*, PhD., профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция
- Н.И. Харитонова*, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- А.В. Фененко*, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия
- А. Филлер*, PhD., профессор, Университет Париж VIII, г. Париж, Франция
- В.Л. Хейфец*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Ответственный за выпуск

Н.А. Филлин, доктор исторических наук, доцент, РГГУ

Contents

Countries and regions of the world. Dynamics of development and patterns of interaction

- Mikhail E. Smirnov*
Tanzania–Russia. A 135-year-long historical ties 10
- Konstantin A. Korneev*
Japan and the Republic of Korea’s experience in implementing sustainable development concepts at the state level 22
- Aleksey S. Kuznetsov*
On the role of parliamentary diplomacy in shaping the Russian-Iranian strategic partnership 43
- Irina E. Khanova*
Cooperation between CIS member states in the field of physical culture and sports in 2023–2025: trends, mechanisms, and prospects 56

Socio-political processes in the past and present

- Daria V. Zhigulskaya, Anush G. Margaryan*
Abraham Galante’s views on language reforms in early republican Turkey 69
- Nikolai A. Medushevskii*
The historical roots of the Ewe people in modern mythology. The phenomenon of “invented history” 79
- Maria S. Kruglova, Maria A. Bondarenko*
Chinese “Red Classics” on stage. How today’s Chinese view their cultural heritage 93
- Mikhail A. Gromov*
Giovanni Giolitti and his role in the Italo-Turkish War of 1911–1912 109

Society, politics, history, and religion. Development and interaction

- Alisa R. Shishkina, Nina L. Kulyulina*
Islamic education in Bashkortostan. Influence of the Middle East, reformism, current state 128
- Aleksei V. Sarabiev*
On the nationalist and religious factors of political changes in the Middle East 145

Содержание

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Михаил Е. Смирнов</i> Танзания-Россия: исторические связи длиной в 135 лет	10
<i>Константин А. Корнеев</i> Опыт Японии и Республики Корея по реализации концепций устойчивого развития на государственном уровне	22
<i>Алексей С. Кузнецов</i> О роли парламентской дипломатии в формировании российско-иранского стратегического партнерства	43
<i>Ирина Е. Ханова</i> Сотрудничество стран-членов СНГ в области физической культуры и спорта в 2023–2025 годах: тенденции, механизмы и перспективы . . .	56

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

<i>Дарья В. Жигульская, Ануш Г. Маргарян</i> Взгляды Аврама Галанти на языковые реформы в раннереспубликанской Турции	69
<i>Николай А. Медушевский</i> Исторические корни народа эве в современной мифологии: феномен «придуманной истории»	79
<i>Мария С. Круглова, Мария А. Бондаренко</i> Chinese “Red Classics” on stage: how today’s Chinese view their cultural heritage [«Красная классика» в китайском театре: как современные китайцы относятся к своему культурному наследию]	93
<i>Михаил А. Громов</i> Джованни Джолитти и его роль в Итало-турецкой войне 1911–1912 гг. . . .	109

Общество, политика, история и религия: развитие и взаимодействие

<i>Алиса Р. Шишкина, Нина Л. Кулюлина</i> Исламское образование в Башкортостане: влияние образовательных традиций Ближнего Востока, джадидизм, современное состояние	128
<i>Алексей В. Сарабьев</i> О националистической и религиозной движущих силах политических изменений на Ближнем Востоке	145

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(470+678)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-10-21

Танзания–Россия: исторические связи длиной в 135 лет

Михаил Е. Смирнов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, karibu-smirnov@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения и развития контактов между Россией и Танзанией, их трансформации и вовлеченности политических элит двух стран в процесс сотрудничества на международной арене. Автор, задействовав уникальный архивный и периодический материал, рассматривает период с 1890 по 2025 г., в течение которого российско-танзанийские связи, стартовав с намерения Российской империи включиться в кампанию по прекращению работорговли в Индийском океане, поддержав принятое на Брюссельской конференции 1889–1890 гг. решение об учреждении Международного бюро на Занзибаре для мониторинга за исполнением мер по искоренению этого явления, достигли своего пика в ранний постколониальный период развития Объединенной Республики Танзания (ОРТ) и постепенно, но неуклонно восстанавливаются в последние годы. Автор рассматривает этот процесс сквозь призму глобальных цивилизационных явлений, с учетом роли Африки в современном мире, фокусируясь на проблематике отношений власти и общества, особенностях формирования и функционирования элит в современной политико-экономической обстановке как в самой Танзании, так и в Африке в целом.

Ключевые слова: Африка, Танзания, Россия, элита, лидеры, отношения, Ньерере

Для цитирования: Смирнов М.Е. Танзания–Россия: исторические связи длиной в 135 лет // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 10–21. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-10-21

© Смирнов М.Е., 2025

Tanzania–Russia. A 135-year-long historical ties

Mikhail E. Smirnov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, karibu-smirnov@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the history of the emergence and development of contacts between Russia and Tanzania, their transformation and the involvement of the political elites of the two countries in the process of cooperation on the international stage. Using unique archival and periodical material, the author considers the period from 1890 to 2025, during which Russian-Tanzanian relations began with the intention of the Russian Empire to join the campaign of terminating the slave trade in the Indian Ocean, thus supporting the decision taken at the Brussels Conference of 1889–1890 to establish an International Office in Zanzibar in order to monitor the implementation of measures on eradicating the phenomenon; the relations peaked in the early postcolonial period of the United Republic of Tanzania (ORT) and has been gradually but steadily recovering in recent years. The process is considered by the author through the prism of global civilizational phenomena, taking into account the role of Africa in today's world, focusing on the problematics of relations between government and society, the specifics in the formation and functioning of elites in the modern political and economic environment both in Tanzania and in Africa as a whole.

Keywords: Africa, Tanzania, Russia, elite, leaders, relations, Nyerere

For citation: Smirnov, M. E. (2025), “Tanzania–Russia. A 135-year-long historical ties”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 10–21, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-10-21

Отношения Танзании и России имеют давнюю историю и характеризуются чертами, свойственными как нашим связям с другими африканскими странами, так и имеющими эксклюзивные особенности. Например, обстоятельствами зарождения таких контактов.

Принято считать, что начало им было положено сразу же после получения Танганьикой независимости в декабре 1961 г. Однако еще в конце XIX в. Российская империя, включившись в кампанию по прекращению работорговли в Индийском океане, поддержала решение об учреждении Международного бюро на Занзибаре,

принятое на Брюссельской конференции 1889–1890 гг. с целью наблюдения за исполнением мер касательно преследования этого позорного явления.

Тогдашний министр иностранных дел России Н.К. Гирс сообщал, что Российской империи было направлено обращение с просьбой выслать делегатов для контроля над процессом соблюдения правил по остановке работорговли на острове. В своем докладе глава российского МИД сообщал, что

...сосредоточение на восточном берегу Африки самых существенных колониальных интересов великих держав и возникающие вследствие этого международные политические соперничества налагают на Россию обязанность в качестве великой державы не оставаться безучастной в разрешении вопросов, имеющих мировое значение. Ввиду сего учреждение постоянного русского дипломатического агентства в Занзибаре в связи с назначением делегата в международное бюро представлялось бы весьма желательным¹.

Уже через несколько дней после получения независимости Танганьики главы правительств двух стран обменялись нотами о признании Советским Союзом Танганьики в качестве независимого суверенного государства и об установлении между ними дипломатических отношений. В 1962 г. в Москве и Дар-эс-Саламе открылись посольства соответственно Танганьики и СССР.

Тогда же наладились устойчивые связи между КПСС и ТАНУ, причем делегации Африканского национального союза Танганьики дважды посещали СССР осенью 1962 г. [Балезин 2017; Балезин 2019; Камалова 2023].

Что касается Занзибара, который на тот момент еще оставался зависимой от Великобритании территорией, то Советский Союз не остался в стороне от борьбы за суверенитет островов архипелага. В период с 1960 по 1962 г. в Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки (СКССАА) поступали письма от Партии Афро-Ширази (ASP) и Националистической партии Занзибара (ZNP), а также Федерации труда Занзибара и Пембы. В ответ на одно из обращений от ASP в 1962 г. ей была оказана финансовая помощь со стороны СССР, в том числе и из-за роста популярности партии среди населения. В том же году в СКССАА поступило письмо, в котором сообщалось о планах создания Коммунистической партии Занзибара [Балезин 2020].

¹ Россия и Африка: Документы и материалы: XVIII в. – 1960 г.: В 2 т. Т. 1: XVIII в. – 1917. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1999. С. 85.

По состоянию на конец 1950-х гг. в СССР учились 58 студентов-занзибарцев. Первый премьер-министр Занзибара Абдула Кассим Ханга учился в Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы в 1960–1961 гг., был женат на гражданке СССР. В день провозглашения независимости 9 декабря 1963 г. на Занзибаре присутствовал официальный представитель СССР. А после революции 1964 г. на Занзибар прибыл посол СССР, а следом – группа военных специалистов.

В 1963 г. СССР и Танганьика заключили два соглашения – о торговле и культурном сотрудничестве.

26 мая 1966 г. было заключено первое Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, одним из пунктов которого стал льготный долгосрочный кредит, позволивший осуществлять поставки в ОРТ советских транспортных средств, оборудования, цемента, медикаментов. За последующие почти 20 лет экспорт советской продукции в Танзанию составил 4,7 млн руб., импорт из ОРТ в СССР – 2,2 млн руб. В рамках двустороннего сотрудничества реализовывались проекты в сельском хозяйстве, геологоразведке, образовании. Советский Союз поставлял танки Т-55, самолеты МиГ-21, зенитные комплексы².

Партийно-правительственные контакты между двумя странами активизировались после объединения Танганьики и Занзибара и создания Объединенной Республики Танзания 26 апреля 1964 г. Уже в августе состоялся визит в СССР правительственной делегации ОРТ во главе с человеком номер 2 партии и государства, вице-президентом ОРТ, министром обороны и национальной службы Рашиди Кавава. Официальные СМИ двух стран отмечали, что визит способствовал процессу взаимопонимания между двумя народами, укреплению и расширению взаимного сотрудничества³.

С ответным визитом в феврале 1965 г. в ОРТ побывала советская делегация во главе с заместителем председателя президиума Верховного Совета СССР Т. Кулатовым.

Начиная с 1966 г. Советский Союз посетили более двадцати партийных делегаций Танзании, которые участвовали в работе съездов КПСС, были гостями на торжествах, посвященных юбилейным годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции и круглым датам со дня рождения В.И. Ленина. Делегация КПСС,

² РИА Новости: Межгосударственные отношения России и Танзании. URL: <https://ria.ru/20230727/tanzaniya-1886174831.html> (дата обращения 31 июля 2025).

³ Правда. 1964. 24 авг. С. 2.

в свою очередь, участвовала в работе первого съезда Афро-Ширази в 1976 г.⁴

Принятие ТАНУ в 1967 г. Арушской декларации создало основу для укрепления и расширения связей ОРТ со странами социализма, в том числе Советским Союзом, при всех очевидных различиях в программных целях и принципах КПСС и ТАНУ/ЧЧМ.

Это много лет спустя Ньерере, уточняя смысл концепции уджамаа, пояснял, что считает эту идеологию

...социалистической. Этим сказано все. Все мы воевали против капитализма. Мы пытаемся построить, как я надеюсь, справедливое общество и здоровые отношения между индивидуумами... Я не марксист, но я согласен с трактовкой экономики по Марксу. В то же самое время я не согласен с некоторыми аспектами марксистской философии... Моя проблема состоит в том, чтобы приспособить форму развития в моей стране и должен ли я для этого выращивать капитализм до тех пор, пока не появится пролетариат, так как в Танзании господствующим классом является не пролетариат, а крестьянство... Мы в своей стране должны построить социализм, опираясь на крестьянство⁵.

Так что причины идеологических разногласий были налицо. Именно в силу их руководство КПСС и СССР относило Танзанию к «государствам, выбравшим некапиталистический путь развития», а не к более близким им странам «социалистической ориентации» [Балезин 2003, С. 370].

Тем не менее на интенсивности советско-танзанийских контактов в те годы это не отражалось.

Так, в августе-сентябре 1967 г. СССР посетила делегация Национального собрания ОРТ во главе с ее председателем Адамом Сапи Мквава, а в ноябре того же года – партийно-правительственная делегация из Танзании во главе с министром по экономическим вопросам и планирования развития Полем Бомани.

Большое развитие получило сотрудничество в области культуры и науки. СССР начал оказывать ОРТ существенную помощь в подготовке кадров. За два с небольшим десятилетия до распада СССР в нем получили образование несколько тысяч танзанийских студентов. В общеобразовательных и технических

⁴ Документы Международного совещания коммунистических и рабочих партий. 5–17 июня 1969 г. М., 1969; Приветствия XXIII съезду КПСС. М., 1966; Приветствия XXIV съезду КПСС. М., 1971; Приветствия XXV съезду КПСС. М., 1976; Приветствия XXVI съезду КПСС. М., 1981.

⁵ Times of Zambia. 1979. November 24. P. 3.

колледжах, вузах ОРТ работали сотни советских преподавателей [Лазарев 2024].

В танзанийских госпиталях трудились десятки советских врачей разной специализации. Ньерере на одной из встреч с журналистами в Дар-эс-Саламе заявил, что

...советские специалисты работают у нас и помогают нам осуществлять различные планы, направленные на улучшение жизни нашего народа и развитие нашей экономики. Мы видим, что люди, получившие образование в СССР, *возвращаются готовыми работать везде, где они нужны, и за ту плату, которую страна может им дать*» (курсив мой. – М. С.)⁶.

Активно развивались контакты и в области обмена информации. Еще в 1964 г. соглашение о сотрудничестве подписали ТАСС и информационная служба Танзании «ШИХАТА» («SHINATA» – Shirika la Habari la Tanzania – суахили).

В 1968 г. Бюро АПН в Танзании начало издавать в Дар-эс-Саламе еженедельную газету на языке суахили “Urusi Leo” («Россия/СССР сегодня» – суахили). К моменту приезда автора на работу в Бюро АПН в Дар-эс-Саламе в качестве редактора этой газеты в 1988 г. ее тираж достиг 20 тысяч экземпляров!

Газета печаталась в издательстве газеты “Uhuru” («Свобода») – органа правящей партии ЧЧМ – и распространялась бесплатно во всех уголках Танзании. Особенность издания «Уруси Лео» заключалась в ее своеобразной интерактивности: мы постоянно получали сотни писем с мест от наших читателей, некоторые из них регулярно публиковались в газете, каждый ее номер становился результатом совместных усилий сотрудников московской редакции и нашего офиса в Дар-эс-Саламе.

Главными темами были достижения СССР в различных областях экономики, науки, образования, культуры, спорта, во внутренней и внешней политике, об основных направлениях сотрудничества Советского Союза с африканскими странами в целом и с Танзанией в особенности. Часто героями материалов газеты становились советские специалисты, работавшие в Танзании, – учителя, преподаватели, врачи, представители аккредитованных в этой стране советских учреждений. Особый интерес у местных

⁶ Цит. по: Nyerere on education = Nyerere kuhusu elimu: selected essays and speeches / Ed. by Elieshi Lema, Marjorie Mbilinyi, Rakesh Rajani. Dar es Salaam, Tanzania : HakiElimu : E & D Ltd. : Mwalimu Nyerere Foundation, 2004. P. 107.

читателей всегда вызывали рассказы о танзанийцах – выпускниках советских вузов.

А однажды по итогам опроса читателей «Уруси Лео» приз газеты – электросамовар – в то время ценная и полезная для Танзании вещь – был вручен автором на Национальном стадионе перед матчем в присутствии 40 тысяч зрителей футболисту местной популярной команды “Yanga” Исса Афумани!

В этой связи не могу не согласиться с точкой зрения коллеги О.И. Тетерина, отметившего в своих записках, что

...вопрос о выпуске советской газеты на танзанийской земле, который на начальном этапе обсуждался, конечно же, по дипломатическим каналам, окончательно был решен – я убежден в этом – на президентском уровне, по крайней мере, был согласован с Джулиусом Ньерере – лидером страны и партии. Иначе трудно себе представить, чтобы иностранная газета печаталась в партийном издательстве, поступала в городские и сельские школы и использовалась там как учебное пособие – свидетельствую об этом как очевидец: в поездках по стране побывал в некоторых школах и видел в руках учеников нашу газету [Тетерин 2019, с. 246].

Да и сам автор исследования, по долгу службы знакомившийся регулярно с сотнями писем читателей газеты и встречавшийся с ними, как говорится, на местах, может засвидетельствовать – газета не была чужой для танзанийцев не только потому, что стояла в реестре печати ОРТ на третьей строчке после местной партийной «Ухуру» и правительственной «Дейли Ньюс», но и потому, что даже сейчас, много лет спустя, иногда встречаешь бывшего своего читателя, который до сих пор помнит нашу газету. Ценил газету, как рассказывал мне в наших беседах Рашиди Кавава, и сам Ньерере. Да и в национальной библиотеке номера «Уруси Лео» и сейчас можно посмотреть.

Тем обиднее было закрытие в конце 1991 г. после известных событий в Москве бюро АПН в Дар-эс-Саламе и самой газеты, чьим последним редактором, как выяснилось, суждено было стать автору.

Через некоторое время та же участь постигла местные корпункты других советских, российских СМИ. «Аэрофлот» прекратил осуществлять свои еженедельные прямые рейсы из Москвы в Дар-эс-Салам, ушли из танзанийских портов наши суда.

Но все это случится в конце 80-х – начале 90-х гг., а за двадцать лет до того знаменательным событием в советско-танзанийских отношениях стал визит в СССР президента ОРТ Джулиуса

Камбараре Ньерере в октябре 1969 г. Выступая в Москве на торжественном приеме, Мвалиму заявил, что

...нас вдохновляет опыт таких стран, как СССР, чье могущество и сила в немалой мере объясняются существованием союза многочисленных народов⁷.

В ходе переговоров стороны отметили общность позиций правительств Советского Союза и Танзании по таким важным междуна-родным проблемам, как сохранение мира и укрепление междуна-родной безопасности, расширение международного сотрудничества и усиление борьбы за ликвидацию остатков колониализма. Они обсу-дили конкретные шаги по дальнейшему развитию сотрудничества в политической, экономической, торговой и культурной областях, а также высказались за установление более тесных контактов между партиями, профсоюзами и другими общественными организациями.

Небольшой, но заметной для весьма чувствительного к таким вопросам Ньерере ложкой дегтя стало тогда то, что его так и не принял тогдашний советский лидер, генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, поручив эту миссию де-юре главе Советского государства Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному.

Именно он спустя восемь лет возглавил представительную советскую делегацию, которая с 22 по 26 марта 1977 г. по приглашению Ньерере посетила Танзанию с официальным визитом.

На переговорах, проходивших, как писали СМИ, в атмосфере доверия, дружбы и взаимопонимания, был проведен обмен мнениями о дальнейшем развитии дружественных связей и сотрудни-чества между Советским Союзом и Танзанией. Важное место в переговорах заняли вопросы, связанные с положением на юге Африки, борьбой африканских народов за ликвидацию остатков колониализма и расизма.

Хозяева ознакомили советского гостя с политическими, соци-ально-экономическими, культурными мероприятиями Револю-ционной партии и правительства Танзании на основе положений Арушской декларации. Ньерере подчеркнул важность для укрепления единства народа объединения партий ТАНУ и Афро-Ширази и создания в феврале 1977 г. Чама Ча Мапиндузи – Революцион-ной партии Танзании.

Н.В. Подгорный, в свою очередь, информировал Ньерере, что советские люди с искренней симпатией следят за успешным

⁷ Правда. 1969. 7 октября. С. 2.

продвижением дружественного танзанийского народа по пути социалистической ориентации и желают ему успехов в осуществлении прогрессивных преобразований, намечаемых Революционной партией и правительством Танзании.

Во время визита были подписаны торговое соглашение между СССР и ОРТ, соглашение между правительством СССР и правительством ОРТ о культурном и научном сотрудничестве, протокол о культурном и научном сотрудничестве. Кроме того, была достигнута договоренность о продолжении контактов на высшем уровне между руководителями Советского Союза и Танзании⁸.

И все же отношения ЧЧМ, Танзании и лично Ньерере с СССР никогда нельзя было назвать по-настоящему братскими, хотя курс на сотрудничество в целом сохранялся. Так, в СССР настороженно отнеслись к визиту Ньерере в Китай в 1965 г. и дальнейшему активному развитию китайско-танзанийских отношений.

В 1967 г. СССР и ОРТ заняли разные позиции по ситуации вокруг Республики Биафра в Нигерии, а в 1968 г. Ньерере, хоть и в вежливой форме, но осудил участие вооруженных сил стран Варшавского Договора в событиях в Чехословакии. Сдержанно отреагировала Танзания и на ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.

Другое дело, что, понимая важность сохранения в целом дружеских связей с СССР, оказывавшим существенную разностороннюю помощь «прифронтовым государствам», к которым относилась и Танзания, Ньерере сумел сделать так, чтобы эти внешнеполитические шероховатости не изменили сути советско-танзанийских отношений, с самого начала отличавшихся теплотой и взаимопониманием между руководством.

Да и существовавшая в Танзании до 1992 г. однопартийная система очень напоминала нашу, советскую. Как и КПСС, ЧЧМ была «руководящей и направляющей» силой общества, имела свои ЦК и даже «Политбюро» в образе НИКа, «обкомы» и «райкомы» на местах.

Авторы новой программы ЧЧМ на 1987–2002 гг. чутко отреагировали на те изменения, которые начали происходить в СССР в эпоху «перестройки и гласности». Об этом, в частности, явно свидетельствовали ее положения, дававшие адаптированную версию трактовки событий в СССР и других странах соцлагеря. И тем не менее, несмотря на все сложности момента, ЧЧМ за десятилетний срок своего существования продолжала укреплять сотрудничество с социалистическими странами в экономической, политической, идеологической сферах, а также в области науки и технологии.

⁸ Известия. 1977. 27 марта. С. 1.

Наше сотрудничество в этой части внешней политики развивалось в рамках соглашений с соответствующими партиями помимо межгосударственных отношений. В этом объяснение значения, которое наша партия придает своим усилиям в области расширения сотрудничества с социалистическими странами⁹,

– отмечалось в новой редакции Программы ЧЧМ.

После распада СССР, в качестве правопреемника, 30 декабря 1991 г. Россия продолжила дипломатические отношения с Танзанией, но потребовалось несколько десятилетий, чтобы постепенно начать восстанавливать утраченное. Благо, потенциал для этого, по крайней мере кадровый, имеется.

Историческая синхронизация событий в современных России и Танзании, переживающих непростой переходный период, происходящие в них трансформационные процессы несут в себе уникальные возможности для развития и наполнения новым содержанием взаимовыгодных двусторонних отношений и взаимодействия в широком диапазоне тем и направлений.

В этом смысле историческими можно назвать два первых заседания Межправительственной российско-танзанийской комиссии в Дар-эс-Саламе в конце октября 2024 г. и в Санкт-Петербурге в середине мая 2025 г., а также состоявшиеся на их полях бизнес-форумы, в которых приняли участие представители министерств, ведомств, частного бизнеса и вузов двух стран.

Роль политических элит двух наших стран в процессе дальнейшего развития двусторонних связей и контактов будет только расширяться. Она определяется удивительно схожими условиями политического многообразия в моделях поведения политических элит России и Танзании, парадоксальными совпадениями в ходе их исторической эволюции, примечательными особенностями их участия в судьбоносных событиях обеих стран, в решении социально-политических проблем и недостатков, что не может не мотивировать их на поиск различных, в том числе новых, способов ее усиления.

Литература

Балезин 2003 – Балезин А.С. Разработка теории некапиталистического пути развития для стран Африки в СССР: истоки и первые шаги // Становление

⁹ Programu ya Chama Cha Mapinduzi 1987 hadi 2002 (ЧЧМ. Программа партии 1987–2002 гг.). Dar es Salaam, 1988. К. 62, 64.

- отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2003. С. 368–379.
- Балезин 2017 – *Балезин А.С.* Партийные связи СССР-Танзания: свидетельства очевидца // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 218–231.
- Балезин 2020 – *Балезин А.С.* СССР и Занзибар в годы борьбы за независимость и объединения с Танганьикой (по архивным источникам) // Вестник РУДН. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 54–66. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-54-66>.
- Балезин 2019 – *Балезин А.С.* К истории установления дипломатических отношений СССР со странами Восточной Африки – Кенией, Угандой и Танзанией: По материалам архива МИД РФ // Африка в судьбах России. Россия в судьбах Африки / Отв. ред. А.Б. Дэвидсон М., 2019. С. 290–317.
- Камалова 2023 – *Камалова К.Р.* Роль политической идеологии в международных отношениях на примере советско-танзанийского сотрудничества // Академия НСО-2023: Сборник статей. М., 2023. С. 67–72.
- Лазарев 2024 – *Лазарев А.В.* Помощь СССР в развитии системы среднего образования в Танзании в период 1960–1980-х гг. // Ученые записки Института Африки РАН, 2024. № 3. С. 155–168.
- Тетерин 2019 – *Тетерин О.И.* Вспоминая Африку (важное... и не очень). М., 2019. С. 246.

References

- Balezin, A. (2003), “The Soviet Theory of Non-Capitalist Development in Africa: The Orignes and the First Steps”, Davidson, A.B. (ed), *Stanovlenie otechestvennoi afrikanistiki, 1920-e – nachalo 1960-kh* [The Formative Years of African studies in Russia. 1920s – early 1960s], Nauka, Moscow, Russia, pp. 368–379.
- Balezin, A. (2017), “Party connections of the USSR – Tanzania: Certificates of the eyewitness”, *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 218–231.
- Balezin, A. (2020), “USSR and Zanzibar in the Years of Its Struggle for Independence and Unification with Tanganyika (Based on Archival Sources)”, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 20, no. 1, pp. 54–66, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-54-66>.
- Balezin, A. (2019), “On the history of the establishment of diplomatic relations between the USSR and the countries of East Africa – Kenya, Uganda and Tanzania. Based on the materials of the archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs”, Davidson, A.B. (ed.). *Afrika v sud'bah Rossii. Rossiya v sud'bah Afriki* [Africa in the fate of Russia. Russia in the fate of Africa], Moscow, Russia, pp. 290–317.
- Kamalova, K. (2023), “The role of political ideology in international relations on the example of Soviet-Tanzanian cooperation”, *Akademiya NSO-2023: Sbornik statei*, Moscow, Russia, pp. 67–72.
- Lazarev, A. (2024), “Soviet aid in the development of secondary education in Tanzania in 1960s–1980s”, *Journal of the Institute for African Studies*, no. 3, pp. 155–168.

Teterin, O. (2019), *Vspominaia Afriku (vazhnoe... i ne ochen)* [Remembering Africa (important ... and not so important)], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил Е. Смирнов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; karibu-smirnov@yandex.ru

Information about the author

Mikhail E. Smirnov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; karibu-smirnov@yandex.ru

Опыт Японии и Республики Корея по реализации концепций устойчивого развития на государственном уровне

Константин А. Корнеев

*Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
Москва, Россия, korneeв@iccaras.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации концепций устойчивого развития в Японии и Республике Корея на государственном уровне, с учетом их отличий от устоявшихся на Западе подходов. Акцент делается преимущественно на «зеленой» траектории обеспечения социально-экономического развития в соответствии с обязательствами, которые взяли на себя обе страны по достижению чистого нулевого уровня выбросов CO₂ к 2050 г. Правительства рассматриваемых стран уже не первый год осуществляют последовательное стратегическое планирование в данном направлении (японская Стратегия «зеленого» роста, южнокорейский «Зеленый Новый курс»), формируя многоуровневые модели построения взаимосвязей между социальной политикой и задачами низкоуглеродной трансформации. Для оценки эффективности этих мер предложены три количественные метрики: интенсивность НИОКР в «зеленых» секторах, индекс прогресса SDGs и также энергоэффективность ВВП. Результаты демонстрируют синергию государственного регулирования и технологических инноваций, но выявляют и специфические вызовы, такие как сохраняющаяся критическая зависимость от импорта ископаемого топлива и высокая уязвимость ориентированных на экспорт национальных производителей в контексте введения на ключевых иностранных рынках (например, в ЕС) механизмов трансграничного углеродного регулирования.

Ключевые слова: Япония, Республика Корея, государственные программы, устойчивое развитие, низкоуглеродная траектория

Для цитирования: Корнеев К.А. Опыт Японии и Республики Корея по реализации концепций устойчивого развития на государственном уровне // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 22–42. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-22-42

© Корнеев К.А., 2025

Japan and the Republic of Korea's experience in implementing sustainable development concepts at the state level

Konstantin A. Korneev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, korneev@iccaras.ru*

Abstract. The article considers the specifics of implementing sustainable development concepts in Japan and the Republic of Korea at the state level, taking into account their differences from established Western approaches. The focus is primarily on the “green” trajectory for ensuring socio-economic development in line with commitments made by both countries to achieve net-zero CO₂ emissions by 2050. Governments of those countries have been engaged in the consistent strategic planning of following that direction for several years now (Japan's Green Growth Strategy, South Korea's “Green New Deal”), developing multi-level models for building interconnections between social policies and low-carbon transformation objectives. To assess the effectiveness of these measures, three quantitative metrics are proposed: R&D intensity in green sectors, Sustainable Development Goals progress index, and energy efficiency of GDP. The results demonstrate synergy between government regulation and technological innovation but also reveal specific challenges such as continued critical dependence on fossil fuel imports and high vulnerability of export-oriented national producers in the context of introducing cross-border carbon adjustment mechanisms in key foreign markets (such as the EU).

Keywords: Japan, Republic of Korea, government programs, sustainable development, low-carbon trajectory

For citation: Korneev, K.A. (2025), “Comparative analysis of Japan and the Republic of Korea's experience in implementing sustainable development concepts at the state level”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 22–42, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-22-42

Введение

Устойчивое развитие в своем фундаментальном понимании определяется как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Данное определение, впервые сформулированное в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987), остается базовым и сегодня. Концепция устойчивого

развития определяет достижение своих целей через одновременное обеспечение экономического роста, социальной справедливости и защиты окружающей среды. В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН опубликовала 17 целей устойчивого развития (ЦУР), которые представляют собой практическое измерение концепции устойчивого развития. Эти цели охватывают широкий спектр вызовов: от искоренения бедности и голода до борьбы с изменением климата и обеспечения глобальной справедливости [Mensah 2019].

Важное значение отводится и «зеленой» трансформации социально-экономических систем, основанной на принципах сбалансированного внедрения новых технологий и решений параллельно с максимально возможным сохранением традиционных видов хозяйственной деятельности, свойственных локальным сообществам¹. Практически все развитые страны и многие развивающиеся выразили солидарность в необходимости достижения ЦУР, при этом – что показательно – зачастую ограничиваясь лишь заявлениями общего характера и избегая конкретизации шагов. Эта проблема – а именно, большой разрыв между декларируемыми намерениями и реальными действиями – фактически нивелирует многие положительные аспекты концепции устойчивого развития и вызывает обоснованную критику со стороны экспертного сообщества в части ее способности существенно повлиять на долгосрочную государственную политику [Kashwani 2019].

С учетом данной критики, настоящее исследование концентрируется в большей степени на низкоуглеродном («зеленом») измерении устойчивого развития, поскольку оно обладает практико-ориентированной природой и хорошо поддается количественным оценкам через определенные метрики. Если говорить о Японии и Республике Корея, то там государство является основным игроком на уровне УР, в то время как корпоративные программы зачастую принимаются в формальном ключе и во многом повторяют шаблонные фразы из стратегий западных компаний и международных прокламаций [Osanaï, Yu 2023].

Концепции устойчивого развития в Японии

Япония является одним из лидеров в Азиатском регионе по числу документов в области устойчивого развития – с 2016 г. их одобрено более десяти на различных уровнях, однако в большинстве

¹ Sustainable Development Goals (SDGs) // UNDP. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения 22 июля 2025).

случаев они носят общий установочный характер и не подразумевают каких-либо явных мер государственного технологического и/или финансового стимулирования (хороший пример – Добровольные национальные обзоры достижения целей устойчивого развития ООН образца 2021 и 2023 гг. или же программа Society 5.0). Среди тех, которые оказывают ощутимое влияние на низкоуглеродную трансформацию, целесообразно выделить следующие документы: Базовый экологический план (шестая редакция 2024 г.), Стратегия «зеленого» роста для достижения полной углеродной нейтральности к 2050 г. и ее последующее развитие – Базовая политика реализации GX [Whittaker 2024].

Стратегия «зеленого» роста была представлена в марте 2021 г. Разработкой занималось Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭП) по итогам заявления премьер-министра Ёсихидэ Суга о планах по достижению полной углеродной нейтральности («чистого нуля»), которое он сделал в октябре 2020 г. Долгосрочная системная цель, на достижение которой и была направлена Стратегия, звучала так: снижение к 2030 г. уровня выбросов парниковых газов на 46% по сравнению с показателями 2013 г. и на 50% к 2035 г.

Стратегия предусматривала ожидаемую экономическую выгоду от реализации в размере 90 трлн иен к 2030 г. (приблизительно 880 млрд долл) и 290 трлн иен к 2050 г. (около 2,5 трлн долл). Основные инвестиционные инструменты:

- Фонд зеленых инноваций, в рамках которого предполагалось выделить 2 трлн иен на 10 лет для стимулирования частных НИОКР, и 15 трлн иен общих инвестиций в «зеленые» технологии и проекты;
- Налоговые льготы с целью привлечь 1,7 трлн иен частных инвестиций японских компаний за 10 лет;
- Снижение административных барьеров для иностранных инвесторов с целью привлечь дополнительно 1 трлн иен на 3 года².

Были выделены 14 приоритетных секторов с высоким потенциалом роста, для каждого из которых установили конкретные количественные индикаторы. Это энергетика, транспорт, строительство, эксплуатация зданий (жилых, офисных, коммерческих), «умные» системы энергоснабжения, использование биоресурсов и многое другое. Предполагалось, что в этих секторах к 2050 г. появится до 1,8 млн новых рабочих мест.

² Overview of Japan's Green Growth Strategy through Achieving Carbon Neutrality in 2050 // METI Presentation. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100153688.pdf> (дата обращения 24 июля 2025).

В энергетическом секторе стратегия устанавливала цель по наращиванию установленной мощности морской ветроэнергетики до 30–45 ГВт к 2040 г. при одновременном снижении стоимости генерации до 8–9 иен за 1 кВт·ч к 2030–2035 гг. (это примерно в полтора раза ниже уровня 2021 г.) и повышении уровня локализации производства ключевых компонентов ВЭС до 60% к 2040 г. Для солнечной энергетики целевая стоимость генерации была определена на уровне 14 иен за 1 кВт·ч к 2030 г. (также в полтора раза ниже показателей 2021 г.), а стоимость установки СЭС бытового назначения – 70 тыс. иен за кВт (в 2 раза ниже уровня 2021 г.). Развитие водородной энергетики тоже получило предметные ориентиры: увеличение годового потребления водорода до 3 млн т к 2030 г. и 20 млн т к 2050 г., при этом не менее 300 тыс. т в 2030 г. должно приходиться на «чистый» водород (полученный способом электролиза с минимальными выбросами CO₂). Стоимость водорода планировалось снизить до 30 иен/м³ к 2030 г. и 20 иен/м³ к 2050 г. (более чем в 3 раза по сравнению с 2021 г.). Кроме того, как важный низкоуглеродный энергоноситель и топливо рассматривался аммиак, с целью достичь 20% доли сжигания в составе топливных смесей для ТЭС к 2030 г. и 50% к 2050 г., а также нарастить годовое производство до 3 млн т к 2030 г. и более 30 млн т к 2050 г.

В транспортном секторе стратегия предписывала полный переход на использование электромобилей (EV), гибридов (PHV) и водородных автомобилей (FCEV) к середине 2030-х гг. Целевая стоимость аккумуляторов устанавливалась на уровне менее 10 тыс. иен за кВт·ч к 2030 г. – в 2 раза ниже уровня 2021 г. Для сегмента авиации ставились цели по внедрению электрических самолетов к 2030 г. и «водородных» самолетов к 2035 г. (без точного указания количества), а для морского транспорта – по началу коммерческого использования судов с нулевым уровнем выбросов (на водороде или аммиаке) в 2025–2030 гг. и полному переходу на них к 2050 г.³

По состоянию на конец 2024 г. показатели, заложенные в Стратегии, пока далеки от выполнения, и имеются обоснованные сомнения, что к 2030 г. удастся их реализовать хотя бы частично. Впрочем, этот документ в большей степени является ориентиром, а не конкретным руководством к действию, поэтому от него и не ожидали особых «прорывов», а презентовали скорее как важный, но промежуточный вариант.

³ Green Growth Strategy Through Achieving Carbon Neutrality in 2050 (Japan) // METI Official Publications. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/jap207779En.pdf> (дата обращения 28 июля 2025).

В феврале 2023 г. правительство Японии утвердило *Базовую политику реализации GX* (Green Transformation), таким образом закрепив и расширив положения Стратегии «зеленого» роста. В документе заявлен курс на интеграцию задач ускорения экономического роста страны с климатической нейтральностью, для чего предполагается выделить 150 трлн иен (более 1 трлн долл) совокупных государственно-частных инвестиций в течение ближайших 10 лет. Финансирование обеспечивается за счет выпуска т. н. «Переходных облигаций GX» объемом 20 трлн иен (180 млрд долл), погашаемых за счет будущих доходов от внедрения механизмов углеродного регулирования⁴. Ориентиры политики структурированы по трем направлениям.

Энергетическая трансформация предусматривает увеличение доли низкоуглеродных источников. К 2030 г. ВИЭ должны составить 36–38% (по сравнению с текущими примерно 20%) по вкладу в структуру генерации электроэнергии (с акцентом на солнечную и морскую ветроэнергетику), а атомная энергетика – 20–22% (по сравнению с 9% сейчас). Для морской ветроэнергетики установлен целевой показатель ввода мощности в размере 30–45 ГВт к 2040 г. Кроме того, потребление низкоуглеродного водорода должно составить не менее 3 млн т (и примерно столько же аммиака) ежегодно к 2030 г., с последующим ростом до 20 млн т потребления водорода к 2050 г. По состоянию на 2023 г., в Японии производилось и потреблялось около 20 тыс. т «чистого» водорода, в основном промышленными компаниями для своих производственных нужд (та же нефтепереработка).

Инструменты углеродного регулирования включают в себя постепенное внедрение национальной системы торговли выбросами (GX-ETS). В 2023–2025 гг. система действует в «добровольном» тестовом режиме для участников «Лиги GX» (GX League), охватывающих до 50% национальных выбросов CO₂. С начала 2026 г. планируется переход к обязательному регулированию для компаний из секторов энергетики и промышленности. Показатели сокращения выбросов для предприятий привязаны к 2013 г. как базовому: к 2025 г. – на 32,4%, а к 2030 г. – на 46%. Компенсация выбросов разрешена через углеродные кредиты (J-Credit и JCM), но с ограничением доли не более 5% для технологий улавливания углерода (CCUS).

Международное сотрудничество ориентировано на продвижение передовых японских низкоуглеродных технологий в Азиатском

⁴ Commentary Overview of Japan's GX Strategy: Toward Accelerating Green Transformation // aiESG Report. URL: https://aiesg.co.jp/en/topics/report/240913_japan-gx/ (дата обращения 28 июля 2025).

регионе через инициативу «Азиатское сообщество нулевых выбросов» (AZEC). Планируется привлечь 500 млрд иен (4,5 млрд долл) инвестиций к 2030 г. в различные проекты по декарбонизации⁵.

В феврале 2025 г. был принят план GX 2040 Vision, который внес некоторые коррективы в перспективный энергетический баланс:

Доля ВИЭ должна вырасти до 40–50% к 2040 г., атомной энергии – до 20% к 2040 г. (чуть ниже, чем в Базовой политике), тепловой энергетики – сохраниться на уровне 30–40%, но при этом большинство ТЭС (особенно угольных) должны быть оснащены системами улавливания углерода. Кроме того, предполагается и дальнейшее расширение механизма «транзитных» (или стимулирующих переход к низкоуглеродной экономике) облигаций. В феврале 2024 г. Япония стала первой страной в мире, выпустившей такие суверенные транзитные облигации. Первый транш составил 1,6 трлн иен (16 млрд долл). Средства направляются на проекты в 22 областях, включая разработку солнечных панелей нового поколения и поддержку внедрения энергосберегающих технологий⁶.

Таким образом, японская политика в области GX сочетает амбициозные инвестиционные механизмы с технологически нейтральным подходом, допускающим сохранение ископаемого топлива в среднесрочной перспективе. Ее эффективность будет прямо зависеть от скорости развертывания механизмов торговли выбросами и введения инновационных финансовых инструментов, включая первые в мире суверенные транзитные облигации.

И завершающий документ, имеющий высокую важность в контексте низкоуглеродного развития, – это *Базовый экологический план Японии* (версия 2024 г.), интегрирующий цели декарбонизации, циркулярной экономики и сохранения биоразнообразия. Документ опирается на целевые показатели на дистанции до 2030 и 2050 гг., согласованные с международными обязательствами Японии, включая Парижское соглашение и ЦУР ООН.

Энергетический переход остается стержневой идеей плана. Подтверждена общая цель сокращения выбросов парниковых газов на 46% к 2030 г. относительно уровня 2013 г. и достижения углеродной нейтральности к 2050 г. В части доли ВИЭ, атомной

⁵ Cabinet Decision on the Basic Policy for the Realization of GX (Japan) // METI Official Publications. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2023/0210_003.html (дата обращения 30 июля 2025).

⁶ Environmental Performance Reviews: Japan 2025 // OECD Report. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-environmental-performance-reviews-japan-2025_583cab4c-en.html (дата обращения 02 августа 2025).

энергетики, водорода и аммиака план фактически дублирует предыдущие документы, подтверждая еще раз намерения правительства в данном направлении. Впрочем, по-прежнему допускается использование аммиака и водорода, произведенных из ископаемого сырья.

Циркулярная экономика выделяется как ключевой инструмент снижения зависимости от импорта первичной энергии. Предполагается увеличить размер рынка, прямо связанного с циркулярной экономикой, до более чем 80 трлн иен к 2030 г. (текущий показатель – около 50 трлн иен). План устанавливает конкретные индикаторы для ресурсной эффективности⁷ (цель: 490 тыс. иен/т к 2025 г.), уровня повторного использования материалов в производственных процессах (18% на входе и 47% на выходе к 2025 г.), а также сокращения количества конечных отходов до 4 млн т и менее. Особое внимание уделяется пластиковым отходам: поставлена задача увеличить переработку пластика минимум до 60% к 2030 г. и внедрить биоразлагаемые альтернативы, особенно в прибрежных регионах.

Биоразнообразие и «экологическая адаптация» дополняют План. Япония обязуется восстановить 30% деградировавших из-за хозяйственной деятельности экосистем к 2030 г., а для городских территорий ввести стандарты озеленения крыш и фасадов зданий с целью увеличить площадь зеленых насаждений в мегаполисах почти на 10% к 2035 г. В контексте климатических рисков усилены нормативы для объектов инфраструктуры: 100% критически важных объектов (в первую очередь, электростанции, особенно АЭС) должны соответствовать обновленным параметрам устойчивости к техногенным и природным катастрофам к 2040 г.⁸

Несмотря на амбициозность заявленных целей, план не содержит детальной информации по источникам финансирования, конкретных количественных целей для большинства мер, подробной временной шкалы (этапов) реализации и специфичных индикаторов мониторинга для каждой области. Это отражает концептуальную природу документа как «стратегической рамки», требующей дальнейшей детализации в отраслевых программах.

⁷ Имеется в виду способность производить больше товаров и услуг с использованием меньшего количества ресурсов, одновременно снижая антропогенное воздействие на окружающую среду.

⁸ Japan 6th Basic Environment Plan // Climate Policy Database. URL: <https://climatepolicydatabase.org/policies/6th-basic-environment-plan> (дата обращения 02 августа 2025).

Таблица 1

Динамика ключевых экологических индикаторов Японии
(2018–2024 гг.)⁹

Год	% ВВП на НИОКР в зеленых технологиях	Индекс прогресса SDG (0-100)	Энергоэффективность ВВП (на кг н.э.) ¹⁰
2018	0,32	79,2	8,5
2019	0,35	79,5	8,7
2020	0,42	79,2	8,9
2021	0,45	80,2	9,1
2022	0,53	80,8	9,3
2023	0,58	81,2	9,5
2024	0,68	82,4	9,8

⁹ Составлено автором по: [Kartal et al. 2023]; Japan – Research And Development Expenditure (in % of GDP) // Trading Economics Data. URL: <https://tradingeconomics.com/japan/research-and-development-expenditure-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения 02 августа 2025); Sustainable Development Report. Japan // SDG Index & Dashboards. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/japan/indicators> (дата обращения 02 августа 2025); Energy Efficiency in Japan – Developments in the Business and Household Sectors, and Implications for Carbon Neutrality // Bank of Japan Working Paper Series. URL: https://www.boj.or.jp/en/research/wps_rev/wps_2023/data/wp23e10.pdf (дата обращения 02 августа 2025).

¹⁰ Показатель энергоэффективности ВВП рассчитывается так: ВВП (по паритету покупательной способности, ППС) делится на потребление первичной энергии в кг нефтяного эквивалента (кг н.э.). Потребление первичной энергии учитывает все доступные источники (ископаемое топливо, ВИЭ, ГЭС, АЭС), конвертированные в кг н.э. по стандартам МЭА. Для электроэнергии от ГЭС, АЭС и ВИЭ применяется тепловой эквивалент (1 кВт·ч = 3,6 МДж) или коэффициент конверсии на основе КПД тепловых электростанций (в среднем 7,4 МДж/кВт·ч в Японии и 8,5 МДж/кВт·ч в Южной Корее). Увеличение показателя означает, что экономика производит больше товаров и услуг на единицу затраченной энергии. Это определяется структурными сдвигами, а именно сокращением доли энергоемких отраслей (например, металлургия) и ростом сектора услуг. И в Японии, и в Республике Корея доля промышленности в ВВП постепенно снижается. Энергоэффективность ВВП хорошо дополняется также другими метриками – в частности, углеродоемкостью экономики, однако динамика показателей для рассматриваемых в статье стран демонстрирует противоречивые результаты и не позволяет сделать обоснованные выводы.

Из табл. 1 видно, что все три количественные метрики демонстрируют уверенный рост (т. е. улучшение), который ускоряется после 2020 г., когда были последовательно приняты основные документы государственного планирования в области устойчивого развития (через призму низкоуглеродной трансформации). Эти три ключевых документа – Стратегия зеленого роста (2021), Базовая политика реализации GX (2023) и Базовый экологический план (2024) – объединяет единая стратегическая цель: достижение углеродной нейтральности к 2050 г. с промежуточным ориентиром сокращения выбросов на 46% к 2030 г. (относительно 2013 г.). Все документы трактуют декарбонизацию как драйвер экономического роста, опираясь на государственно-частные инвестиции, делая акцент на росте потребления низкоуглеродного водорода и увеличении доли морской ветроэнергетики в структуре генерации. Поэтапная эволюция документов прослеживается в расширении инструментария: если Стратегия–2021 фокусировалась на дорожных картах развития 14 секторов, то GX-2023 ввела финансовый механизм «переходных облигаций» и систему GX-ETS, а План-2024 в большей степени охватил циркулярную экономику и сохранение биоразнообразия.

Все три документа декларируют технологическую нейтральность, допуская использование ископаемого топлива с улавливанием выбросов, что важно в контексте именно постепенного транзита к экономике «чистого нуля», с сохранением баланса между нуждами экспортно-ориентированной экономики и стремлением к климатической нейтральности. Суммарно они демонстрируют редкую для развитых стран (не говоря уже о развивающихся) системность в объединении целого ряда климатических, экономических и финансовых механизмов в единую политическую траекторию.

Концепции устойчивого развития в Республике Корея

Республика Корея немного позже, чем Япония, начала уделять внимание внедрению механизмов устойчивого развития на государственном уровне. В 2018–2020 гг. были одобрены несколько узких отраслевых планов в рамках отдельных министерств и ведомств (например, Министерства продовольствия, сельского, лесного и рыбного хозяйства Республики Корея), однако все они носили разрозненный характер и не формировали цельной картины. В рамках координации усилий в данном направлении

в 2020–2022 гг. были представлены три документа, формирующие костяк политики страны в области низкоуглеродной трансформации. Это «Зеленый Новый курс» (июль 2020 г.), Стратегия углеродной нейтральности 2050 (декабрь 2020 г.) и рамочный Закон об углеродной нейтральности и зеленом росте для борьбы с климатическим кризисом (принят в сентябре 2021 г., вступил в силу в марте 2022 г.) [Moon et al. 2023].

«Зеленый Новый курс» был разработан Администрацией президента в кооперации с Министерством экономики и финансов и Министерством окружающей среды Южной Кореи, с привлечением ведущих экспертов из Корейского института экологических технологий и промышленности (KEITI) и Национального совета по климату и качеству воздуха. Ключевой целью был объявлен переход к углеродной нейтральности к 2050 г., что прямо согласуется с международными обязательствами страны, подтвержденными на уровне ООН¹¹.

Финансовый механизм курса предусматривает инвестиции в размере 73 трлн вон (около 65 млрд долл) на период 2020–2025 гг., из которых 42,7 трлн вон (38 млрд долл) направляются на формирование «зеленой» инфраструктуры, включая «умные» сети энергоснабжения и модернизацию зданий (преобразование более 200 тыс. государственных зданий в углеродно-нейтральные). Ориентиры для энергетического сектора следующие: увеличение доли ВИЭ в генерации электроэнергии с 9,2% в 2020 г. до 21,6% к 2030 г., с последующим ростом до 35% к 2040 г. Для транспортного сектора определены цели по распространению электромобилей и автомобилей на водородных топливных элементах (ВТЭ). Количество электротранспорта должно составить 1,13 млн единиц к 2025 г. (и 3,3 млн – к 2030 г.), а автомобилей на ВТЭ – 200 тыс. единиц к 2030 г.

Кроме того, предусматривалось создание более 650 тыс. новых рабочих мест в «зеленых» секторах к 2025 г., преимущественно в сегментах возобновляемой энергетики и переработки отходов (более 1800 «умных» экологически чистых заводов и фабрик). Для декарбонизации промышленности предполагалось выделить 9 трлн вон (8 млрд долл) в рамках запуска Фонда зеленой энергии, поддерживающего технологии улавливания углерода и водородные проекты. Ожидаемый экологический эффект к 2030 г. – сокращение выбросов парниковых

¹¹ 한국에너지기술연구원기후기술전략실 // 한국에너지기술연구원 (Korea Institute of Energy Research) URL: <https://www.kier.re.kr/UploadFiles/tpp/energy/16431704492820.pdf> (дата обращения 04 августа 2025).

газов на 40% относительно уровня 2018 г., что эквивалентно 86 млн т CO₂¹².

Цели по ВИЭ, обозначенные в документе, заметно отстают от аналогичных в соседних странах (Японии и Китае), а зависимость от угля сохраняется на уровне 35,6% в энергобалансе (по состоянию на 2024 г.). Кроме того, отсутствие законодательного закрепления части мер (например, постепенного отказа от угля) снижает практическую значимость «Зеленого Нового курса». Тем не менее он представляет собой хорошую комплексную рамку для синхронизации экономического роста и экологической трансформации.

Стратегия углеродной нейтральности 2050 была принята в декабре 2020 г. и является дальнейшим развитием «Зеленого Нового курса». Сохраняя его общую логику и масштабы финансирования, Стратегия конкретизирует отдельные этапы достижения полной углеродной нейтральности. Уточняется промежуточный показатель по сокращению выбросов парниковых газов: на 40% к 2030 г. относительно уровня 2018 г. (или 709 млн т CO₂-экв.) при сохранении ориентира на достижение «чистого нуля» к 2050 г. Промежуточные результаты показывают снижение выбросов до 624 млн т в 2023 г. (на 14% от базового уровня), что превысило изначальные плановые показатели на 6,5%, в основном благодаря росту генерации на АЭС и с использованием ВИЭ.

Собственно, уточняются и показатели по доле выработки электроэнергии на АЭС и при помощи ВИЭ. Доля ВИЭ в электрогенерации должна вырасти до 21,6% к 2030 г., до 30,6% к 2036 г. и до 35% к 2040 г. (добавился промежуточный показатель для 2036 г.). Доля АЭС – увеличиться с 24% в 2020 г. до 32,4% к 2030 г. и 34,6% к 2036 г., включая ввод в эксплуатацию четырех новых энергоблоков (Saoul 3-4, Shin-Hanul 3-4). Показатели для транспортных средств не изменились, но добавилась задача по внедрению систем улавливания углерода на 30% угольных ТЭС к 2030 г. В целом же предполагается поэтапный отказ от угольной генерации – а именно, снижение ее доли с 40% в 2020 г. до 20% к 2030 г. и 14% к 2036 г. Дополнительно стратегия включает три области осуществления низкоуглеродной политики: «зеленая» трансформация крупных городов и инфраструктуры, расширение использования распределенной (децентрализованной) генерации, создание инновационной экосистемы для «зеленых» отраслей [Joo et al. 2023].

¹² The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation // Government of the Republic of Korea. URL: https://cdn.climatepolicyradar.org/navigator/KOR/2020/korean-new-deal_aacae50714c9fb25ad9e06a73ebcac40.pdf (дата обращения 04 августа 2025).

Если говорить об уже достигнутых результатах, то в части развития ВИЭ наблюдается постепенное отставание от запланированных показателей, которое, впрочем, еще может быть компенсировано на дистанции до 2030 г. В части транспорта ситуация довольно сложная. По состоянию на 2024 г. в Южной Корее было зарегистрировано почти 700 тыс. электромобилей, что в 2 раза меньше плана на 2025 г., но динамика продаж стабильно растет с 2020 г. – не менее 20% ежегодно. Что касается автомобилей на топливных элементах (FCEV), то в 2024 г. их суммарно в эксплуатации насчитывалось 36 тыс. единиц, что делает Южную Корею страной с одним из самых больших парков таких автомобилей в мире¹³. Ежегодно на учет ставится 3–4 тыс. единиц водородного транспорта. Впрочем, это не отменяет факта – текущие темпы явно не позволяют достичь показателя в 200 тыс. единиц к 2030 г.

Рамочный закон об углеродной нейтральности и «зеленом» росте был официально принят Национальным собранием Южной Кореи 24 сентября 2021 г. и вступил в силу 25 марта 2022 г. Разработкой документа занималось Министерство окружающей среды в кооперации с Министерством экономики и финансов и с привлечением экспертов Национального совета по климату, а также ряда научных организаций, таких как Корейский институт экологических технологий и промышленности (KEITI). Закон закрепляет национальное видение достижения углеродной нейтральности к 2050 г. и создает институциональную основу для реализации климатической политики, включая учреждение Комитета по углеродной нейтральности и «зеленому» росту и Фонда климатического реагирования. Помимо стандартных долгосрочных ориентиров, подробнее представлены и промежуточные этапы [Joо et al. 2023].

Установлена обязательная цель сокращения выбросов ПГ на 40% к 2030 г. относительно уровня 2018 г. в общем с конкретизацией по секторам: энергетика (сокращение на 44%, или 150 млн т), промышленность (сокращение на 15%, или 222 млн т), транспорт (сокращение на 38%, или 61 млн т), здания (сокращение на 33%, или 35 млн т). В качестве одного из наиболее важных механизмов реализации выделяется углеродное ценообразование, а именно внедрение национальной системы торговли выбросами (K-ETS), охватывающей 74% эмиссии в стране.

¹³ South Korea 2024. EV Market, Led By Tesla, Outpaces Broader Downturn // Focus2Move (Asia East). URL: <https://www.focus2move.com/korean-vehicles-market-2024-2/> (дата обращения 8 августа 2025); Global Fuel Cell Electric Vehicle Fleet // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1387835/global-fcev-stock-in-selected-country-by-vehicle-segment/> (дата обращения 8 августа 2025).

Среди технологических приоритетов выделяется развитие низкоуглеродной водородной энергетики с целью довести производство «чистого» водорода до 13% от общего объема (всего в стране ежегодно производится около 2 млн т водорода по технологиям газификации угля и риформинга метана) к 2030 г. Стимулируется и установка систем улавливания углерода с целью утилизации 10 млн т CO₂ к 2030 г. и 85 млн т к 2050 г. Дополнительно должен быть реализован комплекс мер для увеличения поглощающей способности экосистем на 27 млн т через восстановление лесов и водно-болотных угодий¹⁴.

На государственном уровне внедряется принцип «загрязнитель платит», требующий пересмотра налоговой и финансовой систем для отражения экологических издержек. Однако в настоящее время действие этого принципа приостановлено – это произошло в результате конституционного кризиса. В августе 2024 г. Конституционный суд Южной Кореи признал эту статью закона неконституционной из-за отсутствия количественных целей на период 2031–2049 гг., что нарушает принцип правовой определенности и перекладывает бремя на будущие поколения. Суд обязал законодателей внести поправки до февраля 2026 г.¹⁵

Отдельным образом следует упомянуть инициативу *Smart Green City* («Зеленые» умные города), которая разрабатывалась в 2020–2021 гг. как часть «Зеленого Нового курса» с целью создания углеродно-нейтральных городов. Проект предусматривал инвестиции в 290 млрд вон (210 млн долл.) для 25 городов-участников, направляемые на модернизацию энергосистем, внедрение «умных» сетей, распространение низкоуглеродного транспорта и цифровизацию управления отходами. Но оценка предварительных результатов, сделанная в 2023 г., выявила критически низкую эффективность реализации, а именно отсутствие явных экологических улучшений, серьезные технологические пробелы (например, слабое использование ИКТ для оптимизации энергопотребления) и также конфликты с существующими градостроительными планами. Тем не менее инициативу не свернули, судя по всему, рассчитывая на ее частичную «перезагрузку» через несколько лет [Kim 2024].

¹⁴ Carbon Neutral Green Growth Framework Act to Tackle the Climate Crisis // Climate Change Laws of the World. URL: https://climate-laws.org/document/carbon-neutral-green-growth-framework-act-to-tackle-the-climate-crisis_fb15 (дата обращения 8 августа 2025).

¹⁵ 최근 선고(2024. 8. 29.) 된 탄소중립기본법 제8조 제1항 헌법불합치 주요 내용 // 법률신문. URL: <https://www.lawtimes.co.kr/LawFirm-NewsLetter/202688> (дата обращения 8 августа 2025).

Таблица 2

Динамика ключевых экологических индикаторов Южной Кореи
(2018–2024 гг.)¹⁶

Год	% ВВП на НИОКР в зеленых технологиях	Индекс прогресса SDG (0-100)	Энергоэффективность ВВП (на кг н.э.)
2018	0,18	78,9	7,2
2019	0,22	79,5	7,4
2020	0,23	79,8	7,7
2021	0,25	80,6	7,9
2022	0,27	81,2	8,0
2023	0,28	81,5	8,1
2024	0,30	82,1	8,3

Из табл. 2 видно, что все три количественные метрики демонстрируют умеренный рост (по сравнению с Японией), который несколько ускоряется после 2020 г., когда были последовательно одобрены стратегические планы в области устойчивого развития. Однако в соотношении с заявленными амбициозными целями эффект явно недостаточный, т. е. пока нет серьезных оснований утверждать, что усилия правительства Южной Кореи в области низкоуглеродной трансформации дают ощутимый результат – возможно, он будет лучше заметен на дистанции до 2030 г.

В данном ключе вполне допустим осторожный оптимизм, особенно в свете реализации экономической программы президента

¹⁶ Составлено автором по: [Joo et al. 2023; Xuan 2025]; South Korea – Research and Development Expenditure (in % of GDP) // Trading Economics Data. URL: <https://tradingeconomics.com/south-korea/research-and-development-expenditure-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения 02 августа 2025); Sustainable Development Report. Korea, Rep. // SDG Index & Dashboards. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/korea-rep/policy-efforts> (дата обращения 2 августа 2025); South Korea Energy Productivity: (GDP) Gross Domestic Product per Unit of TPES // CEIC Data 1990–2023. URL: <https://www.ceicdata.com/en/korea/environmental-energy-production-and-consumption-oecd-member-annual/kr-energy-productivity-gdp-per-unit-of-tpes> (дата обращения 2 августа 2025).

Юн Сок Ёля¹⁷, стартовавшей в 2022 г. и направленной, в частности, на ускорение энергоперехода в стране с внедрением более широкого перечня мер господдержки проектов в сфере «зеленой» трансформации. Предшествующий президент Мун Чжэ Ин (2017–2022 гг.) тоже уделял немало внимания этому аспекту, поддержав принятие «Зеленого Нового курса» [Зуева 2022], однако не стоит забывать и о том, что именно при нем были инициированы меры по отказу от атомной энергетики (как минимум заморозены планы по строительству новых АЭС, что, с учетом относительно невысоких темпов прироста ВИЭ-генерации в РК, могло существенно отдалить страну от ориентиров по снижению выбросов CO₂), однако Юн Сок Ёль сразу же заявил о скором возобновлении строительства шести энергоблоков на дистанции до 2029 г.¹⁸

Особенностью южнокорейского подхода является поэтапная интеграция принципов климатической нейтральности в законодательную рамку, что отличается от преимущественно технократических подходов многих развитых стран. Институциональная динамика отражает переход от межведомственной координации к созданию профильных органов управления, что в обозримом будущем, с большой долей вероятности, приведет к ускорению низкоуглеродной трансформации благодаря четкой, иерархически выстроенной системе принятия решений. Тем не менее, несмотря на амбициозные планы, страна сталкивается с ограничениями в потенциале возобновляемой энергетики из-за высокой плотности населения и ограниченности земельных ресурсов. Зависимость от угля для генерации электроэнергии остается высокой, и это явно затрудняет достижение заявленных целей по сокращению выбросов к 2030 г.

Заключение

Несмотря на амбициозные государственные программы поддержки низкоуглеродной трансформации в Японии и Республике Корея, их внедрение сдерживается системными инфраструктурны-

¹⁷ В июне 2025 г. новым президентом Южной Кореи стал Ли Чжэ Мён, но пока он не предложил собственной экономической программы, фактически продолжая курс предшественника.

¹⁸ South Korea's "Unstable" Nuclear Energy Policy: from Lee through Moon to Yoon Governments // Heinrich-Böll-Stiftung e.V. URL: <https://kr.boell.org/en/2023/04/14/south-koreas-unstable-nuclear-energy-policy-lee-through-moon-yoon-governments> (дата обращения 12 августа 2025).

ми и экономическими барьерами. Яркий пример здесь – транспорт на водородных топливных элементах. Ключевыми проблемами остаются высокая стоимость производства и эксплуатации топливных элементов, а также недостаточная развитость сети водородных заправочных станций. Это приводит к ограниченной доступности технологии для массового потребителя и замедляет темпы распространения такого транспорта. Социальное восприятие также играет роль: население проявляет недоверие к новым технологиям в плане безопасности и надежности, что требует ряда дополнительных усилий по разъяснению их преимуществ и необходимости обеспечения поддержки со стороны правительства.

Если говорить об эффективности финансовых инструментов стимулирования «зеленой» трансформации в Японии и Республике Корея, то получается довольно непростая картина. С одной стороны, субсидии и транзитные облигации доказали свою высокую эффективность для задач масштабирования ВИЭ-генерации и распространения экологически чистого транспорта, что прямо отражается в росте показателей. Однако явно просматривается и эффект «зеленого камуфляжа», когда основная поддержка распространяется на проекты крупных корпораций, которые редко в достаточной мере соответствуют понятию «устойчивости». Правительству Японии никак не удается побороть проблему высоких затрат, перекладываемых на конечных потребителей через высокие тарифы, что поднимает вопросы о долгосрочной финансовой целесообразности таких действий. В то же время субсидии на НИОКР продемонстрировали исключительную результативность в области разработки экологических технологий – только их экономический бонус в виде заметного роста добавленной стоимости «зеленых» отраслей проявляется со значительной задержкой. Пока трудновыполнимой задачей остается «тонкая настройка» инструментов для одновременного достижения и экологических, и экономических целей без непреднамеренного создания негативных эффектов.

В целом же анализ реализации концепций устойчивого развития в Японии и Южной Корее выявляет во многом различающиеся, но взаимодополняющие траектории, отражающие специфику экономических моделей и институциональной структуры. Японский подход характеризуется движением от сугубо экологической политики к промышленной стратегии декарбонизации, воплощенной в трехэтапной архитектуре – от Стратегии «зеленого» роста через план GX и далее к Шестому базовому экологическому плану. Южнокорейский подход демонстрирует несколько более «сжатое» видение – когда основные политические механизмы были

внедрены в краткосрочном периоде 2020–2022 гг. через последовательное принятие «Зеленого Нового курса», «Стратегии углеродной нейтральности 2050» и также Рамочного закона об углеродной нейтральности.

Важное различие между подходами двух рассматриваемых государств заключается в соотношении промышленной и экологической политик. Япония больше делает акцент на технологическом лидерстве в логике «позитивного цикла экономического роста и защиты окружающей среды», где экологические цели интегрируются в промышленную политику через механизмы поддержки приоритетных секторов и создание Фонда зеленых инноваций. Республика Корея предпочитает институциональную трансформацию под эгидой принципов «долгосрочной климатической справедливости», закрепленных на законодательном уровне. Различия проявляются также и в финансовых механизмах: Япония внедрила первые в мире суверенные переходные облигации и поэтапную систему углеродного ценообразования, тогда как Южная Корея фокусируется на прямом бюджетном стимулировании и создании Фонда климатического реагирования для запуска перспективных проектов.

Подходы обеих стран существенно отличаются от принятого на Западе видения по двум аспектам. Во-первых, Япония и Республика Корея объединяют промышленную политику с экологическими ориентирами путем создания государственных инвестиционных фондов и секторального планирования, в отличие от рыночных механизмов, доминирующих на Западе. Японское видение концепции циркулярной экономики и южнокорейская модель «зеленой» трансформации городов представляют собой территориально-функциональные подходы, не имеющие прямых аналогов в США или странах ЕС.

Во-вторых, подходы Японии и Южной Кореи характеризуются более высокой степенью государственного участия и координации процессов через межведомственные комитеты и специализированные институты. Японская модель «коэволюции» правительства, рынка и общества, и южнокорейская концепция справедливого перехода с участием всех социальных групп хорошо отражают коллективистскую логику принятия решений, отличающуюся от индивидуалистического западного восприятия. Количественные целевые показатели также демонстрируют различия: Япония и РК устанавливают более конкретные отраслевые цели и инвестиционные обязательства в абсолютных величинах, тогда как на Западе фокусируются на относительных показателях сокращения выбросов ПГ и углеродной нейтральности без детальной спецификации.

Эти различия отражают альтернативные маршруты модернизации, где Япония и Южная Корея адаптируют концепции устойчивого развития к национальным институциональным особенностям, создавая потенциально более эффективные механизмы «зеленой» трансформации социально-экономических систем.

Долгосрочные последствия различий в подходах выражаются в следующем. Японская модель демонстрирует большую институциональную стабильность и более равномерное распределение преимуществ от реализации инициатив в области устойчивого развития, однако это может приводить к стагнации и риску технологического отставания в динамично развивающихся отраслях, если смотреть в глобальном разрезе (те же водородные технологии). Южнокорейская модель обеспечивает быстрые темпы масштабирования «зеленых» отраслей, что позитивно сказывается на экономическом росте и экспортном потенциале, но такая концентрация усилий создает риски социального неравенства и региональных диспропорций, потенциально подрывая общественный консенсус вокруг политик устойчивого развития.

Существенные риски несет в себе также и чрезмерная зависимость от государственного регулирования. Контроль со стороны правительства, свойственный обеим странам, может подавлять частную инициативу, приводя к выбору технологических решений, вытекающих из интересов крупных корпораций, связанных с государством, и далеко не всегда учитывающих критерии рыночной эффективности. Это напрямую ведет к потенциальному закреплению неоптимальных стратегий, снижению гибкости национальных систем поддержки инноваций в условиях быстро меняющейся обстановки – бюрократические институты адаптируются к изменениям медленнее рынка. Кроме того, это может ограничивать приток венчурного капитала и развитие экосистемы стартапов, которые являются основными источниками прорывных технологий. Таким образом, необходим сбалансированный подход, сочетающий четкое государственное планирование с рыночными механизмами.

Литература

- Зуева 2022 – *Зуева А.Г.* Экономические вызовы Республики Корея на современном этапе // *Современные проблемы Корейского полуострова* / Под ред. А.З. Жебина, К.В. Асмолова и др. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 207–217.
- Joo et al. 2023 – *Joo J., Paavola J., Alstine J.* Contested Net-Zero Target Setting in a Transitioning Country: the Case of South Korea // *Futures*. 2023. Vol. 147. P. 2–12.

- Kartal et al. 2023 – *Kartal M., Pata U., Destek M., Caglar A.* Environmental Effect of Clean Energy Research and Development Investments: Evidence from Japan by Using Load Capacity Factor // *Journal of Cleaner Production*. 2023. Vol. 416. P. 2–18.
- Kashwani 2019 – *Kashwani G.* A Critical Review on the Sustainable Development Future // *Journal of Geoscience and Environment Protection*. 2019. Vol. 7. Iss. 3. P. 1–11.
- Kim 2024 – *Kim M.* Rethinking the Smart Green City Project in South Korea: A Critical Juncture Approach // *Sustainability*. 2024. Vol. 16. Iss. 22. P. 2–20.
- Mensah 2019 – *Mensah J.* Sustainable Development: Meaning, History, Principles, Pillars, and Implications for Human Action: Literature Review // *Cogent Social Sciences*. 2019. Vol. 5. P. 1–21.
- Moon et al. 2023 – *Moon S., Kim Yo., Kim M., Lee J.* Policy Designs to Increase Public and Local Acceptance for Energy Transition in South Korea // *Energy Policy*. 2023. Vol. 182. P. 2–16.
- Osanai, Yu 2023 – *Osanai S., Yu J.* Comparative Study on National Policies and Educational Approaches Toward Regional Revitalization in Japan and South Korea: Aiming to Achieve the Sustainable Development Goals // *Societies*. 2023. Vol. 13. Iss. 9. P. 2–14.
- Whittaker 2024 – *Whittaker D.* Japan's Quest for a Sustainable, Virtuous Circle of Growth and Innovation // *Asia Pacific Business Review*. 2024. Vol. 30. Iss. 3. P. 451–566.
- Xuan 2025 – *Xuan V.* Dynamic Relationships between Energy Use Economic Growth Foreign Investment and Environmental Pollution in South Korea from 1990 to 2023 // *Discover Sustainability*. 2025. Vol. 6. Iss. 782. P. 2–23.

References

- Joo, J., Paavola, J. and Alstine, J. (2023), "Contested net-zero target setting in a transitioning country: the case of South Korea", *Futures*, vol. 147, pp. 2–12.
- Kartal, M., Pata, U., Destek, M. and Caglar, A. (2023), "Environmental effect of clean energy research and development investments: evidence from Japan by using load capacity factor", *Journal of Cleaner Production*, vol. 416, pp. 2–18.
- Kashwani, G. (2019), "A critical review on the sustainable development future", *Journal of Geoscience and Environment Protection*, vol. 7, no. 3, pp. 1–11.
- Kim, M. (2024), "Rethinking the Smart Green City project in South Korea: A critical juncture Approach", *Sustainability*, vol. 16, no. 22, pp. 2–20.
- Mensah, J. (2019), "Sustainable development: meaning, history, principles, pillars, and implications for human action: literature review", *Cogent Social Sciences*, vol. 5, pp. 1–21.
- Moon, S., Kim, Yo., Kim, M. and Lee, J. (2023), "Policy designs to increase public and local acceptance for energy transition in South Korea", *Energy Policy*, vol. 182, pp. 2–16.

- Osanaï, S. and Yu, J. (2023), “Comparative study on national policies and educational approaches toward regional revitalization in Japan and South Korea: aiming to achieve the sustainable development goals”, *Societies*, vol. 13, no. 9, pp. 2–14.
- Whittaker, D. (2024), “Japan’s quest for a sustainable, virtuous circle of growth and innovation”, *Asia Pacific Business Review*, vol. 30, no. 3, pp. 451–566.
- Xuan, V. (2025), “Dynamic relationships between energy use economic growth foreign investment and environmental pollution in South Korea from 1990 to 2023”, *Discover Sustainability*, vol. 6, no. 782, pp. 2–23.
- Zueva, A.G.(2022), “Economic challenges of the Republic of Korea at the present stage”, Zhebina,, A.Z. and Asmolova, K.V. (eds.), *Korean Peninsula Current Issues*, IKSA RAN, Moscow, Russia, pp. 207–217.

Информация об авторе

Константин А. Корнеев, кандидат исторических наук, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; korneev@iccaras.ru

Information about the author

Konstantin A. Korneev, Cand. of Sci. (History), Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; bld. 32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, Russia, 117997; korneev@iccaras.ru

О роли парламентской дипломатии в формировании российско-иранского стратегического партнерства

Алексей С. Кузнецов

*Аппарат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации,
Москва, Россия, akuznetsov@duma.gov.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль парламентской дипломатии в формировании и укреплении российско-иранского сотрудничества в различных сферах. В последние годы сотрудничество России и Ирана значительно ускорилося и вышло на уровень стратегического партнерства. Важную роль в этом сыграла парламентская дипломатия. Межпарламентское взаимодействие России и Ирана прямо предусмотрено в двусторонних документах о сотрудничестве. Государственная Дума Федерального Собрания России тесно сотрудничает с Меджлисом Исламского Совета Ирана, что проявляется в регулярных контактах спикеров этих законодательных органов. Также в 2018 г. была создана межпарламентская Комиссия по двустороннему сотрудничеству, которая позволила упорядочить и интенсифицировать связи на уровне парламентов. Еще один важный механизм развития российско-иранских отношений в аспекте парламентской дипломатии – это «группы дружбы», функционирующие как в Государственной Думе, так и в Меджлисе Исламского Совета. Активно проходят встречи профильных комитетов законодательных органов России и Ирана. Межпарламентские связи между Россией и Ираном, без сомнения, продолжают укрепляться и играть важную роль в двусторонних отношениях, способствуя раскрытию потенциала взаимодействия в разных областях.

Ключевые слова: Россия, Иран, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Меджлис Исламского Совета Исламской Республики Иран, парламентская дипломатия, стратегическое партнерство, «группы дружбы»

Для цитирования: Кузнецов А.С. О роли парламентской дипломатии в формировании российско-иранского стратегического партнерства // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 43–55. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-43-55

© Кузнецов А.С., 2025

On the role of parliamentary diplomacy in shaping the Russian-Iranian strategic partnership

Aleksey S. Kuznetsov

*Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation,
Moscow, Russia, akuznetsov@duma.gov.ru*

Abstract. The article analyses the role of parliamentary diplomacy in the formation and strengthening of Russian-Iranian cooperation in various fields. In recent years, cooperation between the two countries has accelerated significantly, reaching the level of a strategic partnership. Parliamentary diplomacy has played a pivotal role in that development. Interparliamentary interaction between the two countries is expressly provided for in bilateral cooperation documents. The State Duma of the Federal Assembly of Russia works closely with the Islamic Consultative Assembly of Iran (Majlis), as evidenced by regular meetings between the speakers of the legislative bodies. In 2018, an Interparliamentary Commission on Bilateral Cooperation was also established to streamline and intensify parliamentary ties. Another important mechanism for developing Russian-Iranian relations in terms of parliamentary diplomacy is the ‘friendship groups’ operating in both the State Duma and the Islamic Consultative Assembly. Meetings of the relevant legislative bodies’ committees are also actively underway. Undoubtedly, interparliamentary ties between Russia and Iran will continue to strengthen, playing an important role in bilateral relations and helping to foster the potential for cooperation in various areas.

Keywords: Russia, Iran, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Islamic Consultative Assembly of the Islamic Republic of Iran, parliamentary diplomacy, strategic partnership, “friendship groups”

For citation: Kuznetsov, A.S. (2025), “On the role of parliamentary diplomacy in shaping the Russian-Iranian strategic partnership”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 43–55, DOI: 0.28995/2686-7648-2025-5-43-55

Введение

Выступая на итоговом пленарном заседании II Международного форума «Развитие парламентаризма» в Москве 3 июля 2019 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин, отметив безусловную важность и актуальность межпарламентского диалога, заявил, что огромная роль в консолидации усилий стран и народов в решении общих проблем современности принадлежит парламентскому сообществу. По словам главы государства, основной миссией парламентской дипломатии видится продвижение объединительной

конструктивной повестки, содействие гармонизации экономических и гуманитарных контактов и связей, укрепление доверия между народами¹.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров в ходе своего выступления на «Правительственном часе» в Государственной Думе 25 января 2017 г. заявил, что в МИДе всегда рассматривают парламентскую дипломатию как важный ресурс в деле эффективной реализации внешнеполитического курса России, упрочения доверия и взаимопонимания в мировых делах².

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володин на открытии первого Международного форума «Развитие парламентаризма» в Москве 4 июня 2018 г. отметил, что в условиях, когда эффективность международных институтов и соглашений подрывается безответственным поведением политиков и ряда государств, парламентская дипломатия может и должна содействовать снижению конфронтации и конфликтного потенциала, укреплению доверия между странами и народами³.

Что же представляет собой феномен парламентской дипломатии? Само понятие парламентской дипломатии было впервые введено в оборот государственным секретарем США Д. Раском в 1955 г., который видел ее основной задачей укрепление взаимопонимания между странами, повышение эффективности контроля за правительством, лучшее представительство своего народа, а также повышение демократической легитимности межправительственных институтов [Rusk 1955]. Как представляется, особенность парламентской дипломатии заключается именно в том, что она, являясь одним из направлений внешней политики, находится на пересечении профессиональной дипломатии и дипломатии народной, общественной. Парламент, с одной стороны, представляет государство, а с другой – народ, общество, которое его избрало [Косов, Торопыгин 2012, с. 203].

¹ Международный форум «Развитие парламентаризма» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/soru/60894> (дата обращения 14 июля 2025).

² Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе «Правительственного часа» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Москва, 25 января 2017 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1541060/ (дата обращения 14 июля 2025).

³ Володин: парламентская дипломатия должна содействовать снижению конфронтации в мире // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/5260472> (дата обращения 14 июля 2025).

Парламентская дипломатия – самостоятельный компонент участия законодательных органов в международных отношениях. Практика показывает, что парламентская дипломатия обладает более высоким уровнем прозрачности, носит гораздо более гибкий характер по сравнению с дипломатическими инструментами исполнительной власти. Очевидно, что парламент в меньшей степени ограничен рамками дипломатического протокола, что позволяет активнее использовать механизм компромиссов, дискуссий и договоренностей. Высокое государственное положение парламентариев, их непосредственное участие в законодательной деятельности обеспечивает прямую имплементацию результатов парламентской дипломатии в проведение внешнеполитического курса нашей страны [Варлен 2019, с. 59].

Упоминание парламентской дипломатии содержится и в основополагающем документе, определяющем цели, задачи и приоритеты нашей страны в системе международных отношений – Концепции внешней политики Российской Федерации, последняя редакция которой была опубликована 31 марта 2023 г. В ней говорится, что Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в пределах своих полномочий проводят работу по законодательному обеспечению реализации внешнеполитического курса Российской Федерации и выполнения ее международных обязательств, а также способствуют выполнению задач парламентской дипломатии⁴. Межпарламентское сотрудничество осуществляется как на внутригосударственном уровне (в случае если у административных единиц имеются свои парламенты: они могут взаимодействовать как с общегосударственным парламентом, так и друг с другом), так и на международном: в виде двустороннего взаимодействия законодательных органов двух государств, а также в виде межпарламентских организаций и парламентских ассамблей международных организаций [Камучева 2016, с. 63].

Основные направления сотрудничества Государственной Думы РФ и Меджлисом Исламского Совета ИРИ

Какую же роль играет парламентская дипломатия в российско-иранских отношениях, имеющих характер стратегического партнерства и вышедших, по словам российских и иранских дипломатов

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения 23 июля 2025).

и высоких государственных деятелей, на действительно беспрецедентный уровень? Предлагаем обратиться к базовым межгосударственным документам, определяющим основные направления взаимодействия между Москвой и Тегераном. В статье 11 Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 12 марта 2001 г. говорится, что Стороны будут стремиться к всемерному содействию развитию и углублению межпарламентских связей, в том числе укреплению контактов между парламентскими группами дружбы⁵. В статье 15 Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 17 января 2025 г. отмечается, что договаривающиеся Стороны содействуют развитию сотрудничества между законодательными органами сторон, в том числе в рамках международных парламентских организаций, различных многосторонних форматов, профильных комитетов и комиссий, соответствующих групп по связям Федерального Собрания Российской Федерации и Меджлиса Исламского Совета Исламской Республики Иран, а также Комиссии по сотрудничеству между Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации и Меджлисом Исламского Совета Исламской Республики Иран⁶.

Остановимся подробнее на развитии сотрудничества между Государственной Думой и Меджлисом Исламского Совета ИРИ, динамика которых в полной мере соответствует интенсивности и наполненности контактов между лидерами обоих государств. Перечислим основные направления российско-иранского взаимодействия на парламентском треке:

- проведение заседаний Комиссий по сотрудничеству между Государственной Думой и Меджлисом Исламского Совета ИРИ;
- встречи на уровне Председателя Государственной Думы и Председателя Меджлиса Исламского Совета ИРИ; переговоры на уровне руководства (заместителей председателей) обоих законодательных органов;

⁵ Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3290> (дата обращения 23 июля 2025).

⁶ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения 23 июля 2025).

- встречи по линии «групп дружбы»;
- совместные заседания Комитета Государственной Думы по международным делам и Комиссии Меджлиса по национальной безопасности и внешней политике, а также профильных комитетов и комиссий, отвечающих за развитие сотрудничества в сферах, представляющих обоюдный интерес;
- сотрудничество в многосторонних парламентских форматах.

Остановимся на данных направлениях подробнее, ограничившись временными рамками работы Государственной Думы VII и действующего VIII созыва. Основной тон развитию межпарламентского взаимодействия задает регулярный диалог руководителей законодательных органов России и Ирана.

За один только 2017 г. Председатель Государственной Думы В.В. Володин провел четыре встречи со своим иранским визави Али Лариджани, причем все в рамках международных парламентских мероприятий: 27 июня в Сеуле «на полях» Второго совещания спикеров парламентов стран Евразии, 13 октября в Санкт-Петербурге, где проходила 137-ая Ассамблея Межпарламентского союза, 4 декабря в рамках межпарламентской конференции «Парламентарии против наркотиков» и 24 декабря в Исламабаде в рамках работы региональной Конференции спикеров парламентов по противодействию терроризму и укреплению регионального взаимодействия⁷.

В ходе первого официального визита Председателя Государственной Думы В.В. Володиной в Иран 8–9 апреля 2018 г. он заявил, что видит главной задачей российских и иранских парламентариев практическую реализацию (законодательное обеспечение) договоренностей между президентами России и Ирана о расширении торгово-экономического и политического сотрудничества. В ходе состоявшихся переговоров, В.В. Володиным и А. Лариджани была особо подчеркнута важность разделения труда между различными ветвями власти, а также то, что расширение многофункциональной деятельности парламентов России и Ирана диктует необходимость более активного подключения парламентариев с целью ускорения двустороннего сотрудничества⁸. В рамках визита было принято

⁷ Вячеслав Володин и Али Лариджани обсудили развитие межпарламентских отношений РФ и Ирана. URL: <https://vvolodin.ru/news/vyacheslav-volodin-i-ali-laridzhani-obsudili-razvitie-mezhparlamentских-otnoshenij-rf-i-irana/> (дата обращения 24 июля 2025).

⁸ *Тарасов С.* Парламентская дипломатия России и Ирана расправляет крылья // Регнум. URL: <https://regnum.ru/article/2402192> (дата обращения 29 июля 2025).

решение о создании Комиссии по сотрудничеству между Государственной Думой и Меджлисом Исламского Совета ИРИ и подписан ее регламент. Двусторонние межпарламентские комиссии являются без преувеличения высшей формой взаимодействия между законодательными органами. Согласно тексту Регламента, российско-иранская межпарламентская Комиссия собирается ежегодно, поочередно на территории каждой страны, а ее сопредседателями являются Председатель Государственной Думы и Председатель Меджлиса Исламского Совета или их заместители.

Среди основных целей и задач Комиссии заявлены: создание дополнительных возможностей для обмена опытом законодательной деятельности; содействие выполнению договоров, заключенных между Россией и Ираном; координация межпарламентской деятельности в рамках международных организаций и конференций; содействие торгово-инвестиционному сотрудничеству в таких сферах, как атомная энергетика, инфраструктурные проекты и сельское хозяйство; обеспечение региональной безопасности, противодействие терроризму и незаконному обороту наркотических веществ⁹. Ответственным лицом, курирующим работу Комиссии и межпарламентское сотрудничество с Ираном в целом, от российской стороны был назначен занимавший в то время пост заместителя Председателя Государственной Думы С.И. Неверов, впоследствии – также заместитель Председателя Государственной Думы А.М. Бабаков. К настоящему моменту состоялось три заседания Комиссии: первое прошло в Волгограде 6 сентября 2018 г., второе и третье – 27 января 2020 г. и 23 января 2023 г. в Тегеране.

Эволюция российско-иранского межпарламентского диалога за 2023–2024 гг.

Регулярные и содержательно наполненные контакты между парламентариями обеих стран продолжились и после того, как пост спикера Меджлиса Исламского Совета ИРИ занял Мохаммад Багер Галибаф. Последняя на сегодняшний день встреча В.В. Володина и М.Б. Галибафа состоялась 30 июля 2024 г., когда спикер Государственной Думы посетил Иран для участия в церемонии инаугурации избранного президента ИРИ Масуда Пезешкиана.

⁹ Россия и Иран подписали Регламент межпарламентской комиссии по сотрудничеству // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-iran-podpisali-reglament-mezhparlamentskoy-komissii-po-sotrudnichestvu.html> (дата обращения 25 июля 2025).

Если в начале интенсификации российско-иранского межпарламентского диалога акцент в основном делался на консультациях и решении проблем, касающихся торгово-экономического сотрудничества между двумя странами с подключением регионов, то по итогам визита В.В. Володина в Тегеран 22–23 января 2023 г. и проведения третьего заседания межпарламентской Комиссии перечень направлений взаимодействия между законодателями был расширен. Помимо торгово-экономических вопросов, стороны подробно обсудили вопросы законодательного обеспечения сотрудничества в финансово-банковской сфере – речь, в первую очередь, шла о наращивании использования в расчетах национальных валют и национальных платежных систем «Мир» и «Шетаб»; в области энергетики – возведение второго и третьего энергоблока Бушерской АЭС, реализация проекта строительства ТЭС «Сирик», а также совместных проектов в нефтегазовой сфере; в области логистики и транспорта – преодоление законодательных барьеров в реализации проекта международного транспортного коридора «Север – Юг», модернизация портовой инфраструктуры; в сельском хозяйстве – упрощение процедур, связанных с импортом иранской сельхозпродукции в Россию. Были затронуты также проблемы обеспечения региональной безопасности и противодействие терроризму и экстремизму, а также незаконному санкционному давлению в отношении наших государств¹⁰.

В результате достигнутых договоренностей профильные комитеты Государственной Думы – Комитет по финансовому рынку, Комитет по энергетике, Комитет по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры, Комитет по аграрным вопросам приступили во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти к организации планомерной работы по всем вышеперечисленным направлениям. Так, Комитет по аграрным вопросам поддерживает регулярные контакты с Комиссией Меджлиса Исламского Совета ИРИ по сельскому хозяйству, водным и природным ресурсам. В июне 2023 г. состоялась очная встреча российских парламентариев с делегацией данной Комиссии в Москве, в ходе которой обсуждались, в числе прочего, вопросы упрощения на законодательном уровне таможенного и фитосанитарного контроля для аграрной продукции, гармонизации сертификационных, санитарных и ветеринарных требований, пути преодоления торговых барьеров с целью наращивания импорта

¹⁰ Вячеслав Володин: Россия и Иран выступают за справедливое мироустройство // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/56218/> (дата обращения 29 июля 2025).

иранской сельхозпродукции в Россию¹¹. Комитет по финансовому рынку в сотрудничестве с иранскими коллегами курирует работу по организации взаиморасчетов в национальных валютах, укреплению прямых межбанковских контактов, распространению национальных финансовых продуктов и противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Комитет по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры совместно с профильным министерством и иранскими партнерами ведет консультации по реализации проекта международного транспортного коридора «Север – Юг», – в частности, по подготовке к строительству железнодорожного участка Решт-Астара. Комитет по энергетике, в свою очередь, курирует реализацию и осуществляет поддержку основных энергетических проектов на иранском направлении, способствует установлению новых деловых контактов между компаниями в нефтегазовой отрасли.

Можно отметить, что российско-иранское экономическое и энергетическое сотрудничество действительно значительно продвинулось за последние годы, во многом благодаря межпарламентскому взаимодействию. Так, товарооборот России и Ирана в 2022 г. достиг рекордного уровня – 4,6 млрд долл. Рост товарооборота во многом произошел в результате ускорения взаимодействия Ирана с ЕАЭС. Россия вышла на первое место по инвестициям в иранскую экономику. Стало очевидным стремление и российских, и иранских компаний заключать не просто торговые соглашения в последнее время, а инвестиционные проекты по созданию совместных производств. Наблюдается укрепление сотрудничества и на региональном уровне. В одной только Астраханской области весной 2023 г. работало более 120 иранских компаний [Мамедова 2024].

Активную работу по интенсификации российско-иранского межпарламентского диалога ведет и Комитет Государственной Думы по международным делам. К настоящему моменту было проведено восемь совместных заседаний Комитета и Комиссии по национальной безопасности и внешней политике (как в очном формате, так и в режиме видео-конференц-связи). На данных встречах российские и иранские парламентарии «сверяют часы» по всему комплексу вопросов двусторонней, региональной и международной повестки. В ходе таких контактов не обходится без обсуждения сложных

¹¹ 7 июня 2023 г. состоялась встреча депутатов Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам с делегацией Меджлиса Исламского Совета Исламской Республики Иран // Комитет Государственной Думы по аграрным вопросам. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://komitet-agro.duma.gov.ru/novosti/02b8448d-8b2f-405f-8fae-53230bec9b94> (дата обращения 31 июля 2025).

моментов и тем, таких как развитие иранской ядерной программы, ситуация в Сирии и в Центральной Азии, политика Израиля в регионе, вопрос о ратификации Ираном Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и других. Эти дискуссии позволяют обеим сторонам в более неформальной, парламентской обстановке услышать и понять позиции друг друга, координировать подходы по ключевым досье, затрагивающим интересы обоих государств.

Еще один важнейший механизм развития российско-иранских отношений в плоскости парламентской дипломатии – это т. н. «группы дружбы», функционирующие как в Государственной Думе (официальное название – депутатская группа по связям с парламентом Ирана), так и в Меджлисе Исламского Совета. Значение, которое в международной деятельности Государственная Дума придает укреплению связей с Ираном, отражается в том, что нашу депутатскую группу возглавляет руководитель фракции «Единая Россия» В.А. Васильев. Руководителем иранской группы является член Комиссии по национальной безопасности и внешней политике Э. Резаи. Последняя на сегодняшний день встреча российских и иранских парламентариев – членов групп дружбы – состоялась в Москве в апреле 2024 г.

Развивается российско-иранское межпарламентское взаимодействие и в многосторонних форматах. Остановимся на двух основных. В 2017 г. по инициативе В.В. Володина и его пакистанского визави был создан уникальный межпарламентский формат регионального характера – Конференция спикеров парламентов Афганистана, Ирана, Китая, Пакистана, России и Турции по противодействию терроризму и укреплению регионального взаимодействия. Цель данной Конференции – гармонизировать подходы перечисленных государств, в том числе на законодательном уровне, к обеспечению безопасности в азиатско-ближневосточном регионе, совместными усилиями выработать пути противодействия терроризму, экстремизму, наркотрафику и другим актуальным вызовам и угрозам. По итогам III Конференции, прошедшей в 2019 г. в Стамбуле, стороны договорились призвать органы безопасности государств-участников создать специальный механизм по обмену разведывательными данными, информацией, наилучшими практиками и опытом в сфере борьбы с терроризмом¹². К сожалению,

¹² Итоговая декларация III Конференции спикеров парламентов по противодействию терроризму и укреплению регионального взаимодействия // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/46594/> (дата обращения 1 августа 2025).

последующие события – пандемия COVID-19 и приход к власти в Афганистане талибов – привели к приостановке функционирования этого востребованного межпарламентского формата. В ходе переговоров В.В. Володина с М.Б. Галибафом 11 июля 2024 г. российский спикер предложил возобновить ежегодные проведения Конференции¹³. На данный момент в следующей Конференции согласились принять участие парламентские делегации пяти государств, а также представители новых властей Афганистана. Подготовка к проведению мероприятия продолжается.

Ведется активное взаимодействие с иранскими партнерами в рамках Азиатской парламентской ассамблеи. Члены российской и иранской делегаций традиционно проводят двусторонние встречи «на полях» мероприятий Ассамблеи, в ходе которых координируют законодательные подходы по актуальным региональным проблемам, разрабатывают и выносят на голосование резолюции, направленные на продвижение наших схожих позиций по широкому кругу вопросов предлагаемой повестки дня (Россия председательствует в организации в Комитете по культурному и социальному развитию, Иран – в Комитете по политическим вопросам).

С 1 января 2024 г. Иран стал полноправным членом БРИКС, что обусловило и его полноформатное подключение к парламентскому измерению объединения. В том же году парламентская делегация Ирана приезжала в Москву на встречу председателей Комитетов по международным делам стран – членов БРИКС, а делегация высокого уровня во главе с М.Б. Галибафом – на X Парламентский форум БРИКС, «на полях» которого и прошла очередная встреча М.Б. Галибафа и В.В. Володина 11 июля 2024 г.

Заключение

Как представляется, вышеизложенная информация дает все основания утверждать, что межпарламентское сотрудничество России и Ирана носит комплексный, многоплановый и доверительный характер, в полной мере соответствуя общему уровню двусторонних отношений привилегированного стратегического партнерства, на который вышли Москва и Тегеран в последние годы. Практика

¹³ Вячеслав Володин призвал возобновить Конференцию спикеров парламентов по противодействию терроризму и укреплению регионального взаимодействия // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/59670/> (дата обращения 1 августа 2025).

показывает, что основные направления взаимодействия между российскими и иранскими парламентариями позволяют решать задачи по достижению утвержденных руководством нашей страны внешнеполитических целей, а также целей, заложенных в Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. Как по мнению спикера Государственной Думы и Меджлиса Исламского Совета, так и по словам Посла Ирана в России Казема Джалали, российско-иранские контакты в сфере парламентской дипломатии обладают особыми преимуществами, поскольку подкреплены особыми отношениями между руководством обеих стран, преследуют достижение схожих целей как на двустороннем, так и на международном треке, а также развиваются одновременно на нескольких уровнях, включая встречи председателей законодательных органов, заседания комиссии высокого уровня, встречи профильных комитетов и групп дружбы¹⁴. Нет сомнений, что парламентские связи между Россией и Ираном продолжают укрепляться и играть важную роль в наших отношениях, способствуя дальнейшему росту политических контактов, а также реализации торгово-экономического, научно-образовательного и культурно-гуманитарного потенциала двустороннего сотрудничества.

Литература

- Варлен 2019 – *Варлен М.В.* О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // *Lex russica*. 2019. № 7 (152). С. 54–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065.
- Камучева 2016 – *Камучева В.Э.* Парламентская дипломатия и основы межпарламентского взаимодействия Федерального Собрания // *Научный альманах*. 2016. № 4 (18). С. 62–65. DOI: 10.17117/na.2016.04.04.062.
- Косов, Торопыгин 2012 – *Косов Ю.В., Торопыгин А.В.* Содружество независимых государств: интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. 296 с.
- Мамедова 2024 – *Мамедова Н.М.* Российско-иранские отношения в экономической сфере // *Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире: Материалы*

¹⁴ «В чем главный потенциал российско-иранского сотрудничества?»: Видеоинтервью с чрезвычайным и полномочным послом Исламской Республики Иран в Российской Федерации Каземом Джалали // *Парламентская газета*. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/v-chem-glavnyu-potencial-rossiysko-iranskogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения 5 августа 2025).

междунар. конф. Москва, 25 апреля 2023 г. / Под ред. В. Евсеева. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2024. С. 87–92. URL: <https://i-sng.ru/img/2024/04/Rossiysko-iranskoe-sotrudnichestvo-v-menyayushhemyamire-2023.pdf> (дата обращения 5 августа 2025).

Rusk 1955 – *Rusk D. Parliamentary Diplomacy: Debate vs. Negotiation* // *World Affairs Interpreter*. 1955. Vol. 26. No. 2. P. 121–138.

References

Kamucheva, V.E. (2016), “Parliamentary diplomacy and the outlines of Inter-parliamentary cooperation of Russian Federal Assembly”, *Science Almanac*, no. 4-4 (18), pp. 62–65, DOI: 10.17117/na.2016.04.04.062.

Kosov, Yu.V. and Toropygin, A.V. (2012), *Sodruzhestvo nezavisimykh gosudarstv: integratsiya, parlamentskaya diplomatiya i konflikty* [The Commonwealth of Independent States: Integration, Parliamentary Diplomacy, and Conflicts], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Mamedova, N.M. (2024), “Russian-Iranian relations in the economic sphere”, in Evseev, V. (ed.), *Rossiysko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemy mire: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 25 aprelya 2023 g.* [Russian-Iranian cooperation in a changing world. Proceedings of the International Conference, Moscow, April 25, 2023], Institut diaspory i integratsii (Institut stran SNG), Moscow, Russia, pp. 87–92.

Rusk, D. (1955), “Parliamentary Diplomacy: Debate vs. Negotiation”, *World Affairs Interpreter*, vol. 26, no. 2, pp. 121–138.

Varlen, M.V. (2019), “The Growing Role of Parliamentary Diplomacy in a Multipolar World”, *Lex Russica*, no. 7 (152), pp. 54–65, DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065.

Информация об авторе

Алексей С. Кузнецов, Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия; 103265, Россия, Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1; akuznetsov@duma.gov.ru

Information about the author

Aleksey S. Kuznetsov, Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 1, Okhotny Ryad Street, Moscow, Russia, 103265; akuznetsov@duma.gov.ru

Сотрудничество стран – членов СНГ в области физической культуры и спорта в 2023–2025 гг.: тенденции, механизмы и перспективы

Ирина Е. Ханова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, irkh_76@mail.ru*

Аннотация. Публикация посвящена анализу развития взаимодействия в области спорта на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) в период 2023–2025 гг. Сотрудничество в спортивной сфере является одним из самых успешных и динамичных направлений взаимодействия стран Содружества. Оно сочетает в себе наследие общей советской спортивной школы, политическую волю к укреплению гуманитарных связей и прагматичную заинтересованность в совместном успехе. Исследуются нормативно-правовая база, институциональные механизмы и ключевые направления взаимодействия, включая проведение совместных мероприятий, развитие массового спорта, подготовку высококвалифицированных спортсменов и борьбу с допингом. Особое внимание уделяется влиянию внешнеполитического контекста на спортивную дипломатию стран-участниц. На основе изучения текущих программ и заявленных инициатив автор выделяет основные тенденции, вызовы и перспективы интеграционных процессов в спортивной сфере на пространстве СНГ.

Ключевые слова: СНГ, международное спортивное сотрудничество, спортивная дипломатия, Игры СНГ, массовый спорт, антидопинговая политика, физическая культура

Для цитирования: Ханова И.Е. Сотрудничество стран – членов СНГ в области физической культуры и спорта в 2023–2025 гг.: тенденции, механизмы и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 56–68. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-56-68

Cooperation between CIS member states in the field of physical culture and sports in 2023–2025: trends, mechanisms, and prospects

Irina E. Khanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irkh_76@mail.ru*

Abstract. The publication analyzes the development of cooperation in the field of sports within the Commonwealth of Independent States (CIS) during the period of 2023–2025. Sports cooperation is one of the most successful and dynamic areas of interaction among CIS countries. It combines the legacy of a shared Soviet sports school, the political will to strengthen humanitarian ties, and a pragmatic interest in mutual success. The study examines the regulatory and legal framework, institutional mechanisms, and key areas of cooperation, including joint events, the development of mass sports, the training of highly qualified athletes, and the fight against doping. Particular attention is paid to the impact of the foreign policy context on the sports diplomacy of participating countries. Based on a study of current programs and declared initiatives, the author identifies the main trends, challenges, and prospects for integration processes in the sports sphere within the CIS.

Keywords: CIS, international sports cooperation, sports diplomacy, CIS Games, mass sports, anti-doping policy, physical culture

For citation: Khanova I.E. (2025), “Cooperation between CIS member states in the field of physical culture and sports in 2023–2025: trends, mechanisms, and prospects”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 56–68, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-56-68

Спорт как социально-политический и культурный феномен является одним из действенных инструментов мягкой силы и укрепления международных связей [Боголюбова, Николаева 2011]. На пространстве СНГ, объединяющего страны с общим историческим прошлым и тесными гуманитарными связями, спортивное сотрудничество остается стабильным и востребованным направлением взаимодействия [Бродская 2006]. Важным аспектом, определяющим динамику сотрудничества в спортивной сфере, является влияние политических факторов [Николаева 2018; Прозуменщиков 2004]. Геополитическая конъюнктура, двусторонние отношения между странами-участницами, а также

внешнеполитические вызовы оказывают непосредственное воздействие на форматы, интенсивность и результативность сотрудничества. В условиях международной изоляции ряда государств СНГ спорт становится не только инструментом «мягкой силы», но и механизмом укрепления альтернативных союзов [Пшенко 2007].

Период 2023–2025 гг. является знаковым для спорта стран-членов СНГ. Он ознаменован реализацией плановых мероприятий в рамках плана мероприятий по реализации «Стратегии международного молодежного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2030 г.»¹ и подготовки к новому циклу крупных мультиспортивных соревнований. Анализ сотрудничества в этот временной отрезок позволяет выявить как традиционные, так и новые этапы взаимодействия, оценить эффективность существующих механизмов и спрогнозировать его дальнейшую эволюцию в условиях меняющейся международной обстановки.

Следует отметить, что сотрудничество в области физической культуры и спорта в рамках СНГ базируется на прочной договорно-правовой базе, формировавшейся на протяжении десятилетий [Муратшина, Валева 2004, с. 93]. Базовым документом, регулирующим взаимодействие в данной сфере, является «Соглашение о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств-участников Содружества Независимых Государств»². На основе данного соглашения начал свою работу Межгосударственный совет по физической культуре и спорту государств – участников СНГ (МГС СНГ) – консультативный орган, в заседаниях которого участвуют министры спорта и руководители отраслевых ведомств стран Содружества. МГС СНГ является ключевой площадкой для выработки согласованных решений, обмена лучшими практиками и мониторинга выполнения намеченных планов.

¹ Стратегия международного молодежного сотрудничества государств-участников Содружества независимых государств на 2021–2030 гг. // Официальный сайт Исполнительного комитета содружества независимых государств URL: https://eccis.org/news/15021/utverzhdena_strategija_mezhdunarodnogo_molodezhnogo_sotrudnichestva_gosudarstv_uchastnikov_sng_na_2021-2030_gody?ysclid=mfgqnt196a187985955 (дата обращения 12 сентября 2025).

² Соглашение о сотрудничестве в области физической культуры и спорта государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 мая 2007 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50337/ (дата обращения 12 сентября 2025).

В 2023–2024 гг. заседания МГС проходили в регулярном режиме, подтверждая актуальность этого формата диалога. Ключевым соглашением, регулирующим взаимодействие в данной отрасли в период 2023–2025 гг., является «Стратегия развития сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области физической культуры и спорта на 2021–2030 гг.»³, которая определяет основные направления работы на среднесрочную перспективу, фокусируясь на том, что

...физическая культура и спорт являются важными компонентами обеспечения устойчивого и эффективного социально-экономического развития государств – участников СНГ, инструментами развития человеческого потенциала, межкультурного взаимодействия, повышения конкурентоспособности в условиях глобализации, современной формой партнерства и служат сохранению и углублению дружественных отношений между государствами – участниками СНГ⁴.

Значимым этапом на пути развития взаимодействия в спортивной сфере стран СНГ стало принятие в 2022 г. Межгосударственной программы «Спортивные столицы Содружества»⁵, способствующей созданию благоприятного климата для экономического и политического сотрудничества государств-участников, а также гуманитарному, социальному, экономическому и инфраструктурному развитию и продвижению отдельных территорий и городов, повышению авторитета СНГ на международной арене.

На современном этапе 2023 г. стал знаковым в развитии спортивного взаимодействия на пространстве СНГ. Он продемонстрировал как устойчивость сложившихся связей, так и необходимость адаптации к новым геополитическим реалиям. Если ранее сотрудничество в сфере спорта развивалось как дополнение к участию

³ Стратегия развития сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области физической культуры и спорта на 2021–2030 годы от 29 мая 2020 г. // Официальный сайт Исполнительного комитета содружества независимых государств. URL: <https://e-cis.info/cooperation/2914/87708/> (дата обращения 12 сентября 2025).

⁴ Там же.

⁵ Межгосударственная программа «Спортивные столицы Содружества» от 12 октября 2022 г. // Официальный сайт Исполнительного комитета содружества независимых государств. URL: https://eccis.org/page/19348/mezhgosudarstvennaja_programma_%C2%ABsportivnye_stolicy_sodruzhestva%C2%BB?ysclid=mfnnngygru114394296 (дата обращения 17 сентября 2025).

в глобальном спортивном процессе, то теперь оно стало одним из его ключевых и приоритетных направлений. Глубокие внешнеполитические вызовы, международная изоляция некоторых стран-участниц, логистические и финансовые трудности заставляют искать новые форматы взаимодействия. Спорт в рамках СНГ стал важным элементом «мягкой силы» и инструментом консолидации, демонстрирующим возможность развития альтернативных моделей международного спортивного сотрудничества в условиях геополитического противостояния. Сотрудничество стран-членов СНГ в 2023 г. не только устояло в новых вызовах и угрозах, но и перешло в новое качество, став более плотным, значимым и политически ангажированным, что определяет его траекторию и на последующие годы.

Ключевым спортивным мероприятием стран-членов в СНГ в 2023 г. стало успешное проведение II Игр СНГ, которые проходили с 4 по 14 августа 2023 г. в Минске. В них участвовали свыше 2 тысяч спортсменов из Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, а также еще 13 стран, приглашенных на соревнования в статусе гостей. В общем медальном зачете первое место заняла команда России, завоевав 149 золотых, 89 серебряных и 50 бронзовых медалей. Проведение игр имело большое значение в силу нескольких факторов: во-первых, стимулировали модернизацию основных спортивным объектов Беларуси; во-вторых, спортсмены получили возможность участвовать в высококлассных соревнованиях международного уровня в условиях ограничений для части стран; и, в-третьих, Игры стали мощным символическим жестом единства и сохранения дружественных связей стран-членов Содружества.

Нельзя не отметить такое спортивное событие, как Международный фестиваль университетского спорта, который прошел в Екатеринбурге с 19 по 31 августа 2023 г. В спортивной программе были представлены соревнования по 14 видам спорта, в которых разыграны 197 комплектов медалей.

В 2023 г. сотрудничество стран-членов СНГ вышло на новый уровень. Этот год ознаменовал начало реализации Межгосударственной программы «Спортивные столицы Содружества». Статус «Спортивная столица Содружества» представляет собой ежегодно присваиваемое звание, которое получает один из городов государств – участников Содружества Независимых Государств. Основным принципом выбора является очередность, определяемая в соответствии с русским алфавитным порядком названий стран-участниц. В год проведения Игр стран СНГ этот статус

присваивается городу, принимающему данное мероприятие. Решением Совета министров иностранных дел СНГ от 14 апреля 2023 г. впервые в Содружестве Независимых Государств были объявлены спортивные столицы, которыми стали на 2023 г. город Минск, принимавший церемонии открытия, закрытия и значительную часть спортивной программы II Игр стран СНГ. На 2024 г. статус перешел к г. Гюмри (Республика Армения). На основании предложений Азербайджанской Республики и Республики Казахстан на присвоение статуса «Спортивная столица Содружества» в 2025 г. был выдвинут город Гянджа (Азербайджанская Республика) и в 2026 г. – город Алматы (Республика Казахстан). Данный механизм демонстрирует эволюцию форматов сотрудничества в гуманитарной сфере в рамках СНГ и служит инструментом стимулирования развития спортивной инфраструктуры в городах-реципиентах.

В 2023 г. была учреждена Спартакиада стран СНГ среди детей с ограниченными возможностями здоровья. Соревнования планируют проводить с периодичностью один раз в четыре года, разделенно по зимним и летним видам спорта. И с 14 по 20 декабря 2025 г. в Уфе (Республика Башкортостан) пройдет I зимняя Спартакиада стран СНГ среди детей с ограниченными возможностями здоровья⁶. Еще одним событием 2023 г. стало утверждение Положения о чемпионатах (первенствах, кубках) СНГ. Решение принято Решением Совета глав правительств СНГ от 26 октября 2023 г. Предполагается, что данные чемпионаты

...будут проходить на регулярной основе в государствах – участниках Содружества по олимпийским, паралимпийским, сурдлимпийским (дефлимпийским), техническим, авиационным, военно-прикладным и служебно-прикладным видам спорта, а также национальным видам спорта и видам спорта, не входящим в программы Олимпийских, Паралимпийских, Сурдлимпийских (Дефлимпийских) игр⁷.

⁶ Уфа примет I зимнюю Спартакиаду стран СНГ среди детей с ограниченными возможностями здоровья // Официальный сайт Федерации спорта лиц СПОДА. URL: <https://www.fpoda.ru/news/sport/ufa-primet-i-zimnyaya-spartakiada-stran-sng-sredi-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya/> (дата обращения 12 сентября 2025).

⁷ Главы правительств утвердили Положение о Чемпионате (Первенстве, Кубке) Содружества Независимых Государств // Официальный сайт Исполнительного комитета содружества независимых государств. URL: <https://e-cis.info/news/564/113168/> (дата обращения 12 сентября 2025).

Следует также отметить ряд важных инициатив по регулированию взаимодействия в области спорта в СНГ. Так, на постоянной основе осуществлялось институциональное сотрудничество и рабочие встречи в рамках Межгосударственного совета по физической культуре и спорту государств-участников СНГ (МГС СНГ). В 2023 г. прошло несколько заседаний, на которых утверждались календарные планы соревнований и мероприятий, обсуждались вопросы гармонизации антидопинговой политики, координировалась подготовка к Играм СНГ и другим совместным проектам, рассматривались вопросы развития массового и детско-юношеского спорта. В течение 2023 г. был реализован обширный календарь соревнований под эгидой СНГ по отдельным видам спорта: чемпионаты и первенства СНГ по борьбе, боксу, тяжелой атлетике, дзюдо, стрельбе и другим дисциплинам; турниры среди молодежных и юниорских сборных; мероприятия по адаптивному спорту, что подчеркивало социальную ориентированность сотрудничества. В рамках образовательных и научных обменов проводились семинары и конференции для тренеров, спортивных менеджеров, судей и медицинских работников, осуществлялся обмен опытом в области подготовки спортивного резерва и развития инфраструктуры.

Несмотря на активное сотрудничество, 2023 г. был омрачен рядом серьезных проблем, во многом обусловленных внешнеполитической обстановкой. Международная изоляция привела к отсутствию возможности постоянно соревноваться с сильнейшими спортсменами мира, что в свою очередь сказалось на спортивной форме некоторых спортсменов. Нестабильность авиасообщения, санкционные ограничения и возросшая стоимость перелетов осложнили логистические перемещения спортсменов и делегаций. Нельзя не отметить такой важный фактор, как политизация спорта. Это проявилось и в публичной риторике, где Игры СНГ и другие совместные мероприятия подавались как альтернатива «западным» институтам и доказали жизнеспособность сотрудничества в новых геополитических условиях. Страны-участницы СНГ, проводившие у себя мероприятия с участием спортсменов из стран дружества, подвергшихся санкциям, также столкнулись с критикой в свой адрес со стороны международных спортивных организаций. Ряд национальных федераций (прежде всего российские и белорусские) были отстранены от участия в официальных международных соревнованиях под своими флагами, что повысило в свою очередь значимость внутренних спортивных форматов, таких как Игры СНГ, которые для многих спортсменов стали единственной возможностью выступить на крупном международном

форуме. Столкнувшись с новыми вызовами, страны-члены СНГ продемонстрировали способность к адаптации в этих реалиях, сформировав новую модель спортивной географии, ведь активно шло развитие не только внутри СНГ, но и с другими дружественными странами и организациями (ШОС, БРИКС, страны Азии и Африки). Активизация спортивного сотрудничества в СНГ проходила под эгидой создания самодостаточной спортивной экосистемы, менее зависимой от западных спортивных институтов и механизмов.

2024 г. стал периодом активного развития и стратегического реформирования спортивного сотрудничества на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ). Под влиянием продолжающейся геополитической турбулентности спорт окончательно трансформировался из сугубо гуманитарной сферы в важный инструмент «мягкой силы» и укрепления многосторонних связей.

Центральным элементом сотрудничества в 2024 г. стала активная подготовка к следующему крупному мультиспортивному форуму – III Играм СНГ 2025 г. в Армении. Велась работа по формированию программы Игр, утверждению видов спорта. Республика Армения как страна-хозяйка приступила к модернизации спортивных объектов в Ереване и других городах. Это включало как капитальный ремонт существующих арен, так и строительство новых спортивных объектов.

Календарь спортивных мероприятий СНГ на 2024 г. оставался насыщенным. Были успешно проведены чемпионаты и первенства СНГ по отдельным видам спорта (бокс, дзюдо, борьба, стрельба, плавание), турниры среди детей и юношества, направленные на развитие массового спорта и укрепление дружеских связей с раннего возраста, мероприятия по адаптивному спорту, что подчеркивает социальную ответственность и инклюзивность спортивной политики стран Содружества.

Активно развивалось и институциональное взаимодействие. На заседаниях Межгосударственного совета (МГС) по физической культуре и спорту, прошедших в 2024 г., министры спорта стран-участниц согласовывали общие подходы, утверждали планы мероприятий и обменивались лучшими практиками в данной области. Обсуждались вопросы гармонизации национальных законодательств с Всемирным антидопинговым кодексом (ВАДК), организации совместных образовательных программ, подготовки тренерских и судейских кадров, организации семинаров и мастер-классов с участием ведущих специалистов, обмен исследованиями в области спортивной медицины, биомеханики и психологии. Параллельно с многосторонним форматом активно развивалось двустороннее сотрудничество – Сборные

команды России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана и других стран активно использовали тренировочную базу друг друга. Это было особенно востребовано для подготовки к альтернативным международным стартам. Делегации посещали друг друга для изучения практик строительства и эксплуатации спортивных объектов, реализации государственных программ по развитию массового спорта. Несмотря на позитивную динамику, сотрудничество в 2024 г. сталкивалось с рядом серьезных вызовов, носящих как внешний, так и внутренний характер. В связи с продолжающейся международной изоляцией и ограничениями страны СНГ стали активизировать поиск новых спортивных партнеров (страны БРИКС+, ШОС, Азии и Африки), а также развивать собственные форматы спортивного взаимодействия (Игры СНГ, Игры БРИКС). Так, в октябре 2024 г. в Уфе прошла панельная сессия «Спортивная интеграция на пространстве СНГ, БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Новые возможности» на XII Международном спортивном форуме «Россия – спортивная держава»⁸, которая была посвящена вопросам взаимодействия стран в сфере спорта. Отметив значимость международных объединений (СНГ, БРИКС, ШОС, ЕАЭС) в развитии спорта как символа единства, участники поделились опытом своих стран, идеями и предложениями.

Таким образом, в 2024 г. страны СНГ продолжили стратегию адаптации к новым реалиям, которая включала консолидацию вокруг крупных проектов, таких как Игры СНГ, которые стали главными объединяющими элементами многостороннего сотрудничества.

2024 г. подтвердил, что спортивное сотрудничество в рамках СНГ не только сохранилось, но и качественно трансформировалось, став более прагматичным, стратегически важным и ориентированным на внутренние ресурсы. Оно столкнулось с серьезными системными вызовами, главными из которых остаются международная изоляция и политические риски.

Однако именно эти вызовы стимулируют страны СНГ к созданию более тесной и самодостаточной спортивной экосистемы. Успех этого предприятия будет зависеть от способности сохранить высокие спортивные стандарты, избежать политизации и выстроить устойчивые финансовые и организационные модели сотрудничества на долгосрочную перспективу.

⁸ В Уфе обсудили спортивную интеграцию стран СНГ, БРИКС, ШОС, ЕАЭС..... // Официальный сайт Башинформ. URL: <https://www.bashinform.ru/news/sport/2024-10-19/v-ufe-obsudili-sportivnuyu-integratsiyu-stran-sng-briks-shos-i-caes-3974789> (дата обращения 12 сентября 2025).

2025 г. становится знаковым для спортивного пространства Содружества Независимых Государств (СНГ). На фоне глобальных вызовов спорт превращается не просто в площадку для соревнований, а в один из самых эффективных инструментов гуманитарной интеграции, демонстрирующий реальные успехи прагматичного сотрудничества. Развитие совместных спортивных проектов в этом году выходит на новый уровень, сочетая в себе наследие общей советской школы и современные подходы. 2025 г. в СНГ стал годом подготовки главного события – III Игр СНГ в Гяндже (Республика Азербайджан), которая получила статус спортивной столицы Содружества Независимых Государств, а также в шести других городах страны. Соревнования запланированы с 28 сентября по 8 октября и включают 23 вида спорта. Восемь из них пройдут в Гяндже, четыре – в Мингечевире, четыре – в Габале, три – в Шеки, два – в Гейгёле, по одному – в Евлахе и Ханкенди. На играх ожидается участие спортсменов из всех стран СНГ. Традиционно также выступают сборные Абхазии и Южной Осетии. Возможны гости из других дружественных стран (например, Сербии, Китая) в качестве наблюдателей или в отдельных видах программы. В программу Игр войдут как олимпийские виды спорта (легкая атлетика, плавание, гимнастика, борьба и др.), так и неолимпийские, но популярные на пространстве СНГ (например, самбо, пляжный футбол, спортивное ориентирование). Для многих молодых спортсменов Игры СНГ станут ключевым этапом подготовки к Олимпийским играм 2028 г. в Лос-Анджелесе. Мероприятие служит мощным инструментом «народной дипломатии», укрепляя культурные и человеческие связи между странами-участницами СНГ. Следует отметить, что подобное сотрудничество выходит далеко за рамки одного яркого мероприятия. В 2025 г. оно приобретает системный характер по нескольким направлениям, таким как совместная подготовка и обмен опытом (страны СНГ активно используют свое главное преимущество – общее советское спортивное прошлое и схожую методическую школу), организуются совместные учебно-тренировочные сборы; идет работа по гармонизации законодательства и борьба с допингом. Совет по физической культуре и спорту при Межпарламентской ассамблее СНГ ведет активную работу по сближению национальных законодательств, где речь идет о взаимном признании дипломов тренеров и специалистов, упрощении процедур трансфера спортсменов внутри СНГ, выработке единых подходов к противодействию допингу. Антидопинговые агентства стран обмениваются данными и проводят совместные образовательные семинары, чтобы защитить идеалы честного спорта. Характерно, что развитие спорта в СНГ не ограничивается элитными играми, а идет также в рамках поддержки спорта

для всех: проводятся Спартакиады среди школьников и молодежи стран СНГ, развивается параспорт, популяризируются национальные виды спорта через совместные фестивали и культурные обмены.

Несмотря на позитивную динамику, существует и ряд вызовов. Главные из них – политическая напряженность между отдельными странами-членами и разный уровень финансирования спорта в национальных бюджетах. Однако прагматичное осознание взаимной выгоды от сотрудничества пока позволяет успешно преодолевать эти разногласия. В перспективе можно ожидать дальнейшей цифровизации спортивного сотрудничества: создание общей базы данных тренеров и спортсменов, развитие онлайн-платформ для обмена методическими материалами и даже проведение киберспортивных турниров под эгидой СНГ.

Таким образом, спортивное сотрудничество стран СНГ в 2023–2025 гг. наглядно демонстрирует, что Содружество остается востребованной площадкой для реализации конкретных, взаимовыгодных проектов. Спорт становится тем языком, на котором страны говорят легко и продуктивно. Укрепляя человеческие и профессиональные связи, совместные тренировки и турниры вносят реальный вклад в укрепление доверия и добрососедства на пространстве СНГ, а победы спортсменов становятся общим достоянием и поводом для гордости миллионов жителей стран Содружества. Период 2023–2025 гг. характеризуется сложной международной обстановкой, которая не могла не повлиять на спортивную сферу. Спортивное сотрудничество в рамках СНГ тесно связано с политической конъюнктурой. Часть стран СНГ столкнулась с ограничениями на участие в международных соревнованиях под своими флагами и гимнами. Это привело к тому, что возрос интерес к значимости внутрирегиональных соревнований. Игры СНГ и чемпионаты Содружества приобрели новую важность, став для многих спортсменов одним из немногих доступных международных форумов высокого уровня. Также отмечается интенсификация сотрудничества и поиск новых партнеров. Вынужденная переориентация с общеевропейских и мировых структур на альтернативные форматы привела к углублению связей внутри самого СНГ, а также с дружественными странами, прежде всего азиатского региона. Наметилась тенденция к формированию новых спортивных контуров. Таким образом, внешние угрозы, с одной стороны, создали серьезные вызовы, а с другой – стали катализатором для укрепления многосторонних и двусторонних спортивных связей между странами Содружества. Проведенный анализ показывает, что сотрудничество носит системный и многоплановый характер, охватывая все уровни – от массового спорта до спорта высших достижений. Нормативная база и институциональные механизмы, в частности Межгосударственный совет по спорту, доказали свою

эффективность как площадки для выработки консолидированных решений. Можно с уверенностью утверждать, что в обозримой перспективе спорт останется одним из самых эффективных и аполитичных направлений интеграции на пространстве СНГ, внося значительный вклад в укрепление дружеских связей, диалога между культурами и улучшение качества жизни населения всех государств-участников.

Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Комплексные исследования процессов в странах постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы» (FSZG-2024-0006).

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the scientific research project “Comprehensive studies of processes in the countries of the post-Soviet space, Central and Eastern Europe” (FSZG-2024-0006).

Литература

- Боголюбова, Николаева 2011 – *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Культурные сезоны как форма внешней культурной политики (на примере России и Франции) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 2. С. 30–35.
- Бродская 2006 – *Бродская Н.П.* Спорт больших достижений как пространство для формирования национального имиджа страны // Национальные интересы и имидж России: Сборник статей / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 132–151.
- Николаева 2018 – *Николаева Ю.В.* Спортивные связи стран СНГ как основа развития общей спортивной дипломатии // Межкультурный диалог в современном мире: Электронный сборник материалов VI Научно-практич. конф. с междунар. участием. Казань: Бук, 2018. С. 44–49.
- Муратшина, Валеева 2004 – *Муратшина К.Г. Валеева М.В.* Россия и страны Центральной Азии в многосторонних форматах сотрудничества в области спорта в рамках СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021 № 469 С. 92–99.
- Прокуменщиков 2004 – *Прокуменщиков М.Ю.* Большой спорт и большая политика. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 464 с.
- Пшенко 2007 – *Пшенко К.А.* Сотрудничество в области физической культуры и спорта – важный фактор интеграции государств – участников СНГ //

Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2007 № 5. С. 294–298.

References

- Bogolyubova, N.M. and Nikolaeva, Yu.V. (2011), “Cultural seasons as a form of foreign cultural policy (on the example of Russia and France)”, *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, no. 2, pp. 30–35.
- Brodskaya, N.P. (2006), “High-performance sport as space for formation of national image of the country”, *Natsional'nye interesy i imidzh Rossii* [National interests and image of Russia], IMEEMO RAN, Moscow, Russia, pp. 132–151.
- Nikolaeva, Yu.V. (2018), “Sports ties between CIS countries as a basis for the development of common sports diplomacy”, *Mezhkul'turnyi dialog v sovremennoy mire: Ehlektronnyi sbornik materialov VI Nauchno-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem*. [Intercultural dialogue in the modern world. Electronic collection of proceedings of the VI Scientific and Practical Conference with international participation], Buk, Kazan, Russia, pp. 44–49.
- Muratshina, K.G. and Valeeva, M.V. (2021), “Russia and Central Asia in the CIS multilateral cooperation in sport”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, no. 469, pp. 92–99.
- Prozumenshchikov, M.Yu. (2004), *Bol'shoi sport i bol'shaya politika* [Big sport and big politics], Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya, Moscow, Russia.
- Pshenko, K.A. (2007), “Cooperation in the field of physical culture and sports is an important factor in the integration of the CIS member states”, *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoichivogo razvitiya* [Lifelong learning. Continuous education in the interest of sustainable development.], no. 5, pp. 294–298.

Информация об авторе

Ирина Е. Ханова, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irkh_76@mail.ru

Information about the author

Irina E. Khanova, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; irkh_76@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 32:81'27(560)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-69-78

Взгляды Аврама Галанти на языковые реформы в раннереспубликанской Турции

Дарья В. Жигульская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, dvzhigulskaya@gmail.com*

Ануш Г. Маргарян

*Институт Востоковедения РАН,
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, margaryanag@my.msu.ru*

Аннотация. Любое государство формирует систему ценностей, символов, культуру, идентичность и контролирует интернализационные процессы. Оно берет на себя ответственность превратить каждого отдельного человека в гражданина, формируя гражданское общество. Процесс национального строительства в раннереспубликанской Турции стремился трансформировать государство, общество и человека. Важнейшей задачей в 1920–1930-е гг. было включение меньшинств в жизнь республики. Многие интеллектуалы, представители меньшинств, стремились облегчить путь включения в молодую нацию для своих соплеменников. Одним из них был Аврам Галанти (1873–1961) – выдающийся представитель идеологов турецкого национализма со времен Комитета единения и прогресса и раннереспубликанского периода, ученый, писатель и депутат Парламента от Народно-республиканской партии. Еврей по происхождению, он внес существенный вклад в процесс тюркизации турецких евреев и представителей других меньшинств. Особую роль в процессе национального строительства Аврам Галанти отводил языку и образованию на государственном языке. В статье описывается жизненный путь Аврама Галанти, анализируются его работы, посвященные языковым реформам, исследуется деятельность ученого, направленная на интеграцию «нетуецких элементов» в тело молодой турецкой нации.

© Жигульская Д.В., Маргарян А.Г., 2025

Ключевые слова: Турецкая Республика, турецкий национализм, Авраам Галанти, тюркизация, языковые реформы, «Гражданин: говори по-турецки!»

Для цитирования: Жигульская Д.В., Маргарян А.Г. Взгляды Авраама Галанти на языковые реформы в раннереспубликанской Турции // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 69–78. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-69-78

Abraham Galante's views on language reforms in early republican Turkey

Daria V. Zhigulskaya

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, dvzhigulskaya@gmail.com*

Anush G. Margaryan

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, margaryanag@my.msu.ru*

Abstract. Every nation develops a system of values, symbols, culture, and identity, and controls internalisation processes. It takes on the responsibility of transforming individuals into citizens, thereby shaping civil society. In early Republican Turkey, the nation-building process aimed to reshape the state, society, and individuals themselves. One major challenge in the 1920s and 1930s was integrating minority groups into the life of the republic. Many intellectuals (representatives of minorities) sought to facilitate the inclusion of their communities into the young nation. Among them was Abraham Galante (1873–1961), a prominent ideologue of Turkish nationalism during the era of the Committee of Unity and Progress and the early Republican period. A scholar, writer, and member of parliament for the Republican People's Party, Galante was of Jewish descent and played a key role in the Turkification of Jews in Turkey and other minorities. He emphasized the crucial role of language and education as tools for nation-building. The article traces Galante's life, analyzes his works on the language reforms, and studies his efforts to integrate “non-Turkish elements” into the core of the young Turkish nation.

Keywords: Republic of Turkey, Turkish nationalism, Abraham Galante, Turkification, language reforms, “Citizen, Speak Turkish!”

For citation: Zhigul'skaya, D.V. and Margaryan, A.G. (2025), "Abraham Galante's views on language reforms in early republican Turkey", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 69–78, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-69-78

Аврам Галанти (Avram Galanti Bodrumlu; Abraham Galante) родился в Бодруме 4 января 1873 г. В возрасте 21 года на острове Родос он основал школу «Тиферет Исраэль» (*Tifaret Israel*), которая закрылась спустя девять лет по причине финансовых сложностей, после чего он стал работать учителем французского языка в старшей школе на острове Родос. Тогда он вступил в ряды иттихадистов, выучил греческий и немецкий языки. В 1902 г. Галанти переехал в Измир, где преподавал французский в турецкой школе *Darül İrfan*. Галанти писал статьи для различных газет: турецкой *Hidmet*, газетах на сефардском *Buena Esperansa*, *El Nouvelista*, *El Meserret*, греческой *Harmonia* и французской *Reforme*. В 1904 г. он эмигрировал за границу, спасаясь от деспотического режима Абдул-Хамида II.

В Каире он писал для французской газеты *Progrès* и газеты *La Vara* на иврите. Кроме того, Галанти публиковался в иттихадистских изданиях *Meşveret*, *Şura-i Osmani*, *Doğru Söz*. После провозглашения Второго конституционного периода в Османской империи он отправился в Лондон, а спустя год переехал в Берлин. По возвращению в Стамбул Галанти получил назначение в Министерство военно-морского флота, где работал переводчиком. Он продолжил публиковать статьи в газетах, а в 1915 г. занял место доцента в Стамбульском университете (тогда еще *Dârülfünûn*), где преподавал семитские языки, историю древнего и Ближнего Востока.

После заключения Мудросского перемирия он служил переводчиком в греческом консульстве в Стамбуле. Каждый день Галанти записывал краткое содержание греческих новостных газет и направлял эти записи в тайную организацию сопротивления, которая была создана анкарским правительством в Стамбуле – в этом заключался его вклад в разведывательную деятельность в ходе национально-освободительной борьбы. Он продолжил публиковать статьи в газетах *Yeni Mecmua*, *Türk Tarih Mecmuası*, *Büyük Mecmua*, *Edebiyat Fakültesi Mecmuası*, *Hilal-i Ahmer Mecmuası*, *Tanin*, *Vatan*, *Vakit* и *Akşam*.

В 1940-х гг. был депутатом Парламента от провинции Нигде. Галанти умер в Стамбуле в 1961 г. в возрасте 88 лет [Bali 1997].

Языковая ситуация в Турции в 1920-х гг.

Согласно первой переписи населения в Турции 1927 г., около двух миллионов от общего населения в 13,6 млн не назвали турецкий язык родным языком.

Так, около 28% жителей Стамбула (население 794 тыс.) говорили на других языках: 92 тыс. – на греческом, 45 тыс. – на армянском, 39 000 – на сефардском, 6 тыс. – на французском, 6 тыс. – на албанском. Оставшаяся часть (31 300 человек) изъяснялись на смеси языков: арабском, курдском, персидском, черкесском, болгарском [Dündar 1999, s. 157].

В раннереспубликанский период усилилось общественное недовольство тем, что меньшинства не владеют турецким. Турецкие евреи общались на сефардском (ладино) и французском языках. Они привлекали большее внимание общества, чем армяне и греки, которые говорили на родном языке. Поскольку режим стремился создать языковое и культурное единство, евреи воспринимались ненадежными.

26 февраля 1926 г. многие турецкие газеты опубликовали новость о том, что 300 представителей еврейской общины Стамбула и Измира якобы подписали телеграмму в честь юбилея открытия Америки. В ней евреи заявляли о своей преданности Испании. Различные газеты выпустили статьи под заголовками «Неблагодарные торговцы» (*Cumhuriyet*), «Двуличные» (*Vakit*), «Неблагодарные» (*Milliyet*). Новость о телеграмме оказалась информационным вбросом. Евреи отрицали свою причастность к телеграмме и подтвердили верность Турции. Аврам Галанти опубликовал открытое письмо в еврейской газете Стамбула *El Tiempo*, в котором утверждал, что телеграммы не существует. Однажды турецкая пресса охарактеризовала Галанти «дружественным в отношении турок», и тогда мыслитель заявил, что «он не дружественный в отношении турок, но сам он – турок» [Levi 1996, s. 70].

Антиеврейская кампания еще некоторое время продолжалась в прессе. Полицейское расследование не принесло никаких результатов.

Стоит отметить, что многие книги Аврама Галанти посвящены вопросам интеграции евреев в турецкое общество и шире – истории взаимоотношений турок и евреев. Миссия этих работ – показать многовековую историю взаимодействия двух народов, подчеркнуть их прочные связи и таким образом способствовать их сближению. Среди них «Турки

и евреи»¹, «Турецкая культура и турецкие евреи»², «Тюркские исследования»³.

13 января 1928 г. Студенческим обществом Стамбульского университета была начата кампания «Гражданин: Говори по-турецки!». Ее целью было широкое распространение государственного языка среди народа. Сначала требование было обращено к меньшинствам, позже программа расширилась и охватила также население, родной язык которого – турецкий. Решение о кампании было принято на ежегодном конгрессе в университете. Повестка и постановления конгресса были опубликованы в газете *İkdam*⁴.

С разрешения Министерства внутренних дел был сформирован отдельный комитет для реализации кампании. Турецкие очаги (специальная организация, распространяющая националистические идеи среди турецкого народа; к 1930-м гг. у Турецких очагов было 257 отделений и 32 тыс. членов по всей стране)⁵ приглашали лидеров студентов для обсуждения кампании. Они сформировали специальную «Комиссию по защите и распространению турецкого языка», в обязанности которой входило обучение турецкому языку и контроль за качеством его преподавания в школах по всей стране. 26 января 1928 г. Комиссия приняла решение организовать встречи с владельцами газет на иностранных языках и просить о поддержке кампании. Мэр Стамбула изъявил согласие, а Министерство образования выделило на это 1000 турецких лир [Aslan 2007, p. 251].

Листовки со слоганом «Гражданин: Говори по-турецки!» были развешаны повсеместно. Кампания встретила жесткую реакцию меньшинств. Люди срывали листовки, организованно собирались перед расклеенными объявлениями и говорили на арабском, боснийском, черкесском, армянском, греческом и др. языках [Bali 2000, s. 136–137].

Мобилизация общественных масс, которые считали себя защитниками нового режима, была эффективным инструментом оказания общественного давления на немусульманские меньшинства.

¹ Galanti A. *Türkler ve Yahudiler: Tarihi, Siyasi, Araştırma*. İstanbul: Kağıtçılık ve Matbaacılık, 1928.

² Galanti A. *Türk Harsı ve Türk Yahudisi; Tarihi, Siyasi, İctimai Tetkik*. İstanbul: Fakülteler Matbaası, 1953.

³ Galanti A. *Küçük Türk Tettebbular*. İstanbul: Kağıtçılık ve Matbaacılık, 1925.

⁴ Talebe-i Hukuk Cemiyeti Kongresi İctimai // *İkdam*, nr: 11039. 14 Ocak 1928. S. 1.

⁵ Подробнее см.: *Kemal Karpat*. *The People's Houses in Turkey // The Middle East Journal*. 1963. Vol. 17 (Winter–Spring). P. 55–67.

Этот факт указывает на то, что стремление к гомогенизации общества исходил не только от государства. Существенная поддержка и активное вовлечение в кампании по тюркизации были оказаны неофициальными акторами. В *раннереспубликанский период* вопрос о языке связывал государственные цели и общественный интерес. При этом вопрос о возможности вхождения евреев в рамки турецкой нации был неоднозначным и горячо обсуждался в однопартийный период.

Еврейские интеллектуалы и общественные деятели стремились защитить свою общину, интегрировав ее в доминирующее большинство. Моис Кoen, также известный под именем Текин Альп, в своей книге «Тюркизация» (1928) призывал евреев принимать турецкие имена, говорить по-турецки, отправлять детей в турецкие школы, молиться на турецком языке и социализироваться с турками. Он поддерживал заявление Зии Гёкальпа о «едином языке, едином идеале и единой культуре» [Tekin Alp 2001, s. 75].

Совместно с турецкими и еврейскими интеллектуалами он организовал «Союз национальной культуры» (Milli Hars Birliđi). Еврейская община в Анкаре основала «Ассоциацию по тюркизации евреев» (Yahudileri Türkleştirme Cemiyeti). Другие еврейские сообщества в различных городах образовывали похожие объединения и комитеты, открывали вечерние школы, где обучали турецкому языку [Bali 2000, s. 150–152, 158].

Проблемы турецкого языка в работах Аврама Галанти

В своих работах Аврам Галанти размышлял на тему языка, его модификации и роли в жизни социума и формировании общественного самосознания.

В марте 1928 г. Аврам Галанти опубликовал книгу «Гражданин, Говори по-турецки! Или проблема распространения турецкого языка»⁶ в поддержку кампании, начатой 13 января. В работе содержались различные предложения о возможностях распространения турецкого языка. Это придает ей особую ценность.

Автор отмечал своевременность кампании и пытался дать ответ на вопрос, почему представители меньшинств не говорят по-турецки. В начале работы перечислены языки кроме турецкого, на которых говорят в Турции (арабский, курдский, греческий, ассирийский, армянский, черкесский и др.). Указаны основные места

⁶ Galanti A. Vatandaş Türkçe Konuş! Yahut Türkçe'nin Tamimi Meselesi. İstanbul: Hasan Tabiat Matbaası, 1928.

распространения этих языков. Автор отмечает, что среди народов, которые ведут школьное обучение на родном языке, распространить турецкий будет сложнее. Поэтому в книге он не стал уделять внимание тем, у кого нет собственных школ.

В ней он утверждал, что евреи обучались на французском на протяжении 48 лет с 1875 г., когда в Стамбуле была открыта первая школа Всемирного еврейского союза, до 1923 г. Галанти отмечал, что, если люди не говорят на одном языке, пусть даже живут в одном месте, они становятся чужаками друг другу, они не в состоянии делиться своими чувствами, печальями и опасениями. Он считал, что немусульманские сообщества утратили свою приверженность Турции в результате политической пропаганды, которая велась в школах. Душевную привязанность к стране он считал важным элементом тюркизации. Такая привязанность формировалась прежде всего при помощи языка.

Галанти поддерживал стремления государства по гомогенизации общества: любое государство обязано применять ассимиляционную политику, естественно, что Турция делает то же самое ради спасения и благополучия нации.

Свою работу Аврам Галанти заканчивает фразой о необходимости введения обучения на турецком в школах меньшинств. Тогда процесс тюркизации будет проходить довольно естественно и через полстолетия предложение «Гражданин: говори по-турецки!» будет отражать лишь конкретный период в истории языка.

Еще одна тема, которая волновала Аврама Галанти, – проблема алфавита турецкого языка. Интересно, что споры о необходимости замены алфавита начались во второй половине XIX в. и продолжались до 1928 г., когда Ататюрк с успехом провел реформу письменности. Исходной точкой этих споров служило утверждение о том, что арабица недостаточна для передачи всех звуков, свойственных турецкому языку. Вопрос об алфавите остро встал после того, как в Османской империи стали использовать одно из важнейших технологических изобретений XIX в. – телеграфную связь. Тогда была разработана турецкая азбука Морзе, основанная на латинице. Факт того, что язык турецкой телеграфной связи опирался на латиницу, заставил многих интеллектуалов и бюрократию того времени освоить и применять этот алфавит.

Примечательно, что в первые годы республики Аврам Галанти занял место среди интеллектуалов, которые выступали против принятия латиницы, так же, как это делали Мехмет Фуат Кёпрюлю и Зеки Велиди Тоган. Галанти утверждал, что прошлое имеет значение, и для дальнейшего развития не требуется реформа алфавита, кроме того, нет научного базиса для таких действий. Он опасался,

что Франция и Великобритания будут использовать алфавит как колониалистский инструмент для влияния на турок.

В своей работе «Арабица и латиница применительно к турецкому языку. Проблемы написания»⁷ он утверждает, что замена алфавита невыгодна с нескольких точек зрения: технической, научной, политической и экономической.

Галанти считал, что общество нуждается в богатом турецком языке, поддерживать который возможно только благодаря турецкой, арабской и персидской лексике. Поскольку арабская лексика просто необходима, отказываться от определенных букв (отражающих похожие звуки) невозможно. Примечательно, что Галанти предлагает несколько видоизменить написание тюркских слов, подчеркивая важность отображения гласных на письме. При этом оставить написание арабских и персидских слов, как в оригинале. Арабские и персидские имена собственные, которые трудно читать – писать в двух вариантах.

Мыслитель выражал опасения, что арабо- и персоговорящие народы утратят связь с Турцией, и после того как современное поколение умрет, следующие поколения окончательно отделятся от турок. Также он выражает опасения, что замена алфавита коренным образом повлияет на торговлю с Ираном, Ираком, Сирией, Палестиной, Египтом и т. д.

Наиболее шокирующим аргументом в пользу арабицы Галанти выдвигает тот, что арабский – язык Корана.

Очевидно, что эту работу Аврам Галанти писал под влиянием идеологий османизма и исламизма. Чувственный подход в ней превосходит научный.

Аврам Галанти продолжил выступать в защиту арабского алфавита и в другой работе «Арабица – не препятствие для нашего прогресса»⁸. В ней он утверждал, что новый алфавит отрежет людей от их прошлого и его ценностей. Галанти считал связь между прогрессом и реформой языка абсолютно необоснованной и в качестве примера приводил японцев, сохранивших свою традиционную письменность, но при этом стремительно модернизовавшихся и осуществивших явный технологический скачок.

Можно заключить, что Аврам Галанти стал защитником турецкого национализма со времен Комитета единения и прогресса и ранних

⁷ Galanti A. Türkçe'de Arabî ve Latin Harfleri ve İmlâ Meseleleri. İstanbul: Kâğıtçılık ve Matbaacılık Anonim Şirketi, 1925.

⁸ Galanti A. Arap Harfleri Terakkimize Mani Değildir. Hüsn-i Tabiat Matbaası, İstanbul, 1927. Материалы из книги также публиковались частями в газете Akşam в 1926 и 1927 гг.

лет республики. Он думал и писал свои труды в свете идеологии тех лет. Спустя время его взгляды пережили легкую трансформацию – он стал ярким сторонником кемализма и принципов республики. Национализм Галанти строился на общности языка и культуры, стремился интегрировать меньшинства в социально-политические процессы страны, не заставляя их при этом отказываться от своих корней.

Источники

- Galanti 1927 – *Galanti A.* Arap Harfleri Terakkimize Mani Değildir. Hüsn-i Tabiat Matbaası, İstanbul, 1927. 60 s.
- Galanti 1925 – *Galanti A.* Küçük Türk Tettebbular. İstanbul: Kağıtçılık ve Matbaacılık, 1925. 288 s.
- Galanti 1953 – *Galanti A.* Türk Harsı ve Türk Yahudisi; Tarihi, Siyasi, İçtimai Tetkik. İstanbul: Fakülteler Matbaası, 1953. 48 s.
- Galanti 1925 – *Galanti A.* Türkçe'de Arabî ve Latin Harfleri ve İmlâ Meseleleri. İstanbul: Kağıtçılık ve Matbaacılık Anonim Şirketi, 1925. 52 s.
- Galanti 1928 – *Galanti A.* Türkler ve Yahudiler: Tarihi, Siyasi, Araştırma. İstanbul: Kağıtçılık ve Matbaacılık, 1928. 214 s.
- Galanti 1928 – *Galanti A.* Vatandaş Türkçe Konuş! Yahut Türkçe'nin Tamimi Meselesi. İstanbul: Hasan Tabiat Matbaası, 1928. 67 s.

Литература

- Aslan 2007 – *Aslan S.* “Citizen, Speak Turkish!”: A Nation in the Making // Nationalism and Ethnic Politics. 2007. Vol. 13. № 2. P. 245–272.
- Bali 1997 – *Bali R.N.* Yahudilerin Türk Milliyetçiliği, Birikim (sayı 102). İstanbul, 1997. S. 47–53.
- Bali 2000 – *Bali R.N.* Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Serüveni 1923–1945. İstanbul: İletişim, 2000. 612 s.
- Dündar 1999 – *Dündar F.* Türkiye Nüfus Sayımlarında Azınlıklar. İstanbul: Doz Yayınları, 1999. 223 s.
- Levi 1996 – *Levi A.* Türkiye Cumhuriyeti'nde Yahudiler. İstanbul: İletişim, 1996. 208 s.
- Tekin Alp 2001 – *Tekin Alp M.* Türkleştirme (Haz. Özer Ozankaya). Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001. 115 s.

References

- Aslan, S. (2007), “Citizen, Speak Turkish!": A Nation in the Making", *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 245–272.

- Bali, R.N. (1997), "Yahudilerin Türk Milliyetçiliği" [Turkish nationalism of the Turkish Jews], *Birikim*, no. 102, pp. 47–53.
- Bali, R.N. (2000), *Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Serüveni 1923–1945* [Turkish Jews and Turkification in the Single Party Years (1923–1945)], İletişim, İstanbul, Turkey.
- Dündar, F. (1999), *Türkiye Nüfus Sayımlarında Azınlıklar* [Minorities in Turkish censuses], Doz Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Levi, A. (1996), *Türkiye Cumhuriyeti'nde Yahudiler* [Jews in the Republic of Turkey]. İletişim, İstanbul, Turkey.
- Tekin Alp, M. (2001), *Türkleştirme (Haz. Özer Ozankaya)* [Turkification]. Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara, Turkey., P. 115.

Информация об авторах

Дарья В. Жигульская, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dvzhigulskaya@gmail.com

Ануш Г. Маргарян, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая, д. 11, стр. 1; margaryanag@my.msu.ru

Information about the author

Daria V. Zhigulskaya, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dvzhigulskaya@gmail.com

Anush G. Margaryan, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rojdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031; Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Countries, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 11, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; margaryanag@my.msu.ru

Исторические корни народа эве в современной мифологии: феномен «придуманной истории»

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, Москва, lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу исторических мифов африканского народа эве. В статье автор рассматривает категорию современных мифов, сложившихся и популяризированных в XXI в. В качестве платформы современных мифов представлен исторический миф об исходе народа эве из города Нотси, относимый к XVII в. и популяризированный немецкими миссионерами на рубеже XIX–XX вв. как формы интеграции племен эве в единое этническое сообщество. Как показывает исследование, представленное в статье, современные мифы наследуют данной традиции. Они представляют собой комплекс псевдоисторических трудов, основанных на ветхозаветной исторической модели, сочетающейся с современными теориями исторической миграции африканских народов. Автор рассматривает данные мифы как форму современного осознания этнической идентичности и средство мобилизации разрозненных племен вокруг концепта исторической памяти. Рассмотрение современных исторических мифов основано на обращении автора к работам современных ганских писателей, в числе которых Х.К. Амоако, А.К. Дотсе, А. Кумасса и П.К.М. Амеевор, а также на личных беседах автора с господином Амеевором и рядом старейшин сообществ эве в городах Кета, Анлога и Кликор, проведенных в 2024 г.

Ключевые слова: миф, происхождение народа, эве, Гана, Того, историческая память, древняя история народов Африки

Для цитирования: Медушевский Н.А. Исторические корни народа эве в современной мифологии: феномен «придуманной истории» // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 79–92. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-79-92

© Медушевский Н.А., 2025

The historical roots of the Ewe people in modern mythology. The phenomenon of “invented history”

Nikolay A. Medushevsky

*Russian State University for the Humanities,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Russia, Moscow, lucky5659@yandex.ru*

Abstract. This article deals with the analysis of historical myths of the African Ewe people. In the article, the author considers the category of modern myths that have been developed and popularized in the 21st century. The historical myth of the exodus of the Ewe people from the city of Notsi, which dates back to the 17th century and was popularized by German missionaries at the turn of the 19th and 20th centuries as a form of the Ewe tribes ntegration into a single ethnic community, is presented as a platform for modern myths. As the study presented in the article shows, modern myths follow the tradition. They represent a complex of pseudo-historical works based on the Old Testament historical model, combined with modern theories of historical migration of African peoples. The author considers such myths as a form of modern awareness of ethnic identity and a means of mobilizing disparate tribes around the concept of historical memory. The author's consideration of modern historical myths is based on the works of modern Ghanaian writers, including H.K. Amoako, A.K. Dotse, A. Kumassa and P.K.M. Ameenore, as well as personal interviews with the author and Mr. Ameenore and a number of elders of the Ewe communities in the towns of Keta, Anloga and Klikor, conducted in 2024.

Keywords: myth, origin of the people, Ewe, Ghana, Togo, historical memory, ancient history of Africa

For citation: Medushevsky, N.A. (2025), “The historical roots of the Ewe people in modern mythology. The phenomenon of “invented history””, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 79–92, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-79-92

Введение

Мифология дописьменных обществ, к которым до начала XX в. относился и народ эве, проживающий на территории современных государств Гана, Того и Бенин, является для данных сообществ основным источником знаний о своем происхождении и историческом прошлом.

Можно сказать, что мифология эве представляет собой коллаж сказаний, сочетающий метафизику, историю и жизненные поучения, объединяя в себе все аспекты исторической памяти создавшего их общества. Как и в любом другом традиционном обществе, задача мифов у эве – преподать нравственные уроки и укрепить культурные ценности, сохранив память о прошлом и опыт предков. Так как до середины XX в. мифы для эве существовали только в форме устного народного творчества (записанные миссионерами, например Якобом Шпитом [Spieth 1906], версии мифов были эве практически не известны, а уровень грамотности не превышал 15%), то важную роль в их сохранении и популяризации выполняли рассказчики – гриоты или толи, которые знали сказания наизусть и имели своих учеников.

Сегодня данная традиция сохраняется, но при этом подвержена разрушению, так как в крупных городах не сохраняются традиционные общины, и в большей степени востребована информация из интернета, а «доверенными лицами» выступают преимущественно церковные пасторы.

Это ставит вопрос, который осознается и самими эве, о необходимости собирания фольклорного наследия эве, но, к сожалению, примеров крупных работ на эту тему крайне мало. Одной из немногих книг по данной теме является публикация Агботадуга Тогби Агботадуга и Анны Коттрелл «Once upon a time in Ghana: traditional Ewe stories retold in English» [Agbotadua, Cottrell 2013]. Истории, вошедшие в эту книгу, были записанные в регионе Вольта в Гане в 2006–2007 гг. В этом издании представлены 24 истории в их оригинальной, но адаптированной форме, не связанные с этнической историей эве, и представляющие, в большей степени культуру народа.

В то же время запрос на изучение собственной этнической истории у эве постоянно растет, так как история начинает восприниматься как один из основных элементов этнической идентичности, укрепление которой для разделенного между тремя странами народа является вопросом сохранения своего культурного единства и надеждой на физическое объединение в будущем.

Большую роль в данном вопросе играет исторический миф об «Исходе эве из Нотси», произошедшем в XVII в. и долгое время являвшимся отправной точкой истории народа эве, так как был записан и популяризирован миссионерами и использовался как инструмент этнической интеграции в рамках колониальной политики, наравне с созданным ими письменным языком эве.

Именно к этому мифу восходят наиболее значимые научные работы по доколониальной истории эве, в том числе публикации

таких авторов, как Д. Аменумей [Amenumey 2008], С. Грин [Greene 2002], Х. Амоако¹ или А. Дотсе².

Тем не менее миф о Нотси является условной отправной исторической точкой, т. к. известно, что племена эве, которые ранее назывались догбо, переселились в данный район города Нотси в Того только в XV в., а про их существование до переселения в современной исторической науке нет никаких сведений.

Параллельно среди самих эве, особенно в Гане, где, по сравнению с Того и Бенином, выше уровень образования и благосостояния, в последние два десятилетия постепенно растет интерес к собственной истории, которая рассматривается не с позиции знаний о прошлом, а скорее как элемент этнического статуса, доказывающего право эве занимать привилегированное положение среди других народов региона, и прежде всего ашанти, в XVIII–XIX вв. обладавших собственной государственностью и, как и эве, претендующих на доминирование в ганской политике.

Подобное «народное» развитие истории народа эве ставит вопрос о ее критическом анализе как форме современной мифологии.

Методология и историография

Объект нашего изучения – современные исторические мифы народа эве, ранее практически не изучался, так как малочисленные публикации, фиксирующие данные концепции, начали появляться лишь в последние 20 лет и представляют собой рассказы исторического характера, ранее присутствовавшие лишь в системе неформального образования. Так, например, в 2021 г. школьный учитель, глава общества пенсионеров Ганы и старейшина (Тогби) одного из кланов анло-эве – Филип Эбенезер Квабла Мегабуийе Амеевор опубликовал

¹ Amoako H.K. Detailed History of The Ewes: Origin of The Great Amega Wenga Patriarch of the Anlos. African Research Consult. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-origin-of-the-great-amega-wenga-patriarch-of-the-anlos/#:~:text=As%20a%20tradition%2C%20the%20Ewe,any%20interference%20from%20the%20authorities> (дата обращения 26 августа 2025).

² Dotse A.K. Detailed History of The Ewes: The Founding of Agavedzi, Klikor and Bomigo // African Research Consult. 14.12.2020. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-the-founding-of-agavedzi-klikor-and-bomigo/> (дата обращения 26 августа 2025).

книгу «Anloawo fe hogbetsotso kple konu adewo» [Ameevor 2021], посвященную истории народа эве и племени анло-эве, в которой, в том числе, изложил представления современной традиционной элиты анло-эве о древней истории своего народа. Аналогичные работы публиковались и другими авторами, в т. ч. Агботадуа Кумассой³, который является членом Совета департамента Анло по традициям. Кумасса в 2005 г. опубликовал наиболее фундаментальную работу по исследуемой нами проблематике на английском языке [Kumassah 2005]. В 2009 г. работа была переиздана в переработанном виде, увеличившись в объеме с 96 до 182 страниц [Kumassah 2009]. В этой же работе автором была представлена и генеалогия правителей племени анло-эве, а также факты более современной истории. Формализация такого рода «исторических знаний», которые, безусловно, не могут рассматриваться как научные, представляет собой формируемую систему современной исторической мифологии эве, заполняющую «научную пустоту» в общей истории народа до XV в. Обозначенные мифы не являются исключительно мнениями отдельных авторов, так как представляют общий «народный» взгляд на историю, не исходят от профессиональных историков и широко популяризированы через систему школьного образования в рамках изучения истории родного народа и различных внеучебных занятий, кружков, популярных лекций и простого общения. Как следствие, представляемый взгляд на историю, хотя и не является критическим, доказательным и научным, широко распространен среди эве и способен влиять на их мировоззрение. Признание такого рода концепций мифологическими позволяет рассмотреть их как источник современного фольклора [Тучкова 2020].

В итоге, в данной работе как фольклорный источник данных о современных исторических мифах эве нами рассматриваются уже упомянутые выше работы П.К.М. Амеевора и А. Кумассы, информация из которых была верифицирована автором в ходе бесед с господином Амеевором, а также старейшинами города Кликор в 2024 г.

Для достижения цели анализа современных исторических мифов эве нами применяется методологический подход, основанный на концепции В.Я. Проппа, представленной в работе «Об историзме русского фольклора и методах его изучения» [Пропп 1998]. В ней автор констатирует не только существование классического подхода к интерпретации фольклорных источников через анализ описанных в них событий и персонажей, но и подхода

³ *Dzokoto B.K.* Hogbetsotso – Migration history Ewes-full the history of Ewe – Anlo. URL: <https://brightdzokoto.wordpress.com/2019/10/23/hogbetsotso-migration-history-ewes-full-the-history-of-ewe-anlo/> (дата обращения 26 августа 2025).

контекстуального, с позиции которого фольклорный источник рассматривается как свидетельство исторического развития общества. Фактически фольклорный источник демонстрирует комплекс идей и фактов, циркулирующих в общественном сознании, и является отражением мировоззрения общества, создавшего конкретный объект фольклорного наследия [Пропп 1998].

Новая древняя история народа эве

Рассматривая современные исторические мифы эве, следует отметить их историческую аргументацию. Хотя ни одна из работ по древней истории эве не содержит ссылок на исторические источники, и особенно источники, фиксирующие историю эве ранее XIX в., аргументом в защиту излагаемых фактов всегда называется присутствие описываемых событий в устном народном творчестве. Как заявил автору в личной беседе П.К.М. Амеевор, «мы [эве] всегда это знали и пели об этом, и я просто записал наши знания».

Характеризуя представляемую историко-мифологическую систему, можно констатировать, что во всех описаниях она строится вокруг центрального предания об исходе из Нотси в XVII в., историчность которого является доказанной и была рассмотрена нами в первой части исследования. В то же время существует большое количество вариаций предания, исторически связанных с желанием отдельных сообществ обозначить в сказании собственную идентичность и вывести происхождение своего локального сообщества от главных героев легенды, тем самым подчеркнув легитимность правления конкретной династии вождей. Кроме того, расширение исторического кругозора рассказчиков эве ведет к углублению истории и связывает изначальное происхождение народности с ее проживанием в Древнем Египте и даже с библейскими временами.

Работа по объединению преданий в единый мифологический комплекс была проведена Г. Квадво Амоако и А. Кобла Доце. В статье «Detailed History of The Ewes: Origin of The Great Amega Wenga Patriarch of the Anlos»⁴ Квадво Амоако справедливо отмечает, что существует много теорий о происхождении эве. Самые смелые

⁴ *Amoako H.K.* Detailed History of The Ewes: Origin of The Great Amega Wenga Patriarch of the Anlos. African Research Consult. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-origin-of-the-great-amega-wenga-patriarch-of-the-anlos/#:~:text=As%20a%20tradition%2C%20the%20Ewe,any%20interference%20from%20the%20authorities> (дата обращения 26 августа 2025).

из них заявляют о том, что эве происходят из поселения Адзатоме, основанного Хамом, вторым сыном Ноя, упоминавшимся в Ветхом Завете. В данной традиции эве как народ возникает после того, как Бог покарал строителей Вавилонской башни за их тщеславие и сделал так, что они начали говорить на разных языках и перестали понимать друг друга. После получения собственного языка эве ушли из Вавилона, чтобы обрести собственную землю.

Как пишет Квадво Амоако, ссылаясь на устную традицию, вождем народа был человек по имени Гу, который привел эве на их новые земли в дельте реки Нил в современном Египте. Но вместе с эве поселились и другие народы, в том числе и евреи, вынужденные переселяться из-за засухи на свою землю Ханаан.

В беседе со старейшинами г. Кликор (Гана) в 2024 г. ими было высказано утверждение, что вождь эве Гу – это Гильгамеш – древний герой и правитель Урука, так как в легендах эве есть сказания, аналогичные эпосу, в том числе миф о царе-герое, который ушел в царство мертвых и вернулся верхом на крокодиле, что тематически пересекается с поисками Гильгамешем бессмертия.

Библейские корни происхождения народа эве Квадво Амоако усматривает в сходстве культурной традиции эве и ряда еврейских обрядов. Как отмечает автор, эве испытали сильное культурное влияние соседних народов, и сформированные тогда традиции сохраняются до сих пор. В их числе обрезание детей мужского пола, возлияния, которым научились благодаря поклонению Богу Солнца, вынос новорожденных младенцев наружу, обряды вдовства, царствования и погребения вождей с их личными вещами. Эве также научились у евреев сочинять длинные песни.

В изложении Амоако, и в этом его идеи пересекаются с тем, что пишет Амеевор и Кумасса, эве покинули территорию Египта, как и евреи, спасаясь от рабства. Под предводительством вождя Ми мигрировали на территорию Судана, где они жили недалеко от современного Хартума. Пребывание в Судане было коротким из-за «засухи, голода и набегов арабских работорговцев, которые предпочитали черных рабов себе подобным из-за их телосложения и храбрости»⁵. Тем не менее пребывание в Судане было полезно для

⁵ *Amoako H.K.* Detailed History of The Ewes: Origin of The Great Amega Wenga Patriarch of the Anlos. African Research Consult. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-origin-of-the-great-amega-wenga-patriarch-of-the-anlos/#:~:text=As%20a%20tradition%2C%20the%20Ewe,any%20interference%20from%20the%20authorities> (дата обращения 26 августа 2025).

эве, так как «в то время в Хартуме и его окрестностях существовало множество школ, и некоторые эве воспользовались этими школами, чтобы стать великими учеными, торговцами и фермерами»⁶.

Следующий этап миграции эве в устных преданиях, записанных и обобщенных Квадро Амоако, Амеевором [Ameevor 2021] и Кумассой [Kumassah 2005] связан с Абиссинией, в которой эве оказались, выйдя из Судана, но и там они не смогли закрепиться, так как страдали от арабской работорговли, причем рабов, по легенде, отправляли в Индию, чтобы служить при дворах их королей и королей.

Все эти перемещения произошли между 500 и 1200 годами нашей эры, после чего с территории Эфиопии народ эве двинулся на юго-запад, в регион между излучиной реки Нигер и средним течением реки Сенегал, и попал на территорию Империи Ганы столицей которой тогда была Валата, недалеко от Тимбукту. В империи Гана эве «внесли значительный вклад в расцвет старой империи» [Kumassah 2005], а затем проживали на территории сменивших ее империй Сонгай, впоследствии мигрировав на территорию современной Нигерии, в земли империи Ойо. Там они поселились в Иль-Ифе на земле йоруба (Нигерийский штат Осун), но, когда империя начала распадаться, – двинулись дальше на территорию современной Республики Бенин⁷. Данный тезис уже противоречит зафиксированной истории, так как переселение эве из империи Ойо пришлось на период ее расцвета в XV в. [Law 1977] и эве мигрировали из района Кету, как раз спасаясь от экспансии йоруба [Amenumey 2008].

Как пишет Квадро Амоако, «именно в Иль-Ифе они возродили и усовершенствовали искусство гадания (афа кака), от которого отказались их предки в Месопотамии». Здесь, вероятно, идет речь о прямом заимствовании гадательных практик и культа гадания йоруба (ифа), который действительно очень схож с гадательными практиками эве [Nukunya 1969].

После исхода из Иль-Ифе эве обосновались в городе йоруба – Кету (он же Амездорпе или Мавупе) в Бенине (имеется в виду

⁶ Ibid.

⁷ *Amoako H.K.* Detailed History of The Ewes: Origin of The Great Amega Wenga Patriarch of the Anlos. African Research Consult. URL: <https://african-research.com/research/african-countries/african-tribes/detailed-history-of-the-ewes-origin-of-the-great-amega-wenga-patriarch-of-the-anlos/#:-:text=As%20a%20tradition%2C%20the%20Ewe,any%20interference%20from%20the%20authorities> (дата обращения 26 августа 2025).

Королевство Бенин, большая часть которого находилась на территории современной Нигерии, хотя в тот период Кету был независимым царством, в котором правила династия Йоруба, родственная династии Иль-Ифе [Parginder 1956]). Данный город был основан в XIV в., и вполне вероятно, что эве участвовали в его основании. Кроме йоруба и эве, согласно сказаниям, обобщенным Квадро Амоако, и данным, приводимым Кодзо-Вордоагу [Kodzo-Vordoagu 1994] и Агбодеке [Agbodeka 1997], в поселении проживали предки нынешних аджа, фон и га-дангме. Когда эти народы оказались в Кете, неизвестно, но их дальнейшее расселение совпало с расселением эве и было вызвано экспансией йоруба. Позже, но в пределах 100 лет, эве расселялись по территории будущего королевства Дагомея на современной территории стран Бенин и Того. Это привело к образованию трех центров расселения – на берегу реки Моно в Тадо (Тандо), между реками Моно и Хахо – поселение Нотси, и в «стране Адель», где они основали ядро того, что позже стало королевством Дагомея, но тогда называлось догбо-ньигбо. В этом районе сконцентрировались кланы народности фон, а также подгруппы эве – анло и бе, затем перебравшиеся в Нотси⁸. Миграция продолжалась, и многие эве переместились в Нотси из двух других центров, сделав Нотси самым крупным центром проживания эве [Manoukian 1952].

Дискуссия и выводы

Говоря о мифологической концепции истории эве, следует отметить ее логику, основанную на трех ключевых составляющих.

Первая, исходная составляющая, связана с ветхозаветным представлением истории, с которым эве познакомились в период интенсивной христианизации региона своего проживания в конце XIX – начале XX в. Христианская традиция связывала все негроидные народы с хамитами, т. е. наследниками третьего сына Ноя – Хама. Все ветхозаветные исторические события эпохи ноя происходили на Ближнем Востоке и были наиболее сконцентрированы

⁸ Примечание: Анло и бе в Нотси были известны под общим названием догбоаво. Их лидерами были великий Амега Венья и его племянник Сроэ (Шри, сын сестры Амега Венья Асонго), который был сыном короля Тадо.

Шри бежал из Тадо, завладев священным табуретом короля после спора о престолонаследии со своими сводными братьями после смерти их отца.

в Междуречье и Египте, а центральным ветхозаветным преданием о происхождении народов было предание о вавилонском столпотворении.

Ветхий завет был переведен на язык эве одним из первых, еще в 1870-х гг. [Wandusim 2024], использовался в системе приходского образования и на протяжении более 70 лет, до получения Ганой и Того независимости, оставался едва ли не единственным источником исторических знаний для местного населения. Кроме того, следует отметить, что до сих пор характерное для эве традиционное и сакрализованное мировоззрение делало пасторов в христианских сообществах носителями и толкователями «истинного знания», содержащегося в Священном писании.

Также отметим, что одним из ключевых атрибутов церковного служения в регионе всегда выступало церковное пение, наследующее традиционной песенной традиции. Как следствие, адаптированные хоралы оказались включены в устное народное творчество и стали восприниматься эве как песни-рассказы об их собственной истории.

Вторая составляющая может быть обозначена как объективно-историческая. Она обусловлена объективно существовавшей и доказанной исторической наукой, миграцией на африканском континенте, происходившей в различных направлениях. Согласно одному из предположений [Isichei 1972], прото-ква (из которых впоследствии произошли и эве) происходили из района севернее и северо-восточнее африканских Великих озер, где начиная с третьего тысячелетия до н. э. активно происходил процесс опустынивания. В итоге значительная часть группы к 1500-м гг до н. э. достигла района слияния Нигера и Бенуэ и сформировала общество культуры Нок [Breunig 2014]. Вполне вероятно, что другие сообщества прото-ква имели иной путь миграции, проходивший восточнее через Нубию, однако никаких исторических доказательств данной миграции не существует. Сегодня данные теории исторической миграции также известны в Западной Африке и служат дополнительным аргументом в подтверждение исторических мифов, включая миф о происхождении эве.

Третья составляющая относится к сфере массовой культуры, важным сегментом которой в последние два десятилетия стала система идей движения Black Lives Matter, восходящая к концепции «черной истории» и идеям Маркуса Гарви [Charman 2024]. Хотя данные принципы крайне ограниченно распространены среди эве, они сильно повлияли на диаспору эве в США, что позволяет говорить о запросе на изучение истории и псевдо-истории своего народа именно со стороны эмигрантов.

В итоге мы можем констатировать, что формирование новых исторических мифов народа эве стало ответом на «запрос времени». Двигаясь по пути этнической консолидации и изучая собственные традиции, историю и культуру, эве столкнулись с полным отсутствием информации по раннему периоду существования своего народа, при том, что известный и описанный исторический период тесно связан с колониальной эпохой и во многом ассоциируется у эве с навязанной моделью исторического развития.

Дополнительную актуализацию изучения прошлого порождает развитие исторической науки в других странах, и прежде всего в Нигерии, где на основании изучения древних культур строится новая национальная идентичность.

Причины, по которым новые исторические мифы стали формироваться именно в последние два десятилетия, связаны с трансформацией социальной и политической жизни Ганы. Мы говорим именно о Гане, так как аналогичные новые исторические мифы, происходящие из сообществ эве в Того и Бенине, автору обнаружить не удалось, и вероятно, публикаций такого характера не существует. Кроме того, из всех трех стран, где проживают эве, в Гане после демократических реформ 1992 г. сформировалась наиболее благоприятная «творческая среда», обусловленная ростом этнической конкуренции в политике, где история народа стала аргументом в споре об этнических правах и политическом участии. Также отметим, что большинство популярных новых исторических мифов представлены авторами, происходящими из сообщества анло-эве, которое исторически было наиболее консолидировано, и сегодня продолжает претендовать на представление интересов всех ганских эве.

Еще одно измерение актуальности новых исторических мифов безусловно связано с уровнем образования в сообществах эве. Сегодня среднее школьное образование имеет более 92% населения, однако его качество остается достаточно низким. Большая часть школ в регионе Вольта в Гане действует при церквях и работает по достаточно условной образовательной программе, что дает возможность преподавателям истории обучать учеников по своему усмотрению и опираться в своей работе не только на учебную, но и на научно-популярную, а также религиозную литературу, что создает у детей крайне эклектичную картину знаний о прошлом своей страны и своего народа.

Дополнительным фактором в последние годы становится рост обеспечения населения мобильным интернетом, в котором наибольшей популярностью обладают социальные сети и телеграм-каналы, в том числе посвященные историческим вопросам. Информация

из такого рода источников является абсолютно непроверенной и нацелена на привлечение интереса аудитории, которая, в свою очередь, воспринимает данную информацию как истинную.

В результате новые исторические мифы основаны на обобщении такого рода информации и одновременно служат ее источником. Они вызывают доверие, потому что популяризируются авторитетными людьми – учителями, старейшинами сообществ, представителями традиционной власти, и в итоге новые исторические мифы постепенно превращаются в фундаментальные исторические знания эве о своем прошлом, без необходимости его доказательства.

Литература

- Тучкова 2020 – Тучкова Н.А. Фольклор как источник по этнической истории (теоретико-методологическое основание исследования). Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. Т. 40. № 1–2. С. 23–82.
- Пропп 1998 – Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. С. 185–208.
- Agbotadua, Cottrell 2013 – Agbotadua T.K., Cottrell A. Once upon a time in Ghana: traditional Ewe stories retold in English. Accra, Ghana: Afram Publications Ghana Limited, 2013. 89 p.
- Amenumey 2008 – Amenumey D.E.K. Ghana a concise history from pre-colonial times to the 20th century. Accra: Woeli Pub. Services, 2008. 281 p.
- Ameevor 2021 – Ameevor P.K.M. Anloawo fe hogbetsotso kple konu adewo. Keta, Ghana: Photo city press. 2021. 227 p
- Agbodeka 1997 – Agbodeka F. (ed). A Handbook of Eweland. Vol. I: The Ewes of Southeastern Ghana. Accra: Woeli Publishing Services, 1997. 393 p.
- Breunig 2014 – Breunig P. (ed.) Nok: African Sculpture in Archaeological Context. Frankfurt a. M: Africa Magna Verlag, 2014. 303 p.
- Chapman 2024 – Chapman T.K. Foundations of Multicultural Education: Marcus Garvey and the United Negro Improvement Association // The Journal of Negro Education. 2004. № 73 (4). P. 424–434.
- Greene 2002 – Greene S.E. Notsie Narratives: History, Memory, and Meaning in West Africa // South Atlantic Quarterly. 2002. № 101 (4). P. 1015–1041.
- Isichei 1976 – Isichei E. A History of the Igbo People. London: Macmillan. 1976. 303 p.
- Kodzo-Vordoagu 1994 – Kodzo-Vordoagu J.G. Anlo Hogbetsotso Festival. Accra: Domak Press Ltd., 1994. 33 p.
- Kumassah 2005 – Kumassah A. The migration saga of the Anlo-Ewes of Ghana. Keta, Ghana: s.n. 2005. 96 p.

- Kumassah 2009 – *Kumassah A.* The migration saga of the Anlo-Ewes of Ghana. Keta, Ghana: s.n., 2009. 182 p.
- Law 1977 – *Law R.* The Oyo Empire: A West African Imperialism in the Era of the Atlantic Slave Trade. Clarendon Press, 1977. 141 p.
- Manoukian 1952 – *Manoukian M.* The Ewe-Speaking People of Togoland and the Gold Coast. London: International African Institute, 1952. 63 p.
- Nukunya 1969 – *Nukunya G.K.* Afa divination in Anlo: a preliminary report // Research Review (Legon: University of Ghana). 1969. Vol. 5. № 2. P. 9–26.
- Parrinder 1956 – *Parrinder E.G.* The Story of Ketu: An ancient Yoruba kingdom. Ibadan, Nigeria: Ibadan University Press. 1956. 106 p.
- Spieth 1906 – *Spieth J.* Die Ewe-Stämme. Material zur Kunde des Ewe-Volkes in Deutsch-Togo. Berlin: Reimer, 1906. 1048 s.
- Wandusim 2024 – *Wandusim M.F.* Unsung Heroes of Mission Bible Translation in Colonial West Africa: Ludwig Adzaklo of the Bremen Mission in German Togoland // Religions. 2024. № 15 (3). P. 314–326

References

- Agbodeka, F. (ed). (1997), *A Handbook of Eweland*, vol. I: The Ewes of Southeastern Ghana, Woeli Publishing Services, Accra, Ghana.
- Agbotadua, T.K. and Cottrell, A. (2013), *Once upon a time in Ghana: traditional Ewe stories retold in English*, Afram Publications (Ghana) Limited, Accra, Ghana.
- Ameevor, P.K.M. (2021), *Anloawo fe hogbetsotso kple konu adawo*, Photo city press, Keta, Ghana.
- Amenume, D.E.K. (2008), *Ghana a concise history from pre-colonial times to the 20th century*, Woeli Pub. Services, Accra, Ghana.
- Breunig, P. (ed.) (2014), *Nok: African Sculpture in Archaeological Context*, Africa Magna Verlag, Frankfurt a. M., Germany.
- Chapman, T.K. (2024), Foundations of Multicultural Education: Marcus Garvey and the United Negro Improvement Association, *The Journal of Negro Education*, no. 73 (4), pp. 424–434.
- Greene, S.E. (2002), Notsie Narratives: History, Memory, and Meaning in West Africa, *South Atlantic Quarterly*, no. 101 (4), pp. 1015–1041.
- Isichei, E. (1976), *A History of the Igbo People*, Macmillan, London, UK.
- Kodzo-Vordoagu, J.G. (1994), *Anlo Hogbetsotso Festival*, Domak Press Ltd, Accra, Ghana.
- Kumassah, A. (2005), *The migration saga of the Anlo-Ewes of Ghana*, Keta, Ghana.
- Kumassah, A. (2009), *The migration saga of the Anlo-Ewes of Ghana*, Keta, Ghana.
- Law, R. (1977), *The Oyo Empire: A West African Imperialism in the Era of the Atlantic Slave Trade*, Clarendon Press, London, UK.
- Manoukian, M. (1952), *The Ewe-Speaking People of Togoland and the Gold Coast*, International African Institute, London, UK.

- Nukunya, G.K. (1969), "Afa divination in Anlo: a preliminary report", *Research Review (Legon: University of Ghana)*, vol. 5, no. 2, pp. 9–26.
- Parrinder, E.G. (1956), *The Story of Ketu: An ancient Yoruba kingdom*, Ibadan University Press, Ibadan, Nigeria.
- Пропп, В.Я. (1998), "On the historicism of Russian folklore and methods of its study", *Poetika fol'klora* [Poetics of folklore], Labirint, Moscow, Russia, pp. 185–208.
- Пропп 1998 – Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. С. 185–208.
- Spieth, J. (1906), *Die Ewe-Stämme. Material zur Kunde des Ewe-Volkes in Deutsch-Togo*, Reimer, Berlin, Deutschland.
- Tuchkova, N.A. (2020), "Chapter 1. Folklore as a source of ethnic history (theoretical and methodological basis of the study)", *Ethnic history and folklore of the Selkups: the problem of data correlation, Proceedings of the Society for archaeology, history and ethnography at the Kazan University*, vol. 40, issue 1–2, pp. 23–81.
- Wandusim, M.F. (2024), "Unsung Heroes of Mission Bible Translation in Colonial West Africa: Ludwig Adzaklo of the Bremen Mission in German Togoland", *Religions*, no. 15 (3), pp. 314–326.

Информация об авторе

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; lucky5659@yandex.ru

Information about the author

Nikolay A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; lucky5659@yandex.ru

УДК 792(510)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-93-108

Chinese “Red Classics” on stage. How today’s Chinese view their cultural heritage

Maria S. Kruglova

*State Academic University of the Humanities
Moscow, Russia, mashakruglova999@gmail.com*

Maria A. Bondarenko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, bondarenkomasha2002@gmail.com*

Abstract. The article considers the status of the so-called theatrical “Red Classics” in Chinese theaters. Since the Cultural Revolution, it has become one of the ways to influence society in China. In different decades, it became at times a more popular form of propaganda, and at times less so. Now one can see a trend towards increasing interest in such type of art on the part of the state. Thus, from 1 January 2025, the Red-travel project has been implemented, under which the ‘Red classics’ will be promoted as an object of domestic tourism (Website of the Ministry of Culture and Tourism of the PRC, 2025). We used a pilot version of an in-depth interview. The results of the study indicate that young people are little interested in the “Red Classics”, most respondents consider it propaganda. Perhaps the state is focused not on the young part of society, but on the older one, since they have more time and money to attend such events under the Red-travel project.

Keywords: Red Classics, PRC cultural policy, Red-travel, China, Chinese theater, art of China

For citation: Kruglova, M.S. and Bondarenko, M.A. (2025), “Chinese ‘Red Classics’ on stage. How today’s Chinese view their cultural heritage”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 93–108, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-93-108

«Красная классика» в китайском театре:
как современные китайцы относятся
к своему культурному наследию

Мария С. Круглова

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, mashakruglova999@gmail.com*

Мария А. Бондаренко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, bondarenkomasha2002@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается современное положение «Красной классики» в китайских театрах. Со времен «культурной революции» она стала одним из способов влияния на общество в Китае. В разные десятилетия она становилась то более популярным видом пропаганды, то менее. Сейчас можно заметить тенденцию к увеличению интереса к данному виду искусства со стороны государства. Так, с 1 января 2025 г. реализуется проект Red-travel, в рамках которого «красная классика» будет распространяться как объект внутреннего туризма (Сайт Министерства культуры и туризма КНР, 2025). Нами был проведен социальный опрос среди китайцев с целью выяснения их отношения к «красной классике» и театру в целом. Мы использовали пилотный вариант глубинного интервью. Результаты данного исследования говорят о том, что молодежь в малой степени заинтересована в «красной классике», большая часть респондентов считает ее пропагандой. Вероятно, государство ориентируется не на молодую часть общества, а возрастную, так как у них больше времени и средств для посещения данных мероприятий, но пока можно утверждать, что молодежь не будет целевой аудиторией проекта Red-travel.

Ключевые слова: красная классика, культурная политика КНР, Red-travel, Китай, театр Китая, искусство Китая

Для цитирования: Круглова М.С., Бондаренко М.А. «Красная классика» в китайском театре: как современные китайцы относятся к своему культурному наследию // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 93–108. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-93-108

Introduction

Theater and art as a whole mirror society’s needs and sensitive issues. Frequently, the state censor’s art or, at worst, exploits it for propaganda. In China, this role is played by ‘Red Classics’ – Chinese 红色经典剧目 (*hóngsè jīngdiǎn jù mù*) – a collection of works centered on communist themes.

Traditional Chinese theater has long been a subject of interest for researchers both in Russia and abroad [Ward 2011; Howard 1978; Шулунова 2018; Шулунова 2020; Дементьева 2023]. However, the same level of attention has not been extended to contemporary Chinese theater, which remains understudied. Although some works explore individual genres of Chinese theater [Budaeva 2016], research specifically addressing «Red Classics» within modern Chinese cultural discourse is exceptionally rare [Чжан 2022; Vanderstaaya 2022]. Scholars have also shown interest in China’s broader turn toward «red culture» [Barmé 1999; Shu 2022; Roberts, Li 2017]. A separate area of research focuses on the development of modern «red tourism» [Li, Hu 2008; Wang, Wu & Peng 2009; Lin 2023; Geng, Qi & Jian 2024].

This research explores the status and meaning of «Red Classics» in Chinese society and for the state. The article analyzes a pilot set of in-depth interviews on «Red Classics» conducted by the authors among Chinese respondents.

“Red Classics” and Their Role in the People’s Republic of China

“Red Classics” (红色经典剧目, *hóngsè jīngdiǎn jù mù* – literally “red classical repertoire”), or in other words, “Red Classics”, refers to a rather extensive list of works (films, stage productions, books, plays) created during the Cultural Revolution

Typically, these works have a patriotic nature, glorifying the heroism of the working class and the achievements of the Chinese Revolution. This genre emerged largely due to the spread of Soviet literature in China during the 1950s. Theoretical works by V.I. Lenin, M. Gorky, and G.V. Plekhanov were widely popular, while the writings of V.G. Belinsky, N.G. Chernyshevsky, and N.A. Dobrolyubov also gained significant traction.

The influence of Russian literature on Chinese culture can be traced back even earlier, as seen in Lu Xun’s *Diary of a Madman* (《狂人日记》, 1918), which was modeled after Gogol’s story of the same name, and Cao Yu’s *Thunderstorm* (《雷雨》, 1934), inspired by A.N. Ostrovsky’s play *The Stor* [Ян 2016, с. 50]. Moreover, many Soviet

textbooks on literary theory were translated into Chinese and were regarded as invaluable resources in academic circles [Zhu 2001, p. 15].

In the period 1966–1976, everything escalates, the “cultural revolution” takes place, which destroys everything that was before, global changes begin in the theater and spiritual life in general. At the beginning, Mao Zedong begins a “purge”, dismissing those who disagree with his version of China’s development, which included the rejection of capitalism and the accelerated construction of communism. The main reason is often called the split in the party, which occurred after the Great Leap Forward campaign, when some party members began to doubt the course proclaimed by Mao Zedong, which, naturally, caused a negative reaction from the leader. By removing all the “thinking” leaders of the party, Mao Zedong concentrated around himself an entourage of people who agreed with everything, which led to the emergence of a personality cult. When making important decisions, he no longer consulted with the top party officials, which means he violated the principle of collective leadership of the party. Thus, without asking anyone’s opinion, Mao Zedong began the “cultural revolution” and managed it.

So, returning to the theater, it is worth emphasizing that during this period a “purge” began not only among the party leaders, but a “purge” in cultural life. In place of the former heroes of imperial China, heroes-proletarians, peasants and soldiers began to appear on the stage, who tirelessly worked for the common cause – the construction of communism. A group for the affairs of the “cultural revolution” also appeared, essentially a state body responsible for censorship. A person whom Mao Zedong could completely trust was appointed to such an important position. This was his wife, Jiang Qing, who was engaged in banning or changing old plots, making them more suitable for communist realities. As has already been said, the heroes of the works were now young guys who sacredly believed in the ideas of Mao Zedong, and not emperors and their confidants. At the same time, the “Red Classics” became especially popular. The most famous examples of the revolutionary opera genre include: *The Red Lantern* by Wen Oo Hong, *The Taking of Mount Weihu* by Cunning (a group of authors, 1958; Beijing Opera House), *The Harbor* (a group of authors; 1964; Beijing Opera House).

They were included in the list of eight “model revolutionary performances” sanctioned by the authorities, which also included the ballets *The Red Women’s Battalion* (Wu Zu Qian; September 26, 1964) and *The Gray-Haired Girl* (Ma Ki, Zhang Lu, Qu Wei, Xiang Yu, Li Huang Zhi; April 28, 1945) [ЖЭНЬ 2014].

The plots of these performances, showing the courage of ordinary people, were gradually transferred to film. And now attending these films was mandatory, people stood in lines for hours to go to the cinema. By the 1970s, some relaxations began, and in addition to the “model operas”, some traditional ones were also allowed.

Today, “Red Classics” can be perceived as part of China’s cultural heritage, though many of these works are considered propaganda and face criticism for that reason. Nevertheless, recent years have seen a revival of interest in this genre, particularly from the state. New works on this theme continue to be produced, along with large-scale projects aimed at promoting “Red Classics”.

For example, on January 1, 2025, China’s Ministry of Culture and Tourism published a new program titled “*Guidelines for the Classification of Integrated Red Tourism Development Zones*”¹. The initiative’s primary objectives are the preservation and promotion of “Red Classics”. The program aims to establish a nationally recognizable brand, standardize existing guides for “red tourism”, and develop new ones. It also includes plans for patriotic education through special practical activities in schools and universities.

With increased state funding, the Ministry seeks to upgrade technical facilities in venues, including theaters hosting such events. One of the program’s key goals is to create at least one successful project in every tourism sector and increase attendance at “red tourism” sites to 50% of all annual tourist visits.

Additionally, the Ministry has outlined infrastructure improvements, such as full Wi-Fi coverage in key tourist areas, new rest facilities, enhanced accessibility (including for people with disabilities), and a dedicated traveler hotline. The initiative will also generate new jobs for tour guides and interpreters while offering volunteer opportunities with *Red Travel* organizations.

As for theatrical productions under the “Red Classics” label, several notable examples stand out. For instance, to mark the 75th anniversary of the founding of the People’s Republic of China, numerous ideologically themed plays were staged nationwide, with audiences encouraged to “gather in theaters and celebrate the Motherland’s birthday with fervent applause and cheers of joy”². One such production, 《澜沧水长》

¹ Official website of the PRC Ministry of culture and tourism. «Guidelines for the Classification of Integrated Red Tourism Development Zones Harmonious development of red tourism in the regions, as well as its classification». URL: https://zwgk.mct.gov.cn/zfxxgkml/zcfg/zcjd/202501/t20250107_957710.html (in Chinese) (Accessed 1 March 2025).

² Red Classics. «红色经典». 2025. URL: <https://baike.baidu.com/item/红色经典/3031> (in Chinese) (Accessed 21 February 2025).

(*The Lancang River*), written by Yang Jun and directed by Wang Xiaoying, vividly recreates a historical event from over 70 years ago. The play dramatizes the oath-taking ceremony of 26 ethnic groups in Pu'er City, Yunnan Province, symbolizing ethnic unity in southwestern China. As a project funded by the National Arts Foundation, the drama was performed repeatedly across Chinese theaters from May 2023 to October 2024, drawing large audiences.

Also staged for the anniversary of the founding of the PRC was "Sanwan, That Night" ("三湾, 那一夜", "Sanwan, Na Yi Ye"), a play that recounts the events of September 1927, a historic turning point when Mao Zedong, with a force of fewer than 1,000 men, changed the course of the Chinese revolution. He led a small peasant army against the Kuomintang and the landlords of Hunan, successfully establishing the CPC government. It was one of the first armed uprisings by the communists, and it marked a significant change in their strategy. Many years later, the National Academy of Drama of China re-enacted this historic moment in the drama "Sanwan, That Night", allowing audiences to deeply feel the difficult path and indomitable spirit of the early days of the Chinese revolution.

In July 2021, a single-show theater titled *Chongqing – 1949* opened in the historic district of Ciqikou (磁器口) in Chongqing. The name is no coincidence – for four years now, this theater has staged only one production, yet it attracts massive audiences daily. Its uniqueness lies in its unconventional technical setup, atypical for traditional theaters: 360-degree rotating seats and a revolving stage that fully immerse viewers in the performance, offering a conceptually new theatrical experience.

"Red Classics" and the Modern Chinese Audience

In 2024, we conducted a social survey among Chinese citizens to identify key trends in youth attendance at cultural events, assess their attitudes toward contemporary theater repertoire, and gauge their opinions on the level of political engagement in the theatrical sphere. The survey included 55 respondents, with 68% women and 32% men aged 17–37, the majority being young adults aged 18–24.

When asked, "If you attend the theater less than four times a year, what do you think are the reasons?" the responses were as follows, see Fig. 1³.

³ Here and below all figures are compiled based on the survey data conducted by the authors.

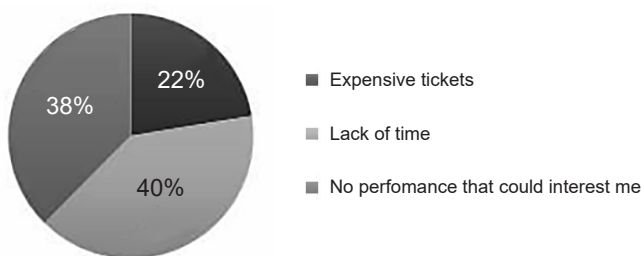

Fig. 1. The reasons of low theatre attendance in China according to the respondents surveyed

The main reasons for low theater attendance in China are lack of free time for such leisure activities, insufficient productions that appeal to young audiences, and high ticket prices.

Modern young people, particularly students, spend most of their day in classes, prefer sports in their free time, and often take part-time work on weekends. This can indeed be considered a legitimate reason.

As for claims about a limited repertoire, this is debatable. Our analysis of popular Chinese ticketing platforms revealed that modern Chinese theaters offer productions for all tastes – from classical world literature and ballet to entertaining detective shows and contemporary musicals. Therefore, this reason for avoiding theaters can be interpreted more as a reflection of the population's low cultural engagement and weak promotion of theater culture in China.

However, it's worth noting an exception: in Chongqing (Sichuan Province), performances of 变脸 (bian lian, or "face-changing") are extremely popular. This local folk art can be compared to the more well-known Sichuan or Beijing operas. According to 2023 data from China's National Bureau of Statistics, local operas have become the most popular genre in theatrical arts, with 347,000 performances held that year, attracting nearly 173 million attendees⁴.

These performances contribute significantly to municipal budgets, as they are considered a must-see for both domestic and international tourists visiting Sichuan. In 2023 alone, local operas generated 8.5 trillion

⁴ China Statistical Yearbook. 23–21 Statistics on Art Performance Troupes. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsjsj/2024/indexeh.htm> (Accessed 5 February 2025).

yuan in revenue⁵. It's also important to mention that advertisements for *bian lian* are ubiquitous – on billboards, hotpot restaurants, countless souvenir shops, children's toys, fans, and more. In other words, when it comes to revenue generation, Chinese advertising truly shines.

Thus, we can conclude that the level of cultural development among China's population remains low, and the state machinery still does little to incentivize theater attendance through advertising and promotion, as theaters are not yet major revenue drivers. Authorities appear to prioritize existing profitable cultural products over developing new ones.

Another key factor behind low theater attendance is the high cost of tickets. Our analysis of ticketing platforms revealed that average ticket prices range from 150 to 200 yuan depending on the performance time. Considering China's average monthly salary of just over 3,000 yuan according to National Bureau of Statistics data⁶, and approximately 5,000 yuan for experienced professionals (10–15 years) in Chongqing, these prices can be prohibitive for students. While full-time students do receive discounts, these are typically minor, making ticket purchases still challenging.

However, when asked whether schools and universities organize theater performances, over 66% of respondents answered positively (see Fig. 2), with about 30% either unaware of such initiatives or responding negatively. This suggests that while ticket prices remain a relevant barrier to youth attendance, the government is attempting to address this through student discounts and on-campus cultural events – though awareness of these programs remains insufficient.

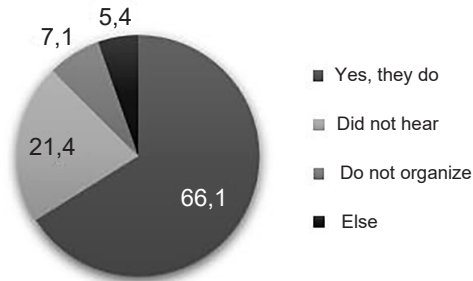

Fig. 2. The respondents' awareness of school and university theater productions

⁵ China Statistical Yearbook. 23–21 Statistics on Art Performance Troupes. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsjs/2024/indexeh.htm> (Accessed 5 February 2025).

⁶ Ibid. 6-1 nationwide per capita income and consumption expenditure.

Regarding popular genres, our survey found traditional operas and literary adaptations ranked highest among respondents’ preferences, followed by fantasy productions, dance performances, and works based on historical or political events (see Fig. 3).

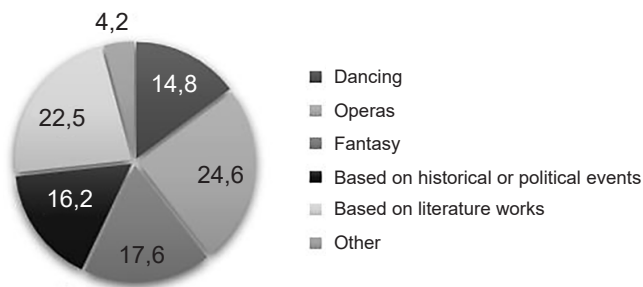

Fig. 3. The respondents’ genre preferences in theatrical productions

The most cited functions of theater by respondents were education and propaganda, a platform for expressing thoughts and ideas, and aesthetic enjoyment (see Fig. 4).

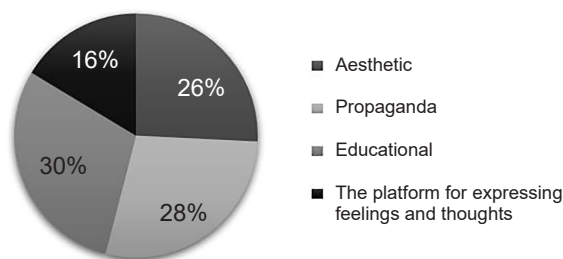

Fig. 4. The perceived roles of theater in China among the surveyed participants

We asked the audience if they knew of any discounts for young people when buying theatre tickets. Only half of the respondents answered positively (see Fig. 5).

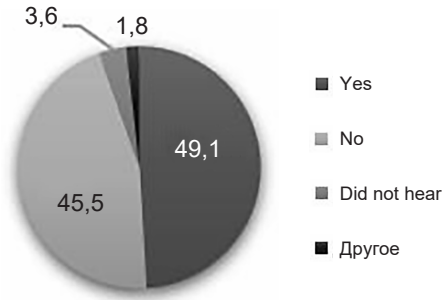

Fig. 5. Awareness of discounts on tickets for students among the respondents

This suggests that political content holds limited appeal for the average Chinese theatergoer. Audiences tend to prefer entertainment over propaganda, yet the fact that propaganda and education were named as primary functions indicates public awareness of the state's role in theatrical productions.

It is likely that knowing many performances are state-funded and censored, people are less inclined to choose historical or politically themed productions.

We posed a series of questions regarding the concept of “Red Classics” – a category of political literature and performances aimed at fostering patriotism among youth and broader audiences. Survey responses revealed that approximately 21% of respondents were unfamiliar with the term “Red Classics”, while about 78% were aware of or had at least heard about it (see Fig. 6). These findings indicate that while not explicitly labeled as such, Red Classics continue to appear on Chinese stages, with audiences recognizing their political and CPC-affiliated nature.

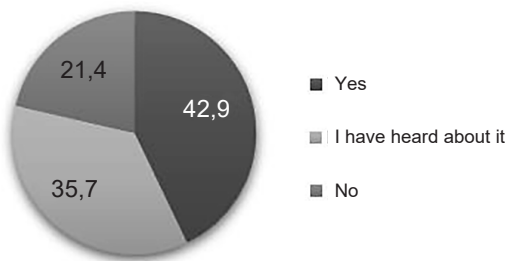

Fig. 6. Whether respondents knew the meaning of “Red Classics”

When asked “Do you like Red Classics?”, responses were divided: roughly half of respondents expressed neutral attitudes, 25.5% reported liking them, and the remaining 23% remained unaware of the concept (see Fig. 7).

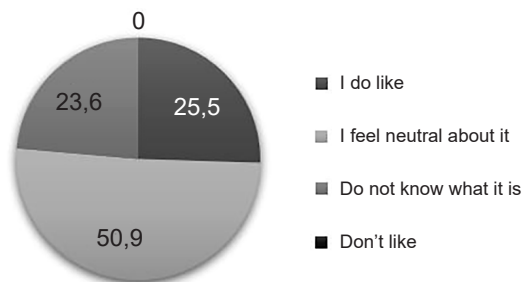

Fig. 7. Respondents’ attitude towards “Red Classics”

Regarding the frequency of encountering “Red Classics“ in current theatrical offerings, 27% reported seeing them “often” and 38% “sometimes” – indicating over half of respondents periodically encounter these performances, suggesting either genuine popularity or state-driven promotion through funding and advertising. The remaining 35% reported rarely or never seeing “Red Classics“ productions (see Fig. 8).

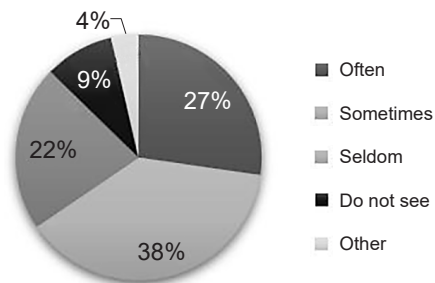

Fig. 8. Prevalence of “Red Classics” in Chinese theater line-ups, as reported by respondents

On whether respondents considered “Red Classics” to be propaganda (see Fig. 9), more than half agreed with this characterization, while

about 40% viewed them as part of Chinese cultural heritage (thus rejecting the propaganda label), and 6% selected “rather no than yes” (effectively abstaining). While “Red Classics” appear regularly in Chinese theaters and their advertisements are moderately visible, survey results indicate limited audience enthusiasm, with attendance rates for such performances being particularly low even compared to already modest theater-going habits.

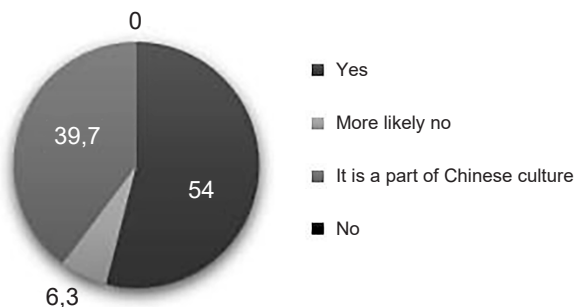

Fig. 9. Whether respondents view “Red Classics” as a form of social values propaganda

Our survey also examined the social aspects of theater engagement. When asked whether the government is attempting to make theaters more appealing to youth, responses were split: 43% believed this to be true, 43% were uncertain, and 12% saw no such effort. Regarding youth discounts for theater tickets, 49% confirmed their existence while 45.5% denied it. These results suggest that while the government does make some efforts to engage youth (including student discounts), China lacks comprehensive cultural programs comparable to Russia’s “Pushkin Card” initiative [Груздева, Калачикова 2021, с. 42], which directly incentivizes cultural participation, elevates public cultural engagement, and stimulates theatrical development.

Conclusion

Thus, the “Red Classics” appeared during the Cultural Revolution, after which they became associated with communist propaganda and were forgotten for some time. However, in recent decades, we can see some growth in various types of “Red Classics” products in China (literature, cinema, theater). In addition, in 2025, the Ministry of Culture and Tourism of the PRC established the Red-travel program,

within the framework of which the distribution of “Red Classics” products will continue, and a separate brand will be created that will popularize them.

However, the survey results clearly indicate limited youth interest in “Red Classics”, with most respondents perceiving them as propaganda. This suggests the government may be targeting older demographics rather than young people, as older citizens typically have more time and financial resources to attend such events.

Acknowledgements

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities within the framework of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2023-0003 «Historical and cultural traditions and values in the context of global history»).

Благодарности

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

References

- Barme, G.R. (1999), *In the Red: On Contemporary Chinese Culture*, 1st ed., Columbia University Press, New York, USA.
- Budaeva, T.B. (2016), “Modern Realities of Chinese Traditional Theater Xiqu”, *Vestnik muzykal’noy nauki*, no. 1 (11), pp. 21–29.
- Dementieva, V.V. (2023), “Traditional Chinese Theater in the 20th – Early 21st Century: Issues and Prospects for Development”, *Values and Meanings*, no. 2 (84), pp. 41–52.
- Geng, B., Qi, Zh. and Jian, Y. (2024), “Comparative Analysis of Red Tourism Consumer Market”, *Proceedings of the 2023 5th International Conference on Economic Management and Cultural Industry (ICEMCI 2023)*, Advances in Economics, Business and Management Research, pp. 1–8.
- Gruzdeva, M.A. and Kalachikova, O.N. (2021), “‘Pushkinskaya karta’ as an instrument for financing the culture sphere. Regional aspect”, *Journal of Economic Studies*, vol. 7, no. 5, pp. 41–49.

- Howard, R. (1978), *Contemporary Chinese Theatre*, 1st ed., Routledge, London, UK.
- Li, Y. and Hu, Z. (2008), “Red Tourism in China”, *Journal of China Tourism Research*, no. 4, pp. 156–171.
- Lin, C. (2023), *Red Tourism in China: Commodification of Propaganda*, 1st ed., Routledge, Abingdon, UK.
- Ren, Shuai (2014), “Exemplary Revolutionary Opera. On the Issue of the Specifics of the Libretto”, *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, (169), pp. 97–100.
- Roberts, R. and Li, L. (Eds.) (2017), *The Making and Remaking of China’s “Red Classics”: Politics, Aesthetics, and Mass Culture*, 1st ed., Hong Kong University Press, Hong Kong.
- Shu, D. (2022), “The Relevance of “Red Culture” in Contemporary China”, *Open Journal of Social Sciences*, no. 10, pp. 431–441.
- Shulunova, E.K. (2018), History of modern Chinese theatre. *Istoriya sovremennogo kitayskogo teatra*, Izdatel'stvo «Maska», Moscow, Russia.
- Shulunova, E.K. (2020), “Chinese Theater in the New Conditions of 2020”, *Russia and China: Challenges of Strategic Partnership. Collected Papers of the Eastern Center*, no. 23, pp. 69–73.
- Vanderstaay, L. (2022), “Remaking Red Classics in Post-Mao China: TV Drama as Popular Media”, *Global Media and China*, no. 7.
- Wang, B., Wu, C. and Peng, H. (2009), “Strategies for Developing ‘Red Tourism’: A Unique Tourism Activity in China”, *International Business Research*, no. 1 (4), pp. 14–18.
- Ward, B.E. (2011), “Review: The Chinese Theatre in Modern Times: From 1840 to the Present Day by Colin P. Mackerras”, *Chinese History and Society*, Thames and Hudson, London, UK.
- Yang, Ya, (2016), “The dissemination and influence of Russian literature in China (1900–1960)”, *Eurasian Union of Scientists*, no. 30-5, pp. 49–53.
- Zhang, C. (2022), “Revolutionary Themes in the Theatrical Arts of China and Belarus in the First Half of the 20th Century”, *Art and Culture*, no. 1 (45).
- Zhu, J. (2001), *Shì lùn zhōngguó xīn shíqí wénxué zhōng de èluósī qíngjié. On the Complex of Russia in New Chinese Literature*, Master’s Thesis in Philology, Suzhou, China, p. 15. (in Chinese).

Литература

- Будаева 2016 – Будаева Т.Б. Современные реалии китайского традиционного театра сицуй // Вестник музыкальной науки. 2016. № 1 (11). С. 21–29.
- Груздева, Калачикова 2021 – Груздева М.А., Калачикова О.Н. «Пушкинская карта» как инструмент финансирования сферы культуры: региональный аспект // Журнал экономических исследований. 2021. Т. 7. № 5. С. 41–49.

- Дементьева 2023 – *Дементьева В.В.* Традиционный театр Китая в XX – начале XXI в.: проблемы и перспективы развития // Ценности и смыслы. 2023. № 2 (84). С. 41–52.
- Жэнь 2014 – *Жэнь III.* «Образцовая революционная опера»: к проблеме специфики либретто // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 169. С. 97–100.
- Чжан 2022 – *Чжан Ц.* Революционная тематика в театральном искусстве Китая и Беларуси первой половины XX века // Искусство и культура. 2022. № 1 (45). С. 10–15.
- Шулунова 2018 – *Шулунова Е.К.* История современного китайского театра. М.: ИПЦ «МАСКА», 2018. 62 с.
- Шулунова 2020 – *Шулунова Е.К.* Китайский театр в новых условиях 2020 года // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2020. № 23. С. 69–73.
- Ян 2016 – *Ян Я.* Распространение и влияние русской литературы в Китае (1900–1960 гг.) // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 30-5. С. 49–53.
- Barme 1999 – *Barme G.R.* In the Red: On Contemporary Chinese Culture. New York: Columbia University Press, 1999. 450 p.
- Geng, Qi, Jian 2024 – *Geng B., Qi Zh., Jian Y.* Comparative Analysis of Red Tourism Consumer Market // Proceedings of the 2023 5th International Conference on Economic Management and Cultural Industry (ICEMCI 2023). Advances in Economics, Business and Management Research, 2024. P. 1–8.
- Howard 1978 – *Howard R.* Contemporary Chinese Theatre. London: Routledge, 1978. 210 p.
- Li, Hu 2008 – *Li Y., Hu Z.* Red Tourism in China // Journal of China Tourism Research. 2008. No. 4. P. 156–171.
- Lin 2023 – *Lin C.* Red Tourism in China: Commodification of Propaganda. Abingdon: Routledge, 2023. 180 p.
- Roberts, Li 2017 – The Making and Remaking of China’s “Red Classics”: Politics, Aesthetics, and Mass Culture / Ed. by R. Roberts, L. Li. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2017. 300 p.
- Shu 2022 – *Shu D.* The Relevance of “Red Culture” in Contemporary China // Open Journal of Social Sciences. 2022. No. 10. P. 431–441.
- Vanderstaay 2022 – *Vanderstaay L.* Remaking Red Classics in Post-Mao China: TV Drama as Popular Media // Global Media and China. 2022. No. 7. 15 p.
- Wang, Wu, Peng 2009 – *Wang B., Wu C., Peng H.* Strategies for Developing ‘Red Tourism’: A Unique Tourism Activity in China // International Business Research. 2009. Vol. 1. No. 4. P. 14–18.
- Ward 2011 – *Ward B.E.* Review: The Chinese Theatre in Modern Times: From 1840 to the Present Day by Colin P. Mackerras // Chinese History and Society. London: Thames and Hudson, 1977. 258 p.
- Zhu 2001 – *Zhu J.* Shì lùn zhōngguó xīn shíqí wénxué zhōng de èluósī qíngjié. On the Complex of Russia in New Chinese Literature: Master’s Thesis in Philology. Suzhou, 2001. 120 p.

Information about the authors

Maria S. Kruglova, Cand. of Sci. (History), State Academic University for the Humanities; Moscow, Russia; bld. 26, Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049; mashakruglova999@gmail.com

Maria A. Bondarenko, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia; bld. 6-6 Miusskaya square, Moscow, Russia, 125047; bondarenkomasha2002@gmail.com

Информация об авторах

Мария С. Круглова, кандидат исторических наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Россия, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26; mashakruglova999@gmail.com

Мария А. Бондаренко, Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва, Россия; 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; bondarenkomasha2002@gmail.com

Джованни Джолитти и его роль в Итало-турецкой войне 1911–1912 гг.

Михаил А. Громов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, mikhail_gromov_2000@mail.ru*

Аннотация. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. представляет собой ключевой момент в итальянской истории начала XX в. Эта война ознаменовала переход от либерально-реформистской внутренней политики к эпохе итальянского национализма, империализма и колониализма. В центре этого процесса лежит фигура Джованни Джолитти, председателя Совета министров Италии (1892–1893; 1903–1909; 1911–1914) и главного архитектора итальянской политики того времени. Фигура Джолитти долгое время была предметом историографических дебатов: некоторые изображают его искусным политиком, способным поддерживать хрупкий баланс между различными политическими силами; другие обвиняют в оппортунизме и цинизме, особенно в контексте итало-турецкой войны. Если, с одной стороны, Джолитти пытался представить военное вмешательство как необходимость, продиктованную защитой экономических и стратегических интересов Италии, с другой стороны, был очевиден политический расчет, направленный на удовлетворение требований националистического сектора, а также на укрепление внутренней сплоченности правительства. Эта работа направлена на анализ роли Джованни Джолитти в итало-турецкой войне 1911–1912 гг. и его влияния на итальянскую политику начала XX в. в целом. Статья не ограничивается событиями в Ливии, но также дает краткую характеристику политической карьеры Джованни Джолитти. Широко исследуются политические привычки Джолитти и мотивы, побудившие его вступить в войну против Османской империи. Также рассматриваются различные историографические интерпретации, чтобы понять, принимал ли Джолитти решение об интервенции самостоятельно и осознанно, в надежде исправить трудное геополитическое положение Италии, или поддался давлению общественного мнения, пронизанного империалистическими побуждениями.

Ключевые слова: Джованни Джолитти, Итало-турецкая война, Италия, Османская империя, итальянский национализм, европейский колониализм, империализм

Для цитирования: Громов М.А. Джованни Джолитти и его роль в Итало-турецкой войне 1911–1912 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 109–127. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-109-127

Giovanni Giolitti and his role in the Italo-Turkish War of 1911–1912

Mikhail A. Gromov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, mikhail_gromov_2000@mail.ru*

Abstract. The Italo-Turkish War of 1911–1912 represents a key moment in Italian history at the beginning of the twentieth century. The war marked the transition from liberal reformist domestic politics to the era of Italian nationalism, imperialism and colonialism. At the center of that process is the figure of Giovanni Giolitti, Chairman of the Council of Ministers of Italy (1892–1893; 1903–1909; 1911–1914) and the main architect of Italian politics at that time. Giolitti's figure has long been the subject of historiographical debate: some portray him as a skilled politician capable of maintaining a delicate balance between various political forces; others accuse him of opportunism and cynicism, especially in the context of the Italo-Turkish war. If, on the one hand, Giolitti tried to present military intervention as a necessity dictated by the protection of Italy's economic and strategic interests, on the other hand, there was an obvious political calculation aimed at meeting the demands of the nationalist sector, as well as strengthening the internal cohesion of the government. The work is aimed at analyzing the role of Giovanni Giolitti in the Italo-Turkish war of 1911–1912 and his influence on Italian politics of the early twentieth century in general. The article is not limited to the events in Libya, but also provides a brief description of the political career of Giovanni Giolitti. It widely studies Giolitti's political habits and motives for joining the war against the Ottoman Empire. Various historiographical interpretations are also considered in order to understand whether Giolitti made the decision on intervention independently and consciously, hoping to correct Italy's difficult geopolitical situation, or succumbed to the pressure of public opinion permeated with imperialist motives.

Keywords: Giovanni Giolitti, Italo-Turkish war, Italy, Ottoman Empire, Italian nationalism, European colonialism, imperialism

For citation: Gromov, M.A. (2025), "Giovanni Giolitti and his role in the Italo-Turkish War of 1911–1912", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 5, pp. 109–127, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-109-127

Проблемы развития Италии на стыке XIX и XX вв.

Итальянское государство образовалось в 1861 г. в результате Рисорджименто. Под термином Рисорджименто подразумевается сложнейший культурный, политический и военный процесс, начавшийся с концом наполеоновской эпохи и закончившейся итальянским объединением Апеннинского полуострова под властью Савойской династии. Однако окончательно Италия сформировалась лишь в 1870 г. после захвата Папского государства и переноса столицы сначала из Турина во Флоренцию, а затем из Флоренции в Рим. Многовековая мечта итальянских националистов сбылась, а перенос столицы в Рим подчеркивал особый исторический статус Италии.

Впрочем, процесс Рисорджименто имел не только политический и культурный характер, но и экономический. Все видные деятели объединения Италии – от Камилло Кавура до Марко Мингетти – отстаивали капиталистическо-либеральный вектор развития страны, считая, что это «единственно возможный мотор для получения богатств и улучшения благосостояния широких слоев населения» [Cicozzi 2013, с. 14.]. Однако Италии потребовались целые десятилетия, чтобы твердо встать на этот путь. Процесс индустриализации был запущен в конце XIX в. Турин, Милан и Генуя образовали «индустриальный треугольник» Италии уже в 90-х гг. столетия, положив начало перехода от аграрной экономики к индустриальной.

Главным политиком уходящего столетия был Франческо Криспи. Относящий себя к левым, Криспи, с одной стороны, провел ряд социальных реформ, позволявших расширять гражданские права и в то же время построил так называемое «сильное государство Криспи». С другой стороны, Криспи развязал таможенную войну против Франции, долгое время являвшейся главным торговым партнером Италии. Эта авантюра Криспи дорого обошлась прежде всего южным предпринимателям, которые были наиболее зависимы от экспорта во Францию [Belotti 2020, с. 424].

Помимо этого, Криспи сделал ставку на агрессивную внешнюю политику, поддавшись настроениям итальянских националистов. Италия значительно повысила расходы на нужды армии и вторглась

в Эфиопию, развязав жестокую колониальную войну. 1 марта 1896 г. армия генерала Баратъери потерпела унизительное поражение при Адуе, а уже осенью того же года Италия была вынуждена признать суверенитет Эфиопии¹. На тот момент Криспи окончательно потерял доверие населения, к тому же вокруг него разгорались коррупционные скандалы, самым громким из которых стало «хищение средств из Банка Рима для личных нужд Криспи» в 1892 г. [Caracciolo 2017, с. 321]. В 1896 г. широкое общественное движение против правительства Криспи вынудило его уйти в отставку. Оппозиционная пресса того времени назвала политику Криспи «авторитарной, милитаристской и с характерной манией величия»².

При этом запущенная в самой Италии масштабная индустриализация породила ряд серьезных проблем для молодого государства. Быстрые темпы роста населения, по-прежнему низкие по европейским меркам зарплаты и стабильно растущий разрыв в уровне жизни между северной частью Италии и южной – все эти факторы стали вызовом для неустойчивого парламентского правительства Италии.

В то же время в Италии сформировалось и развивалось рабочее движение, ставшее основой оппозиции. Появлялись профсоюзы, кооперативы, новые политические партии. Параллельно распространялись и идеи анархистов, которые стали миной замедленного действия в итальянском обществе.

Юг Италии оставался в значительной степени отсталой частью страны: экономика южных регионов пострадала от тарифной войны, не успевала за севером и оставалась преимущественно аграрной, население резко увеличивалось, но отличалось высоким уровнем неграмотности. Это привело к существенному дисбалансу между севером и югом Италии, что стало главной проблемой для итальянского правительства. Отставание юга сопровождалось одной из самых массовых миграционных волн в истории Италии: миллионы людей мигрировали в другие страны Европы и в Америку в поисках лучшей жизни, лишая страну молодой рабочей силы.

¹ *Bisciach G.* 1° marzo 1896 – Battaglia di Adua // Archivio della Presidenza della Repubblica Italiana. 29.02.2008. URL: <https://archivio.quirinale.it/aspr/gianni-bisiach/AV-002-000186/1-marzo-1896-battaglia-adia> (дата обращения 1 мая 2025).

² *Ferrario E.* I moti popolari di Milano del 1898 – 3. Cannonate e sangue // Sogni e pensieri di uno scrittore. 09.05.2020. URL: <https://edoardoferrario.wordpress.com/2020/05/09/i-moti-popolari-di-milano-del-1898-3-cannonate-e-sangue/> (дата обращения 2 мая 2025).

Таким образом, 90-е гг. XIX в. вошли в итальянскую историографию под оборотом «кризисный конец столетия». На замену Криспи пришел правый консерватор Антонио ди Рудини, который столкнулся с вызовами глубокого экономического кризиса. После провала итальянских колониальных интервенций и тарифных войн в стране настал голод. 28 февраля 1898 г. туринская газета *La Stampa* писала, что «крестьяне питаются дикой травой, а хлеб стал недоступной роскошью»³.

Голод и рост цен на еду спровоцировал волны масштабных протестов по всей стране. Самый жестокий инцидент произошел 6 мая 1898 г. в Милане, когда генерал Бава Беккарис приказал солдатам открыть огонь из пушек по протестующим. Погибло 80 человек, более 2000 участников протеста были арестованы, включая его организатора – Филиппо Турати, лидера итальянской социалистической партии⁴.

Король Италии Умберто I поощрял подавление народных масс. После случившегося он лично вручил Баве Беккарису почетнейшую медаль Большого Креста Савойи. Оппозиция жестоко подавлялась, а свобода прессы была существенно ограничена. Италия утратила ценности отцов Рисорджименто.

29 июля 1900 г. анархист Гаэтано Бреши решил отомстить королю Умберто I за жестокое подавление восстаний, совершив на него покушение. Король погиб после четырех выстрелов в упор из пистолет⁵, а Новым монархом Италии стал Виктор Эммануил III. Король сразу понял, что Италии необходимо вернуть былое спокойствие и свободы, и доверил кабинет правительства Джузеппе Дзанарделли, представителю левых и автору актуального уголовного кодекса, упразднившего смертную казнь. Министром внутренних дел же стал Джованни Джолитти, сменивший на посту премьер-министра умершего Дзанарделли в 1903 г.

Таким образом, новому правительству во главе с Джованни Джолитти пришлось решать все накопившиеся проблемы отсталой, но бурно развивающейся Италии.

³ Dalle città italiane // *La Stampa*. 28.02.1898.

⁴ *Ghezzi C.* Maggio 1898: i cannoni di Bava Beccaris sui lavoratori // *Patria Indipendente*. 30.04.2023. URL: <https://www.patriaindipendente.it/servizi/maggio-1898-i-cannoni-di-bava-beccaris-sui-lavoratori/> (дата обращения 2 мая 2025).

⁵ I quattro colpi di Gaetano Bresci // *Focus Storia*. 29.07.2023. URL: <https://www.focus.it/cultura/storia/i-quattro-colpi-di-gaetano-bresci> (дата обращения 2 мая 2025).

Внутренняя политика Италии при Джованни Джолитти

Джованни Джолитти был одним из главных действующих лиц итальянской политики конца XIX и начала XX в. Он сходу зарекомендовал себя грамотным политиком своего времени, обладающим исключительным тактическим чутьем и глубоким знанием парламентских институтов и механизмов. В основе политического видения Джованни Джолитти лежала идея сильного, но в то же время гибкого либерального государства, правительством которого должно управлять страной посредством диалога с различными социальными силами и поиска консенсуса. Подход Джолитти можно считать прагматичным: всю свою политическую карьеру Джолитти пытался поддерживать баланс между требованиями разных политических сил, севером и югом, народными массами и городским классом.

В 1903 г. Джолитти сразу же пошел на сближение с рабочими, социалистами и даже левыми радикалами. Чтобы «помириться» с этим влиятельным блоком, Джолитти выпустил на свободу Филиппо Турати и предложил ему войти в правительство⁶. Турати оценил этот жест и выразил поддержку либеральному правительству, нацеленному на проведение реформ, но отказался быть его частью из-за растущих радикальных настроений внутри своей партии.

Джолитти был убежден в необходимости проведения ряда политических и социальных реформ, чтобы остановить рост революционных настроений в рабочей среде. Еще в 1901 г., когда в Генуе состоялись масштабные забастовки, Джолитти в своем выступлении перед парламентом впервые призвал правительство к сближению с рабочим движением. Джолитти считал, что государству необходимо сменить тактику и признать право рабочих на собрания, слушать цели социальных протестов, а не подавлять их – при условии, что протестующие соблюдают общественный порядок и не превращают митинги в бойню [Vidotto 2011, с. 27].

Со временем Джованни Джолитти удалось преодолеть реакционные и консервативные настроения парламента, тем самым начав период, вошедший в итальянскую историографию под названием «либеральный прорыв». Этот либеральный прорыв Джолитти характеризуется попыткой наладить связи между монархическими традициями и современным правовым государством. Для этого Джолитти считал необходимым начать прогрессивный процесс

⁶ Tortora F. Giovanni Giolitti e Filippo Turati, 1903 // Corriere della Sera. 27.08.2019. URL: <https://www.corriere.it/cronache/cards/dal-connubio-contratto-governo-gialloverde-quando-nemici-storici-diventano-alleati/giovanni-giolitti-filippo-turati-1903.shtml> (дата обращения 4 мая 2025).

демократизации политических институтов и повысить уровень политического образования среди широких слоев населения. Ведь – как считал Джолитти – чтобы рабочий класс понимал, как жить в государстве, он должен понимать, как работает политика. А если рабочий класс имеет представление о политике, то со временем он должен начать принимать в ней участие – через участие в выборах.

В 1912 г. Джованни Джолитти провел реформу избирательной системы. Если раньше голосовать могли только мужчины старше 30 лет, отслужившие в армии и платившие определенный вид налога, то теперь право голоса получили все мужчины старше 30 года, а также отслужившие или образованные мужчины старше 21 года. Таким образом, количество избирателей выросло с 3,3 млн до 8,4 млн человек, что составляло 23,2% населения Италии⁷.

Демократическая эволюция итальянской политики совпала с новым этапом бурного экономического роста. Италия сильно отставала от развитых европейских стран, уже прошедших период индустриализации. Однако именно в эпоху Джованни Джолитти страна переживала пик процесса индустриализации. Развитие итальянской промышленности стало возможным из-за доступности капитала, увеличения численности рабочих рук и использования новых технологий производства⁸.

При Джолитти роль государства в управлении экономическими процессами стала центральной. Джолитти считал, что правительство должно следить за балансом в обществе и поддерживать экономический рост страны через протекционистские инструменты. Протекционизм был свойственен еще кабинету Криспи, но именно при Джолитти национальная промышленность вышла на пик своего развития. Следует подчеркнуть, что данная стратегия сложилась не как результат последовательного теоретического осмысления, а как прагматический отклик на вызовы, с которыми сталкивалась Италия в тот период.

В Италии начали появляться крупные промышленные группы: FIAT, Alfa Romeo, Cirio итд. В результате экономический рост страны в период с 1896 по 1908 составлял 6,7% ежегодно – это лучший показатель в Европе. Доходы населения выросли примерно на 30% [Forte 2003, с. 13.]. Помимо этого, города Италии стремительно

⁷ Il suffraggio universal // Camera dei deputati – Legislature italiane. 30.06.1912. URL: https://legislature.camera.it/cost_reg_funz/667/1157/1153/documentotesto.asp (дата обращения 8 мая 2025).

⁸ L'età giolittiana // Zanichelli Editore. URL: https://static.zanichelli.it/catalogo/assets/97888808537928_04_CAP.pdf (дата обращения 8 мая 2025).

отстраивались – строительная индустрия переживала золотые времена, а широкие слои населения переехали в города, получив доступ к электричеству, воде и газу.

И все-таки сократить отставание от больших индустриальных стран того времени получилось лишь частично. Италия оставалась преимущественно аграрной страной: в период с 1901 по 1910 сельское хозяйство оставалось ключевым сектором итальянской экономики (46,6% продукции), в то время как промышленность давала 23% [Federico 2003, p. 362]. В 1907 г. экономический рост начал замедляться, и Италия столкнулась с новым кризисом.

Основная проблема вновь заключалась в южных регионах. Джованни Джолитти попытался исправить ситуацию, предложив ряд «законов для юга»: фактически правительство выделяло щедрые государственные дотации для реализации инфраструктурных проектов в конкретных регионах. Первыми регионами, получившими материальную помощь от правительства, стали Кампания и Базиликата – в 1904 [De Rosa 2002, p. 425]. Спустя два года Джолитти выделил средства на развитие Калабрии, еще спустя 3 – на развитие Сардинии. Однако дотации не поспособствовали развитию юга.

Тогда Джолитти столкнулся с широкой критикой. В политическом и интеллектуальном поле разгорелся «спор о юге»: южане считали, что некогда процветавшие регионы полуострова были разорены в результате неэффективного управления и аннексии севером; северяне считали, что кормят «отсталый» юг. Джолитти же полагал, что фундаментальные причины отставания Юга заключаются не в сфере политики, а в исходно низком уровне экономического развития, включая аграрный сектор [Мельник 2024, с. 135].

Однако его «законы для юга», на первый взгляд парадоксально, усугубили бедность южных регионов. На деле же неравенство продолжало нарастать из-за клиентелизма и коррупции. «Схема Джолитти» и провал его южных инвестиций вскрылись в 1910 г., когда итальянский историк Гаэтано Сальвемини написал книгу «Министр преступного мира» [Salvemini 1972]. В ней Сальвемини обвинял Джолитти в подкупе южных избирателей посредством дотаций: правительство отправляло деньги, южные предприниматели осваивали их, а взамен оказывали полную политическую поддержку курсу Джованни Джолитти. Однако Джолитти все-таки удалось сохранить рычаги власти.

Таким образом, в основе «системы Джолитти» лежала интеграция политических деятелей из разных слоев общества с целью нейтрализации оппозиции и поддержания гибкого, но «выгодного» большинства. Джолитти умел выступать посредником между умеренными либералами, социалистами и католиками, в том числе

благодаря использованию южных кланов и контролю над избирателями. В социальной сфере Джолитти стремился уравновесить интересы северных промышленников, аграрных элит юга и возникающих новых народных классов. «Система Джолитти» также имела заслугу в обеспечении экономического роста.

Однако внутренний консенсус в долгосрочной перспективе оказался хрупким. Джолитти, так умело поймавший волну новой эпохи в начале своего срока, уже в начале 10-х гг. XX в. начал отставать от хода времени. Система сдержек и противовесов, выстраивавшаяся десятилетие, де-факто разбилась о ливийскую военную авантюру. Кампанию, которую Джолитти не планировал, но которая стала естественной необходимостью ради сохранения власти и консенсуса в парламенте и обществе.

Роль Джолитти в итало-турецкой войне

Итало-турецкая война 1911–1912 гг. представляет собой поворотный момент на политическом пути Джованни Джолитти. Изначально Джолитти предпочитал сконцентрироваться на внутренней политике, для него было характерно второстепенное отношение к внешнеполитическим делам государства. Однако военная кампания итальянской армии в Киренаике и Триполитании была начата именно после соответствующего решения короля Италии Виктора Эммануила III и Джованни Джолитти. Но были ли у Джолитти колониальные амбиции, или же он попал в политическую ловушку и поддался на все более громкие требования националистов?

Крайне важно подчеркнуть, что, когда Италия стала возникла как государство в 1861 г., ведущие европейские державы уже обладали многочисленными колониями. Это привело итальянских националистов к суждению, что Италии было необходимо начать свою колониальную политику, чтобы сократить отставание от великих держав. Еще в 30-х гг. XIX в., до объединения страны, один из идеологов итальянского национализма Джузеппе Мадзини утверждал, что после объединения Италии необходимо сконцентрироваться на

...экспансии ради распространения итальянского влияния в Суэце, Александрии, а также колонизации тунисских и ливийских земель... Марокко должен принадлежать Испании, Алжир – Франции... А Тунис и Ливия – ключ к Средиземноморью, они должны быть связаны с Сардинией и Сицилией, то есть – Италией⁹.

⁹ *Mazzini G. Scritti editi e inediti. Vol. XVI, Milano: Daelli, 1887. P. 87.*

Впрочем, в 1881 г. Франция опередила Италию и колонизировала Тунис. Это вызвало возмущение у премьер-министра Италии Франческо Криспи, назвавшего Тунис «итальянской колонией, оккупированной Францией» [Fauri 2014, p. 12]. И все же итальянцам пришлось «уступить» Тунис, а Франция, в свою очередь, в 1900 г. заключила с Италией секретный договор об «итальянском проникновении» в Ливию [Cargin 1922, p. 22].

Вообще, стратегия заключения соглашений с великими державами стала ключевой для итальянского правительства. В 1887 г. соглашение о признании колониальных прав Италии подписала Германия, чуть позднее к ней присоединились Англия, Франция, Австро-Венгрия и Российская империя [Tommasini 1934, p. 37]. Итальянское правительство намеревалось таким образом получить признание права Италии на включение Ливии в сферу своего влияния. Для достижения этой цели итальянская дипломатия прикладывала колоссальные усилия на протяжении десятилетий.

Заполучив желаемое, Италия приступила к распространению своего влияния в Ливии. Министерство иностранных дел усвоило опыт и переняло модель других колониальных держав: в правительстве Италии укоренилось мнение, что сначала необходимо продемонстрировать экономические возможности и перспективы, а уже затем устанавливать политический контроль. Таким образом, Италия начала проникать в Триполитанию, изначально используя сугубо экономические инструменты: итальянцы открывали школы, банки, больницы и типографии, а также развивали экономические контакты с местными элитами. Важную роль в этой экспансии сыграл *Banco di Roma* (Банк Рима), общий объем инвестиций которого достиг 5 миллионов долларов к 1911 г. [Mori 1957, p. 107].

Таким образом, итальянский капитал глубоко проник в беднейший регион Османской империи, и Стамбул воспринимал действия Италии как объявление экономической войны. Итальянская пресса, в свою очередь, начала намекать на необходимость военной защиты итальянских интересов в Ливии. В доказательство ценности региона газета *la Ragione* и вовсе опубликовала поддельные старые письма премьер-министра Франческо Криспи, в которых утверждалось, что в Ливии много ресурсов, благодаря которым Италия сумеет окупить военную кампанию [Baldinetti 2010, c. 35].

Однако в 1910 г. сложилась ситуация, в которой итальянская дипломатия небезосновательно опасалась выхода ливийских территорий из сферы влияния Италии. Это было не только результатом османского сопротивления экономической экспансии Италии, но и желанием других стран присоединиться к разделу африканских земель Османской империи, несмотря на уже подписанные

дипломатические договоры с Италией [Gentile 2006, p. 19.]. К тому же стало очевидно, что экономическое проникновение *Banco di Roma* было недостаточным для установления экономического контроля над ливийскими землями: 5 миллионов долларов – «скромная» сумма даже по тем временам, другие державы могли инвестировать гораздо больше.

В этой связи сложилась опасная ситуация, которая не просто угрожала практически тридцатилетним усилиям Италии по проникновению в Триполитанию и Киренаику, но и могла стать повторением тунисского фиаско 1881 г., о котором уже было сказано выше. В целом еще один подобный провал – в Ливии – мог бы означать не только конец планов Италии на становление великой державой, но и с существенной долей вероятности привел бы к обвалу рейтингов политического класса и даже кризису «либеральной» монархии.

Итальянское правительство понимало, что ситуация близится к катастрофе. Тогда министр иностранных дел Антонино ди Сан-Джулиано, согласовав свои действия с Джолитти, связался с политическим руководством Османской империи и потребовал признания перехода Ливии в сферу итальянского влияния. 2 декабря 1910 г. он заявил:

Турки до сих пор не поняли очевидную вещь: Италия не хочет захватывать Триполитанию и признает османскую власть. Но тот регион, расположенный между Египтом и Тунисом, совершает грандиозные шаги вперед в плане экономического развития благодаря нашим усилиям. Мы уверены, что развитие Триполи должно продолжаться именно под нашим влиянием, а не влиянием какой-либо другой европейской страны¹⁰.

Младотурки понимали, что эта речь Сан-Джулиано – завуалированная попытка колонизировать османские территории. Однако на стороне Османской империи были Германия и Австро-Венгрия, и младотурки знали, что это их главный козырь. Османская империя отказалась идти навстречу Сан-Джулиано.

В то же время в Марокко разгорался очередной кризис: Германия и Франция были на пороге военного столкновения. Эскалация, пересечение интересов и нежелание начинать войну из-за Марокко подтолкнули две великие державы к переговорам. Италия допускала, что их результатом может стать новый передел зон влияния,

¹⁰ Atti Parlamentari, Camera dei Deputati. XXIII Legislatura. I sessione, 02.12.1910. Vol. IX. P. 10175.

и тогда международный баланс вновь изменится, а Ливия перейдет в орбиту немецкого влияния. Сан-Джулиано предупреждал об этом Джованни Джолитти и отправил ему длинное письмо, в котором подчеркивал:

Сегодня Франция выполняет соглашение 1902 г., поскольку еще не завершила подчинение Марокко. Но ее интерес в соблюдении договора исчезнет, как только с Марокко будет покончено. Тогда Франция забудет свою часть франко-итальянских договоренностей: останутся лишь обязательства Италии¹¹.

Ряд авторитетных источников и исследователей утверждают, что Джованни Джолитти относился к колониальной авантюре в Ливии крайне скептически. Однако все перечисленные выше факторы – риск потери инвестиций *Banco di Roma* и вероятность международного «предательства» интересов Италии – убедили его одобрить вторжение в Ливию [Rogari 2017].

И хотя геополитический фон того времени сыграл важную роль в принятии решения о вторжении, Джолитти также думал о внутривосточной обстановке. Как уже неоднократно упоминалось в работе, Джолитти делал все, чтобы сохранять баланс в правительстве и соответствовать ожиданиям электората. При этом программа Джолитти 1911 г. была, пожалуй, самой «левой» с момента объединения Италии: речь идет не только о всеобщем избирательном праве для мужчин, но и о появившейся возможности для менее привилегированных граждан осуществлять парламентскую деятельность, о создании фонда пенсий и многих других левых инициативах.

В итоге социалисты не прошли в правительство, но Джолитти удалось создать прочное левое крыло в Италии [Ungari 2018, с. 157.]. Однако Джолитти не был готов разрывать с представителями правых идей, он вновь искал баланс, чтобы не утратить политическую поддержку. И Ливия стала возможностью доказать, что Джолитти понимает правых.

Мнение Джованни Джолитти о Ливии подробно изложено в его «Мемуарах» – книге, в которой Джолитти объяснял свои политические решения [Giolitti 1922]. Джолитти признался, что с самого начала своего четвертого срока был намерен решить ливийский

¹¹ Конфиденциальное письмо Сан-Джулиано королю Виктору Эммануилу III и Джолитти, 28 июля 1911. Цит. по: Mola A., Ricci A. Giovanni Giolitti. Al governo, al parlamento, nel carteggio. Roma: Bastogi Editrice Italiana, 2010. P. 205.

вопрос и предпринять шаг в сторону консерваторов и националистов, чтобы вернуть баланс после прогрессивных реформ. В конце концов, отказ принимать настроения националистов мог бы стать политически фатальным для Джолитти. Потому что в 1911 г. патриотические и националистические настроения в обществе достигли пика.

Италия праздновала 50 лет с момента объединения. Джолитти считал, что лучшим подарком для страны будет мирное сосуществование левых и правых. Однако большинство населения страны было убеждено, что отпраздновать юбилей можно только победоносной колониальной войной, которая ознаменовала бы становление великой Италии.

3 декабря 1910 г. в Италии была основана *associazione nazionalista italiana* – итальянская националистическая ассоциация. Эта организация мечтала построить сильную, великую Италию и, конечно, развернула агрессивную медийную компанию, чтобы подтолкнуть правительство к вторжению в Ливию [Fonzo 2017, с. 92]. Этот нарратив позволил ассоциации выйти на итальянскую политическую сцену и объединить интеллектуалов разных политических ориентаций, желавших сформировать империалистическое сознание в Италии.

Один из основателей националистической ассоциации Энрико Коррадини считал, что итало-турецкая война – абсолютная необходимость. Националист съездил в Триполитанию летом 1911 г. и написал книгу *«L'ora di Tripoli»* («Время Триполи пришло!»), ставшую сборником из его националистических лекций [Corradini 1911].

Коррадини считал, что Италия должна расширять территории. Завоевание Ливии сравнивалось с «завоеванием места под солнцем» и важным шагом в конкуренции с великими державами. Более того, Коррадини видел в колонизации решение социальных проблем юга: он считал, что эмигранты начнут уезжать в итальянскую Триполитанию, а не в США. Конечно, Коррадини видел и огромный экономический потенциал в регионе, считая, что колониальная эксплуатация Ливии могла бы принести существенные выгоды. Наконец, лидер националистов критиковал пассивный подход короля и Джованни Джолитти, обвиняя их в отсутствии амбиций и решимости защищать по-настоящему важные национальные интересы.

Труды Коррадини набирали популярность в обществе. Люди ходили на его лекции, читали книги и впитывали империалистическую идеологию. К усилиям Коррадини подключилась большая часть итальянской прессы и националистически настроенной интеллигенции, которым удалось раскрутить маховик пропаганды.

В марте 1911 г. вышел журнал с говорящим названием «*L'Idée Nazionale*» («Национальная идея»), редакция которого полностью подхватывала идеи Коррадини и националистической ассоциации, при этом не являясь частью медийной системы организации¹².

Габриэле Д'Аннунцио и Джованни Пасколи – два главных итальянских литератора того времени – также внесли значительный вклад в продвижение империалистической повестки в Италии [Parlato 2013, с. 59]. Как сообщает ряд литературных обозревателей, Д'Аннунцио и Пасколи видели в войне «обряд посвящения, источник энергии, способный искупить позор Адуы ценой «жертвоприношения» [Ungari 2018, с. 159.]. Естественно, интеллектуалы считали, что вторжение в Ливию станет новой славной вехой в итальянской истории и что Италия должна стремиться к достоинству наследия Римской империи. К слову, Римская империя, по мнению Д'Аннунцио, давала итальянскому народу право на ведущую роль в международной политике.

Неудивительно, что итальянская националистическая ассоциация Коррадини впоследствии сольется с фашистской партией, а Д'Аннунцио будет одним из любимых авторов Бенито Муссолини. Это произойдет в 1923 г., но уже к осени 1911 г. средне-статистический итальянец был убежден в необходимости «освобождения» Ливии. К тому же пресса утверждала о желании арабов освободиться от османского владычества – следовательно, местное население должно было положительно отреагировать на приход итальянской армии.

Джованни Джолитти и королю Италии Виктору Эммануилу III не оставалось ничего, кроме как начать «цивилизационную миссию».

В ночь с 26 на 27 сентября 1911 правительство выдвинуло Османской империи ультиматум:

Триполитания и Киренаика, оставленные Высокой Портой в состоянии беспорядка и разрухи, имеют право на развитие в общих темпах цивилизации и представляют для Италии жизненно важный интерес, учитывая близость этих регионов к итальянским берегам. <...> Всякая инициатива итальянцев в этих регионах неизменно встречала самую упорную и необоснованную систематическую оппозицию Высокой Порты. <...> Сведения, полученные Королевским правительством от консулов в Триполитании и Киренаике, описывают ситуацию в этих регионах как крайне опасную из-за антиитальянской агитации, которая явно подстрекается османскими властями. <...> Оказавшись

¹² *Davanzati F.R.* Il Dovero di Ricordare // *L'Idée Nazionale*, 1 marzo 1911. P. 1.

перед необходимостью защитить свою честь и интересы, итальянское правительство приняло решение приступить к военной оккупации Триполитании и Киренаики. <...> Королевскому посольству в Константинополе поручено потребовать от османского правительства положительный ответ на этот ультиматум в течение 24 часов с момента представления Высокой Порте настоящего документа. В противном случае итальянское правительство будет вынуждено немедленно приступить к реализации мер, направленных на обеспечение оккупации¹³.

Высокая Порта была встревожена ультиматумом и отрицала ущемление итальянских интересов, предложив альтернативные пути решения кризиса¹⁴. Однако Италия уже приняла решение о начале войны независимо от ответа Стамбула: еще 17 сентября, за две недели до ультиматума, премьер-министр Джованни Джолитти сообщил Королю Виктору Эммануилу III, что «война – вопрос дней»¹⁵.

29 сентября Италия объявила войну Османской империи.

Заключение

Итало-турецкая война 1911–1912 гг. стала важным рубежом в истории итальянской внешней политики и в политической биографии Джованни Джолитти. Его роль в ливийской кампании свидетельствует о сложности и противоречивости самого феномена либерального управления в условиях стремительно меняющегося итальянского общества начала XX в. Несмотря на репутацию прагматичного реформатора, опирающегося на политику внутреннего компромисса и поэтапной модернизации, Джолитти оказался вовлечен в логику внешнеполитической экспансии, навязанную как международными обстоятельствами, так и внутренним идеологическим давлением со стороны националистов.

¹³ DOC – ultimatum del Governo italiano alla Turchia // Biblioteca Mai. URL: http://legacy.bibliotecamai.org/news/iniziativa/italia_colonie_africane/DOCulttur.html (дата обращения 24 марта 2025).

¹⁴ Reazione al «giolittismo» – i giovani liberali e i nazionalisti, la campagna nazionalista per la conquista della Libia // Storiologia. URL: <https://www.storiologia.it/apricrono/storia/a1911d.htm> (дата обращения 28 марта 2025).

¹⁵ La guerra di Libia // RAI Cultura. Storia. URL: <https://www.raicultura.it/storia/articoli/2021/10/La-guerra-di-Libia-9fc670ae-9381-4daf-a01e-46841c476990.html> (дата обращения 28 марта 2025).

Хотя сам Джолитти подчеркивал свое скептическое отношение к колониальным авантюрам и предпочитал избегать агрессивных внешнеполитических решений, его согласие на начало кампании в Ливии было обусловлено сразу несколькими факторами: страхом утраты уже сложившегося экономического влияния в регионе, стремлением не допустить дипломатического унижения Италии, а также необходимостью удерживать политическое равновесие между левыми и правыми в условиях быстро нарастающих националистических ожиданий. Таким образом, участие Италии в войне с Османской империей стало, по сути, продуктом политической природы Джолитти, стремившегося сохранить единство правящего блока и избежать потери доверия со стороны ключевых элит.

Итало-турецкая война открыла новую страницу в истории войн: впервые в боевых действиях применялись авиация, бронетанковые автомобили, средства радиосвязи и разведывательные технологии, предвосхитившие реалии Первой мировой войны. Более того, Ливийская кампания сопровождалась беспрецедентной пропагандистской мобилизацией масс, в которой ключевую роль сыграли как СМИ, так и представители интеллектуальной элиты – писатели, поэты, публицисты. Все это подтверждает, что война в Ливии стала не только военной, но и культурно-идеологической вехой для Италии.

При этом сама логика «системы Джолитти», построенной на балансе интересов и институциональной гибкости, оказалась неспособной противостоять нарастающей политической поляризации. Как показал опыт 1911 г., компромиссная модель либерализма начала терять устойчивость под давлением радикализирующихся идеологий. Попытка интегрировать националистов в управленческую логику «умеренного государства» завершилась фактическим признанием их гегемонии в вопросах внешнеполитической повестки. Джолитти, который в 1903 г. успешно приспособил политику к современным реалиям, внезапно обнаружил, что спустя 8 лет сам начал отставать от перемен. Ведь способности объединять элиты компромиссами уже было недостаточно.

Таким образом, роль Джолитти в итало-турецкой войне ознаменовала окончание фазы левоцентризма и начало эпохи политических крайностей, которые в конечном счете привели к приходу фашизма. Ведь именно политика Джолитти совпала с нарастанием неприятия политики, основанной на компромиссах. Тщетное стремление Джолитти сохранить равновесие в бурной политической среде сделало его участником событий, которые в ретроспективе стали прологом к более масштабным конфликтам, потрясшим Европу в следующем десятилетии.

Литература

- Мельник 2024 – *Мельник Д.В.* Либералы и государство в Италии: либеральный реформизм Джованни Джолитти и его критики // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 4. С. 128–141.
- Baldinetti 2010 – *Baldinetti A.* The Origins of the Libyan Nation. Oxford: Routledge, 2010. 240 p.
- Bellotti 2020 – *Bellotti R.A.* Economia globale: Relazioni internazionali per l'articolazione RIM. 2ª ed. Bologna: Zanichelli, 2020. 560 p.
- Caprin 1922 – *Caprin G.* I Trattati segreti della Triplice Alleanza. Bologna: Zanichelli, 1922. 125 p.
- Caracciolo 2017 – *Caracciolo L., Rocucci A.* Storia contemporanea: Dal mondo europeo al mondo senza centro. Milano: Editori Laterza, 2017. 768 p.
- Ciccozzi et al. 2013 – *Ciccozzi E., Di Ruscio L., Gravina R.* L'Italia tra '800 e '900: Ipotesi di percorsi. Roma: Tipografia Pubbliprint service, 2013. 335 p.
- Corradini 1911 – *Corradini E.* L'ora di Tripoli. Milano: Treves, 1911. 241 p.
- De Rosa 2002 – *De Rosa L.* Le leggi speciali per Napolie la Basilicata (1904) e la Puglia. Storia Economica. Napoli: Edizione Scientifiche Italiane, 2002. P. 419–427.
- Fauri 2014 – *Fauri F.* Italians in Africa (1870s-1914), or How to Escape Poverty and Become a Landowner // The International History Review. 2014. № 37 (2). P. 324–341.
- Federico 2003 – *Federico G.* Le nuove stime della produzione agricola italiana, 1860–1910: primi risultati e implicazioni // Rivista di storia economica, 2003. Iss. 3. P. 359–381.
- Fonzo 2017 – *Fonzo E.* Storia dell'Associazione Nazionalista Italiana (1910–1923). Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 2017. 464 p.
- Forte 2003 – *Forte F.* Storia dello sviluppo economico e industriale italiano nel '900. Torino: Associazione del buongoverno della città di Torino, 2003. 367 p.
- Gentile 2006 – *Gentile E.* La Grande Italia. Il mito della nazione nel XX secolo. Roma-Bari: Laterza, 2006. 465 p.
- Giolitti 1922 – *Giolitti G.* Memorie della mia vita. Milano: F.lli Treves, 1922. 627 p.
- Mori 1957 – *Mori R.* La penetrazione pacifica italiana in Libia dal 1907 al 1911 e il Banco di Roma // Rivista Di Studi Politici Internazionali. 1957. № 24 (1). P. 102–118.
- Parlato 2013 – *Parlato G.* La guerra di Libia e il nazionalismo italiano // L'Italia e la guerra di Libia cent'anni dopo. Roma: Studium, 2013. P. 44–64.
- Rogari 2017 – *Rogari S.* L'Italia neutral // A cento anni dalla Grande Guerra: l'Italia divisa. Firenze: Firenze University Press, 2017. 72 p.
- Salvemini 1972 – *Salvemini G.* Il ministro della mala vita. Milano: Feltrinelli, 1972. 272 p (Оригинал работы опубликован в 1910 г.)
- Tommasini 1934 – *Tommasini F.* L'Italia alla vigilia della guerra. *La politica estera di Tommaso Tittoni.* Bologna: Zanichelli, 1934. 370 p.

- Ungari 2018 – *Ungari A. Why Did the Italians Go to Libya? // The First World War from Tripoli to Addis Ababa (1911–1924). Centre français des études éthiopiennes*, 2018.
- Vidotto 2011 – *Vidotto V. Atlante del Ventesimo secolo. I documenti essenziali. 1900–1918. Roma-Bari: Laterza*, 2011.

References

- Baldinetti, A. (2010), *The Origins of the Libyan Nation*, Routledge, Oxford, UK.
- Bellotti, R.A. (2020), *Economia globale: Relazioni internazionali per l'articolazione RIM*, 2^a ed., Zanichelli, Bologna, Italy.
- Caprin, G. (1922), *I Trattati segreti della Triplice Alleanza*, Bologna, Zanichelli, Italy.
- Caracciolo, L. and Rocucci, A. (2017), *Storia contemporanea: Dal mondo europeo al mondo senza centro*, Milano, Editori Laterza, Italy.
- Ciccozzi, E., Di Ruscio, L. and Gravina, R. (2013), *L'Italia tra '800 e '900: Ipotesi di percorsi*, Roma, Tipografia Pubbliprint service, Italy.
- Corradini, E. (1911), *L'ora di Tripoli*, Milano, Treves, Italy.
- De Rosa, L. (2002), *Le leggi speciali per Napolie la Basilicata (1904) e la Puglia. Storia Economica*, Edizione Scientifiche Italiane, Napoli, Italy.
- Fauri, F. (2014), “Italians in Africa (1870s–1914), or How to Escape Poverty and Become a Landowner”, *The International History Review*, no. 37(2), pp. 324–341.
- Federico, G. (2003), “Le nuove stime della produzione agricola italiana, 1860–1910: primi risultati e implicazioni”, *Rivista di storia economica*, iss. 3, pp. 359–382.
- Fonzo, E. (2017), *Storia dell'Associazione Nazionale Italiana (1910–1923)*, Edizioni scientifiche italiane, Napoli, Italy.
- Forte, F. (2003), *Storia dello sviluppo economico e industriale italiano nel '900*, Associazione del buongoverno della città di Torino, Torino, Italy.
- Gentile E. (2006), *La Grande Italia. Il mito della nazione nel XX secolo*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Giolitti G. (1922), *Memorie della mia vita*, Milano, F.lli Treves, Italy.
- Mel'nik, D.V. (2024), “Liberals and the State in Italy: Giovanni Giolitti's liberal reformism and its critics”, *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, no. 4, pp. 128–141.
- Mola A., Ricci A. (2010), *Giovanni Giolitti. Al governo, al parlamento, nel carteggio*, Roma, Bastogi Editrice Italiana, Italy.
- Mori R. (1957), “La penetrazione pacifica italiana in Libia dal 1907 al 1911 e il Banco di Roma”, *Rivista Di Studi Politici Internazionali*, iss. 24, pp.103–118.
- Parlato, G. (2013), “La guerra di Libia e il nazionalismo italiano”, *L'Italia e la guerra di Libia cent'anni dopo*, Studium, Roma, Italy, pp. 44–64.
- Rogari, S. (2017), *“L'Italia neutral”, A cento anni dalla Grande Guerra: l'Italia divisa*, Firenze University Press, Firenze, Italy.
- Salvemini, G. (1972), *Il ministro della mala vita*, Milano, Feltrinelli, Italy.

- Tommasini, F. (1934), *L'Italia alla vigilia della guerra. La politica estera di Tommaso Tittoni*, Zanichelli, Bologna, Italy.
- Ungari, A. (2018), "Why Did the Italians Go to Libya?", *The First World War from Tripoli to Addis Ababa (1911–1924)*, Centre français des études éthiopiennes, France, pp.
- Vidotto, V. (2011), *Atlante del Ventesimo secolo. I documenti essenziali. 1900–1918*, Laterza, Roma-Bari, Italy.

Информация об авторе

Михаил А. Громов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mikhail_gromov_2000@mail.ru

Information about the author

Mikhail A. Gromov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; mikhail_gromov_2000@mail.ru

Общество, политика, история и религия: развитие и взаимодействие

УДК 37:28(470.57)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-128-144

Исламское образование в Башкортостане: влияние образовательных традиций Ближнего Востока, джадидизм, современное состояние

Алиса Р. Шишкина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт Африки Российской академии наук
Москва, Россия, ashishkina@hse.ru*

Нина Л. Кулюлина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия, nkulyulina@hse.ru*

Аннотация. Статья представляет собой обзор исторического развития исламского образования в Башкортостане, его трансформаций на различных этапах и современного состояния с учетом регионального контекста, предполагающего непрерывную историю исламской традиции начиная с IX–X вв., а также роли стран Ближнего Востока. В статье рассматриваются ключевые этапы формирования системы исламского образования – от появления первых мектебов и медресе в Средние века до современных исламских колледжей и университетов; в фокусе внимания находится традиция религиозного образования как для мужчин, так и для женщин. Анализируются изменения, связанные с влиянием государственной политики Московского царства, Российской империи и СССР, включая реформы конца XIX – начала XX в., ограничения советского периода и возрождение исламского образования в постсоветское время. Подробно описывается противостояние старометодной и новометодной школ, выделена роль джадидизма как фактора модернизации образовательных программ и методик. На основе полевых материалов, собранных авторами в ходе экспедиций в Башкортостан, представлена характеристика современных исламских учебных заведений, включая медресе и высшие религиозные учреждения.

© Шишкина А.Р., Кулюлина Н.Л., 2025

Ключевые слова: исламское образование, Башкортостан, Ближний Восток, исламские университеты, джадидизм

Для цитирования: Шишкина А.Р., Кulyulina Н.Л. Исламское образование в Башкортостане: влияние образовательных традиций Ближнего Востока, джадидизм, современное состояние // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 128–144. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-128-144

Islamic education in Bashkortostan: influence of the Middle East, reformism, current state

Alisa R. Shishkina

*National Research University Higher School of Economics
Russian Academy of Sciences Institute for African Studies
Moscow, Russia, ashishkina@hse.ru*

Nina L. Kulyulina

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia, nkulyulina@hse.ru*

Abstract. This article offers a comprehensive analysis of the historical development and current state of Islamic education in Bashkortostan, a region marked by a continuous Islamic tradition dating back to the 9th–10th centuries. The study traces the evolution of educational institutions from early maktabas and madrasas to contemporary Islamic colleges and universities, emphasizing the inclusion of both male and female students. It examines the impact of state policy during different historical periods, including the era of the Tsardom of Moscow, the Russian Empire, the Soviet Union, and the post-Soviet revival of religious education. The confrontation between old-method and new-method schools is described in detail, the role of Jadidism as a factor in the modernization of educational programs and methods is highlighted. Based on field materials collected by the authors during expeditions to Bashkortostan, the characteristics of modern Islamic educational institutions, including madrasas and higher religious institutions, are presented.

Keywords: Islamic education, Bashkortostan, Middle East, Islamic universities, Jadidism

For citation: Shishkina, A.R. and Kulyulina N.L. (2025), “Islamic education in Bashkortostan: influence of the Middle East, reformism, current state”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series*, no. 5, pp. 128–144, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-128-144

Введение

Башкортостан, примыкающий к предгорьям Южного Урала, представляет собой республику с высокой долей мусульман суннитского толка в силу того, что значительную часть населения составляют тюркоязычные татары и башкиры. При этом исламское население Башкортостана нельзя назвать однородным: южно-татарскую часть населения нередко характеризуют как более общественно активную, а сибирско-татарскую и башкирскую – как имеющую более низкий уровень социокультурной мобильности. Кроме того, наблюдается довольно заметное различие между «городским» и «сельским» исламом [Фатхуллин 2024]. Все вместе это создает неоднородную картину башкирского ислама, сочетающего традиционные и умеренные черты вместе с активными реформаторскими движениями. Для того чтобы комплексно проследить процессы, способствовавшие становлению подобного статус-кво, обратимся к истории развития исламского образования на территории современного Башкортостана.

Становление системы исламского образования на территории Башкортостана

Ранние свидетельства присутствия исламской культуры на территории Волго-Уральского региона датируются IX и X вв. [Yunosova 2000; Ялбулганов 2021]. Предполагается, что в Поволжье ислам проник через Волжскую Булгарию. Официальной датой принятия ислама в этом государстве считается 922 год. На этом этапе появление ислама на территории Поволжья было обусловлено торговой и миссионерской деятельностью, а также установившимся культурным связям с Волжской Булгарией [Ахтямов 2012].

По мнению ряда историков, уже в этот период начал формироваться Поволжский центр мусульманского образования, просуществовавший вплоть до включения Казанского ханства в состав Московского царства [Гарипов, Халиков 2007; Николаев, Найденов 2015]. Важную роль в исламизации Золотой Орды сыграло также распространение суфизма [Di Purro, Schmoller 2020]; в дальнейшем суфизм занял значительное положение и в Волго-Уральском регионе в целом и в отдельных элементах образования в регионе – в частности [Algar 1992].

Об исламизации региона как сложившемся феномене мы можем говорить уже в XIV в., когда Волжская Булгария покорила кочевые племена Урала [Kuznetsova-Morenko et al. 2006]. С XV в.

с распадом Золотой Орды центром мусульманского образования в Поволжье становится Казанское ханство, которое активно способствовало исламизации народов Урала, осуществлявшейся также со стороны Сибирского и Среднеазиатских ханств [Ахтямов 2012]. В эту эпоху в Волго-Уральском регионе получает широкое распространение исламское образование с классической моделью обучения в мектебах и медресе, строящихся на территории региона при мечетях и усыпальницах святых; также в Казанском ханстве получила развитие практика дальнейшего обучения в крупнейших исламских центрах Средней Азии (Бухара, Самарканд) и Ближнего Востока [Николаев, Найденов 2015].

Падение Казанского ханства в 1552 г., а также политика активной христианизации неправославного населения в Московском царстве привели к переходу мусульманского общества Поволжья в режим изоляционизма для сохранения собственной религиозно-национальной идентичности [Фатхуллин 2024]. Добровольная готовность башкирского народа присоединиться к России в XVI в. предопределила сохранение исламских традиций в регионе.

Принимая во внимание, что мусульмане Южного Урала следовали суннито-ханафитскому толку ислама, который поощряет распространение образования среди женщин, татары и башкиры этого региона лояльно относились к женскому образованию, причем как к домашнему образованию девочек, так и к совместному обучению до подросткового возраста [Аминов, Бенин 2006].

С середины XVIII в. статус ислама и положение мусульман в России начали меняться. С 1756 г. в деревнях с мусульманским населением было официально разрешено строительство мечетей и школ при них, а в 1788 г. с выходом именного указа Екатерины II было создано Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) в г. Уфе и назначен первый муфтий России М. Хусаинов.

В период с середины XIX в. важно также отметить активное развитие центров книжного дела в Поволжье – по некоторым подсчетам, в Казани в этот период издавалось до 70% всех арабграфических книг на поволжском тюрки, арабском и персидском языках; свои центры книгопечатания сформировались также в Уфе [Якупов, Мавликасов 2020]. Наличие логистически доступных центров книгопечатания способствовало значительному ускорению развития систем мусульманского образования в Башкирии.

Активное развитие ислама и мусульманского образования в 1860–1870-е гг., тем не менее, вызывало напряжение среди российских властей региона в контексте отношений Российской и Османской империй – в частности, известны случаи, когда возвращавшиеся с хаджа люди агитировали поволжских мусульман

в пользу переселения в Османскую империю, а также подавали письменные жалобы религиозного характера к Османскому султану [Касьянов, Петров 2017; Тихонов 2007]. При этом паломничество нередко сочеталось с получением образования: под предлогом совершения хаджа мусульмане из Поволжья направлялись в Османскую империю для обучения в исламских учебных заведениях. Популярными центрами притяжения в этот период стали Стамбул, Конья, Мекка и Медина, а также Каир (в частности, университет Аль-Азхар), Иерусалим, Дамаск, Диярбакыр и Багдад. При этом в Стамбуле, Мекке и Медине количество студентов из Российской империи к концу XIX в. оказалось настолько высоко, что для них начали открываться специализированные общежития [Tuna 2011]. Определенную роль в этом сыграла и критика образования в Бухаре, теми, кто непосредственно обучался в здешних медресе: как с точки зрения культурного разрыва местных общин с поволжскими, так и с точки зрения получаемого уровня знаний. На этом фоне некоторые реакционные реформы в сфере образования были предприняты в 1890-е гг. [Загидуллин 2015].

В целом можно сказать, что национальная и религиозная политика поздней Российской империи отличалась уважением обычаев мусульман, с фокусом на постепенную аккультурацию входивших в состав Российского государства народов [Ялбулганов 2021]. Благодаря сложившимся благоприятным политическим и культурным условиям, этот период стал временем превращения Башкортостана в один из центров мусульманского образования в России [Саяхов 2015].

Тогда же обозначились тенденции к поиску путей обновления, т. к. система исламского образования, строившаяся по канонам богословия при скудном объеме общеобразовательных предметов уже не соответствовала потребностям мусульманского общества того времени [Аминов, Бенин 2006].

Старометодная и новометодная школы в Башкортостане

Регионы Поволжья в целом, и Башкортостан в частности, являются примерами республик, которые исторически демонстрировали проявления модернизационных течений [Frank 2001], наиболее ярко выделявшиеся в среде исламских университетов и медресе. В данном случае мы можем говорить о смещении традиционных образовательных подходов, характерных для таких стран как Египет, Саудовская Аравия, Марокко и др., с образовательными инновациями, в том числе в сфере науки и технологий [Muratova 2016].

Вторая половина XIX в. стала временем формирования джадидского направления исламской просветительской мысли, инициированного Исмаилом Гаспринским. К концу века на территории Российской империи действовало уже более сотни новометодных школ. Суть преобразований, по мнению реформаторов, заключалась во внедрении в учебный процесс общеобразовательных дисциплин, в том числе языков, естествознания, математики и т. д. [Зазий 2020].

Джадидизм как реформаторское движение характеризовался достаточно серьезным фокусом именно на образование [Namazova 2020]. При этом, как отмечают некоторые исследователи [Кулбахтина 2010], в контексте сопоставления старометодной школы и новометодной не стоит недооценивать роль первой в формировании исламского образовательного пространства на территории Поволжья и Южного Урала. Так, относительная доступность ранних степеней исламского образования в рамках старометодной школы способствовала популяризации образования среди мусульман Башкортостана.

Медресе «Гусмания» («Усмания») стало первым учебным заведением, внедрявшим реформаторские принципы в свой учебный процесс. Так, особый фокус был сделан на изучение русского языка, математики, естествознания, истории и ряда других светских дисциплин. Изменения коснулись и организации учебы – был введен учебный план, расписание, экзамены, а также аттестаты по окончании учебного заведения. Реформированные медресе стали меньше походить на религиозные семинарии и больше на османские, египетские или даже российские имперские учреждения светского образования [Tuna 2011]. Отчасти это связано и с личным опытом их основателей – так, известно, что основатель новометодного медресе «Галия» Зия Камали, действовавшего в Уфе с 1906 г., после получения образования в одном из уфимских медресе был направлен сначала на учебу в Стамбул, а затем продолжил учебу в университете аль-Азхар в Каире.

После революции 1905 г. появилась первая мусульманская пресса, что позволило джадидским реформаторам в Уфе и Казани свободно транслировать свои идеи. Широкой же целью джадидизма было провозглашено создание национальной школы с обязательным элементом в виде светского начального образования [Кулбахтина 2010]. Литературная деятельность поощрялась учителями реформированных медресе [Tuna 2011].

В настоящее время Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы совместно с духовными управлениями (в данном случае речь идет о ЦДУМ и ДУМ РБ) принимали

участие в федеральном проекте по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, одной из важных целей которого является также профилактика экстремизма через просветительскую деятельность. В данном случае исторический опыт джадидизма в республике может рассматриваться в качестве хорошей базы для формирования гуманистических идеалов и ценностей ислама. При этом подчеркивается, что речь идет не о модернизации ислама как такового, а именно системы исламского образования с учетом реалий и тенденций современного мира и состояния науки.

Советский и постсоветский периоды

В советский период наблюдалась интенсивная секуляризация, и исламская элита в Башкортостане оказалась не только фактически вытесненной из публичного пространства, но в определенной степени и оторванной от мусульманского мира [Almazova 2015]. Религиозные практики стали носить в основном частный характер и осуществлялись неофициально, однако не исчезли полностью [Kuznetsova-Morenko et al. 2006; Дмитриева 2018; Ахмадуллин 2019]. Зачастую эти религиозные практики существовали на бытовом уровне и сочетались с национальными религиозными верованиями и обрядами.

В постсоветский период, так же как и в других регионах с высокой долей мусульманского населения, в Башкортостане актуализировался запрос на религиозную идентичность [Shapovalov 2011]. Стали возрождаться религиозные обряды, которые теперь можно было проводить публично, а также началось активное строительство мечетей в городах и деревнях. Рост религиозной идентичности был обусловлен поиском нравственных принципов, во многом размытых после распада СССР [Dmitrieva 2022]. Постсоветский период открыл для мусульманского населения России и возможность возрождения системы исламского образования.

1990-е гг. стали также периодом появления самостоятельных духовных управлений мусульман. И Башкортостан является примером нетипичной ситуации, когда на территории республики действуют два управления – ЦДУМ (северная и северо-западная части) и ДУМ РБ (центральные и южные районы) [Лункин, Филатов 2018]. С учетом того, что население республики практически в равной степени представлено татарским и башкирским этносами, башкирские национальные организации оказались аффилированными с республиканским духовным управлением, в то время как татарская часть

населения находится в ведении ЦДУМ [Almazova 2012]. В отношении образовательных учреждений сложилась следующая ситуация: в ведении ЦДУМ находится Российский исламский университет в Уфе, а также четыре крупных медресе также в Уфе и других городах, а ДУМ РБ контролирует деятельность нескольких медресе – Марьям Султановой и «Галия» в Уфе, а также медресе в городе Стерлитамак.

Еще одной особенностью постсоветского периода в истории мусульманского образования в Башкортостане можно назвать возрождение связей не только с учебными заведениями Средней Азии (характерной для советского периода), но также и Ближнего Востока – в частности, с начала 1990-х для продолжения образования выпускники башкирских медресе стали выбирать университет Аль-Азхар. Стали появляться и религиозные структуры, официально занимающиеся организацией выезда на учебу в аль-Азхар, среди которых – медресе имени М. Султановой ДУМ РБ. По состоянию на 2024 г. преподаватели медресе им. М. Султановой отмечали, что около 80% их студентов ориентированы на продолжение образования в Саудовской Аравии (Мединский университет) либо Египте (университет Аль-Азхар); эту информацию подтверждают и личные интервью со студентами. При этом наблюдается и обратный обмен, когда выходцы из данных учебных заведений, не являющиеся этническими башкирами, переезжают в Башкортостан для преподавания в уфимских медресе¹.

Заключение. Исламские учебные заведения Башкортостана на современном этапе

В настоящее время Республика Башкортостан является одним из регионов России с достаточно высокой долей мусульман в общей численности населения, наряду с республиками Северного Кавказа и Татарстана [Muratova 2016]. В то же время Башкортостан попадает и в число регионов с достаточно высоким числом исламских учебных заведений начального и среднего уровня, а также имеется высшее исламское учебное заведение (см. рис. 1)

¹ Согласно интервью с сотрудниками исламских учебных заведений городов Башкортостана, собранным авторами статьи в 2024–2025 гг. в рамках собственных полевых исследований в республике. В ходе полевого исследования применялись методы опросов и полуструктурированных интервью для учащихся, а также глубинных интервью для преподавателей. В рамках проведенной работы было опрошено 48 учащихся и 16 преподавателей исламских учебных заведений.

Исламские высшие учебные заведения в России

Рис. 1. Распределение высших и средних специальных исламских учебных заведений по регионам России. По данным Совета по исламскому образованию (<https://исламобр.рф/>); данным, собранным в ходе полевых исследований авторами статьи

Современный Башкортостан отличается тем, что в дополнение к устоявшимся ступеням трехуровневой системы исламского образования – мектебам, медресе и высшим учебным заведениям – в республике развито послевузовское образование [Аминов 2017], включающее в себя программы повышения квалификации и переподготовки преподавателей. Немаловажной характеристикой является также то, что ранние ступени в большей степени зарегулированы – медресе здесь, в отличие, скажем, от Северного Кавказа, зарегистрированы и имеют лицензии местных министерств образования.

Учебные заведения, находящиеся в ведении республиканского Духовного управления, предоставляют только две ступени образования – начальные курсы, как правило, при мечетях, а также среднее специальное образование. Учебные программы и учебный процесс в целом в медресе строятся в соответствии с программами и методиками, разработанными в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы [Аминов 2017].

Медресе «Нур Аль-Иман» в городе Стерлитамаке было открыто в середине XIX в. и считается одним из центров исламского образования в Башкортостане еще с дореволюционного периода [Habibullina 2014]. В 1919 г. его деятельность была остановлена и возобновилась только в 1996 г. Два года спустя в медресе было открыто и женское отделение. Заметную часть учебной программы составляют дисциплины конфессиональной направленности, а среди светских можно выделить три – арабский и башкирский языки, а также информатику.

Уфимское медресе «Галия», так же как и медресе в Стерлитамаке, предоставляет возможность обучения в очном и заочном формате и готовит имамов для работы в сельской местности, без среднего религиозного образования [Almazova 2012]. При этом некоторые исследователи отмечают своего рода разделение полномочий между этим учебным заведением и медресе Марьям Султановой – так, «Галия» занимается в основном подготовкой священнослужителей, но не предоставляет возможности повышения профессиональной квалификации.

Медресе Марьям Султановой в настоящее время является также одним из учебных заведений с наиболее развитыми связями с Ближним Востоком. Так, у студентов медресе есть возможность проходить подготовительные курсы для поступления в Аль-Азхар в Каире; кроме того, преподаватели Аль-Азхара приглашаются для преподавания в качестве носителей языка. Фактически это единственное исламское учебное заведение, предоставляющее подобные возможности.

Что касается Центрального духовного управления, то в этом случае речь идет о трехступенчатой системе образования (с послевузовским компонентом). Медресе в данном случае дают возможность получить среднее специальное образование, а учебные программы строятся в соответствии с общепринятыми программами и стандартами.

В контексте высшего исламского образования стоит упомянуть Российский исламский университет, находящийся в ведении ЦДУМ, деятельность которого направлена как на формирование образовательного пространства, так и формирование когорты богословов и создание модели исламского образования с учетом потребностей духовных управлений мусульман [Абдрахманов 2017].

В заключение хотелось бы отметить, что выводы, полученные в данном исследовании, в большей степени релевантны именно для Башкортостана и отчасти Поволжья, принимая во внимание тот факт, что мусульманские общины в разных регионах России заметно отличаются друг от друга. В связи с этим для достижения межрейсовых обобщений при изучении более широкого географического контекста требуется уточнение методики сбора данных с учетом региональной специфики.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке гранта РФФ № 24-18-00662.

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University in 2025 with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00662).

Литература

- Абдрахманов 2017 – *Абдрахманов Д.М.* Социальные трансформации и детерминанты развития исламского образования // Образование и духовная безопасность. 2017. № 1. С. 6–14.
- Аминов 2017 – *Аминов Т.М.* Система исламского образования Духовного управления мусульман Республики Башкортостан на современном этапе // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 3 (70). С. 78–87.
- Аминов, Бенин 2006 – *Аминов Т.М., Бенин В.Л.* Мусульманское образование в дореволюционной Башкирии // Образование и наука. 2006. № 3. С. 118–125.
- Ахмадуллин 2019 – *Ахмадуллин В.А.* Исламское образование в РСФСР в 1945–1965 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С. 165–175.
- Ахтямов 2012 – *Ахтямов К.Ш.* О некоторых проблемах становления ислама в Поволжье // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5 (141). С. 135–141.
- Гарипов, Халиков 2007 – *Гарипов Н.К., Халиков Т.Р.* Проблемы мусульманского образования в России: история и современность // Право и образование. 2007. № 2. С. 82–87.
- Дмитриева 2018 – *Дмитриева Е.Л.* Исламское образование в России: история и современность // Россия и мусульманский мир. 2018. № 4 (310). С. 12–17.
- Загидуллин 2015 – *Загидуллин И.К.* Обращения татар-мусульман Среднего Поволжья к Османскому государству в последней четверти XIX века // Казанский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 135–138.
- Зазий 2020 – *Зазий Д.А.* Мусульманское образование в современной России // Вестник науки. 2020. № 3 (11 (32)). С. 18–26.
- Касьянов, Петров 2017 – *Касьянов В.В. и Петров В.И.* Православное и исламское духовенство Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 4-2. С. 31–39.
- Кулбахтина 2010 – *Кулбахтина А.З.* Роль старометодной школы в системе образования мусульман Уфимской губернии // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1333–1334.
- Лункин, Филатов 2018 – *Лункин Р.Н., Филатов С.Б.* Ислам в Башкортостане: мусульманские организации и власть // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 243–250.

- Николаев, Найденов 2015 – *Николаев Э.А., Найденов М.С.* Некоторые аспекты религиозного образования в российской истории: опыт ислама // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2015. № 4 (55). С. 139–142.
- Саяхов 2015 – *Саяхов Р.Л.* Мусульманское образование в Башкортостане: в преддверии саммита Шанхайской организации сотрудничества // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 3 (58). С. 73–79.
- Тихонов 2007 – *Тихонов А.К.* Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е годы // Отечественная история. 2007. № 3. С. 60–65.
- Фатхуллин 2023 – *Фатхуллин Р.А.* Развитие богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья в XVIII – нач. XX в. // *Minbar. Islamic Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 859–870.
- Якупов, Мавликасов 2020 – *Якупов Р.И., Мавликасов А.Х.* Из истории отечественного мусульманского образования (середина XVI в. – начало 90-х гг. XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 1 (69). С. 57–65.
- Ялбулганов 2021 – *Ялбулганов А.А.* Исламское образование в России в XIX–XX вв.: к вопросу о развитии организационно-правовых форм // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2021. Т. 16. № 21. С. 155–186.
- Algar 1992 – *Algar H.* Shaykh Zaynullah Rasulev: The last great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Ural region // Gross, J.-A. (ed.), *Muslims in Central Asia*. 1992. Durham: Duke University Press, 1992. P. 112–133.
- Almazova 2012 – *Almazova L.* The Development of Religious Education in Modern Bashkortostan // *Russia and the Moslem World*. 2012. No. 5 (239). P. 29–33.
- Almazova 2015 – *Almazova L.* The Positions of Muslim Scholars in the Volga-Ural Region in the Context of Islamic Ideologies of the 20th and 21st Centuries // *Islam and Citizenship Education*. 2015. P. 259–272.
- Di Puppò, Schmoller 2020 – *Di Puppò L., Schmoller J.* Here or Elsewhere: Sufism and Traditional Islam in Russia's Volga-Ural Region // *Contemporary Islam*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 135–156.
- Dmitrieva 2022 – *Dmitrieva E.* Dynamics of the Religious Worldview of Bashkirs and Civic Identity of the Population of Bashkiria in the Post-Soviet Period // *Russia and the Moslem World*. 2022. No. 1 (315). P. 52–56.
- Frank 2001 – *Frank A.J.* *Islamic Institutions and Education in Imperial Russia*. Leiden: Brill, 2001.
- Habibullina 2014 – *Habibullina Z.* Muslim Clergy in the Republic of Bashkortostan: Status and Development Trends // *Russia and the Moslem World*. 2014. No. 8 (266). P. 13–25.
- Kuznetsova-Morenko et al. 2006 – *Kuznetsova-Morenko I., Salakhadinova L., Le Torrivelec X. and Bobrovnikov V.* The Islamic Revival in Russia // Gabowitzsch, M. (ed.) *kultura – Russian Cultural Review*. 2006. No. 9. P. 1–20.
- Muratova 2016 – *Muratova E.* General Characteristics of Islamic Education in Contemporary Russia // *Context: časopis za interdisciplinarne studije*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 7–40.

- Namazova 2020 – *Namazova Y.* National education system in the educational ideas of Jadidism // *The Light of Islam*. 2020. No. 3. P. 47–57.
- Shapovalov 2011 – *Shapovalov V.* Renaissance of Islam and the Needs in Islamic Education // *Russia and the Moslem World*. 2011. No. 8 (230). P. 14–20.
- Tuna 2011 – *Tuna M.* Madrasa Reform as a Secularizing Process: A View from the Late Russian Empire // *Comparative Studies in Society and History*. 2011. Vol. 53. No. 3. P. 540–570.
- Yunosova 2000 – *Yunosova A.* Political Perspectives of Islam in Bashkortostan // (ed.). *Russian–American Relations: Islamic and Turkic Dimensions in the Volga–Ural Basin* / Ed. by M. Hafeez. London: Palgrave Macmillan UK, 2000. P. 155–165.

References

- Abdrakhmanov, D.M. (2017), “Social Transformations and Determinants of the Development of Islamic Education”, *Образование и духовная безопасность*, no. 1, pp. 6–14. (In Russian).
- Абдрахманов 2017 – *Абдрахманов Д.М.* Социальные трансформации и детерминанты развития исламского образования // *Образование и духовная безопасность*. 2017. № 1. С. 6–14.
- Akhmadullin, V.A. (2019), “Islamic Education in the RSFSR in 1945–1965”, *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 4, pp. 165–175. (In Russian)
- Ахмадуллин 2019 – *Ахмадуллин В.А.* Исламское образование в РСФСР в 1945–1965 гг. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 4. С. 165–175.
- Akhtyamov, K.Sh. (2012), “On Some Issues of the Formation of Islam in the Volga Region”, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (141), pp. 135–141. (In Russian)
- Ахтямов 2012 – *Ахтямов К.Ш.* О некоторых проблемах становления ислама в Поволжье // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012. № 5 (141). С. 135–141.
- Algar, H. (1992), “Shaykh Zaynullah Rasulev: The last great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Ural region”. in: Gross, J.-A. (ed.), *Muslims in Central Asia*, Durham: Duke University Press, pp. 112–133.
- Algar 1992 – *Algar H.* Shaykh Zaynullah Rasulev: The last great Naqshbandi Shaykh of the Volga-Ural region // Gross, J.-A. (ed.), *Muslims in Central Asia*. 1992. Durham: Duke University Press, 1992. P. 112–133.
- Almazova, L. (2012), “The Development of Religious Education in Modern Bashkortostan”, *Russia and the Moslem World*, no. 5 (239), pp. 29–33.
- Almazova 2012 – *Almazova L.* The Development of Religious Education in Modern Bashkortostan // *Russia and the Moslem World*. 2012. No. 5 (239). P. 29–33.
- Almazova, L. (2015), “The Positions of Muslim Scholars in the Volga-Ural Region in the Context of Islamic Ideologies of the 20th and 21st Centuries”, in: *Islam and Citizenship Education*, pp. 259–272.

- Almazova 2015 – *Almazova L.* The Positions of Muslim Scholars in the Volga-Ural Region in the Context of Islamic Ideologies of the 20th and 21st Centuries // *Islam and Citizenship Education*. 2015. P. 259–272.
- Аминов, Т.М. (2017), “The System of Islamic Education of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Bashkortostan at the Present Stage”, *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*, no. 3 (70), pp. 78–87. (In Russian)
- Аминов 2017 – *Аминов Т.М.* Система исламского образования Духовного управления мусульман Республики Башкортостан на современном этапе // *Педагогический журнал Башкортостана*. 2017. № 3 (70). С. 78–87.
- Aminov, T.M. and Benin, V.L. (2006), “Muslim Education in Pre-revolutionary Bashkiria”, *Obrazovanie i nauka*, no. 3, pp. 118–125. (In Russian)
- Аминов, Бенин 2006 – *Аминов Т.М., Бенин В.Л.* Мусульманское образование в дореволюционной Башкирии // *Образование и наука*. 2006. № 3. С. 118–125.
- Di Puppo, L. and Schmoller, J. (2020), “Here or Elsewhere: Sufism and Traditional Islam in Russia’s Volga-Ural Region”, *Contemporary Islam*, vol. 14, no. 2, pp. 135–156.
- Di Puppo, Schmoller 2020 – *Di Puppo L., Schmoller J.* Here or Elsewhere: Sufism and Traditional Islam in Russia’s Volga-Ural Region // *Contemporary Islam*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 135–156.
- Dmitrieva, E. (2022), “Dynamics of the Religious Worldview of Bashkirs and Civic Identity of the Population of Bashkiria in the Post-Soviet Period”, *Russia and the Moslem World*, no. 1 (315), pp. 52–56.
- Dmitrieva 2022 – *Dmitrieva E.* Dynamics of the Religious Worldview of Bashkirs and Civic Identity of the Population of Bashkiria in the Post-Soviet Period // *Russia and the Moslem World*. 2022. No. 1 (315). P. 52–56.
- Dmitrieva, E.L. (2018), “Islamic Education in Russia: History and Modernity”, *Rossiya i musulmanskii mir*, no. 4 (310), pp. 12–17.
- Дмитриева 2018 – *Дмитриева Е.Л.* Исламское образование в России: история и современность // *Россия и мусульманский мир*. 2018. № 4 (310). С. 12–17.
- Fatkhullin, R.A. (2023), “Development of the theological traditions of Muslims in the Volga and the Urals in the 18th – Early 20th Century”, *Minbar. Islamic Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 859–870.
- Фатхуллин 2023 – *Фатхуллин Р.А.* Развитие богословских традиций мусульман Поволжья и Приуралья в XVIII – нач. XX в. // *Minbar. Islamic Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 859–870.
- Frank, A.J. (2001), *Islamic Institutions and Education in Imperial Russi*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Frank 2001 – *Frank A.J.* Islamic Institutions and Education in Imperial Russia. Leiden: Brill, 2001.
- Garipov, N.K. and Khalikov, T.R. (2007), “Problems of Muslim Education in Russia: History and Modernity”, *Law and Education*, no. 2, pp. 82–87.
- Гарипов, Халиков 2007 – *Гарипов Н.К., Халиков Т.Р.* Проблемы мусульманского образования в России: история и современность // *Право и образование*. 2007. № 2. С. 82–87.

- Habibullina, Z. (2014), "Muslim Clergy in the Republic of Bashkortostan: Status and Development Trends", *Russia and the Moslem World*, no. 8 (266), pp. 13–25.
- Habibullina 2014 – *Habibullina Z.* Muslim Clergy in the Republic of Bashkortostan: Status and Development Trends // *Russia and the Moslem World*. 2014. No. 8 (266). P. 13–25.
- Kasyanov, V.V. and Petrov, V.I. (2017), "Orthodox and Islamic Clergy of the Southern Urals and Middle Volga in the Second Half of the 19th Century", *Historical and Socio-Educational Idea*, vol. 9, no. 4-2, pp. 31–39.
- Касьянов, Петров 2017 – *Касьянов В.В. и Петров В.И.* Православное и исламское духовенство Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX века // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 4-2. С. 31–39.
- Kulbakhtina, A.Z. (2010), "The Role of the Old-Method School in the Education System of Muslims in Ufa Province", *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 15, no. 4, pp. 1333–1334.
- Кулбахтина 2010 – *Кулбахтина А.З.* Роль старометодной школы в системе образования мусульман Уфимской губернии // *Вестник Башкирского университета*. 2010. Т. 15. № 4. С. 1333–1334.
- Kuznetsova-Morenko, I., Salakhatdinova, L., Le Torrivelec, X. and Bobrovnikov, V. (2006), "The Islamic Revival in Russia", in Gabowitsch, M. (ed.), *Kultura – Russian Cultural Review*, no. 9, p. 1–20.
- Kuznetsova-Morenko et al. 2006 – *Kuznetsova-Morenko I., Salakhatdinova L., Le Torrivelec X. and Bobrovnikov V.* The Islamic Revival in Russia // Gabowitsch, M. (ed.) *kultura – Russian Cultural Review*. 2006. No. 9. P. 1–20.
- Lunkin, R.N. and Filatov, S.B. (2018), "Islam in Bashkortostan: Muslim Organizations and Government", *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS* (*Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*), no. 1, pp. 243–250.
- Лункин, Филатов 2018 – *Лункин Р.Н., Филатов С.Б.* Ислам в Башкортостане: мусульманские организации и власть // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 1. С. 243–250.
- Muratova, E. (2016), "General Characteristics of Islamic Education in Contemporary Russia", *Context: časopis za interdisciplinarne studije*, vol. 3, no. 1, pp. 7–40.
- Muratova 2016 – *Muratova E.* General Characteristics of Islamic Education in Contemporary Russia // *Context: časopis za interdisciplinarne studije*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 7–40.
- Namazova, Y. (2020), "National education system in the educational ideas of Jadidism", *The Light of Islam*, no. 3, pp. 47–57.
- Namazova 2020 – *Namazova Y.* National education system in the educational ideas of Jadidism // *The Light of Islam*. 2020. No. 3. P. 47–57.
- Nikolaev, E.A. and Naidenov, M.S. (2015), "Some Aspects of Religious Education in Russian History: The Experience of Islam", *ESSUTM Bulletin*, no. 4 (55), p. 139–142. (In Russian)
- Николаев, Найденов 2015 – *Николаев Э.А., Найденов М.С.* Некоторые аспекты религиозного образования в российской истории: опыт ислама // *Вестник*

- Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2015. № 4 (55). С. 139–142.
- Sayakhov, R.L. (2015), “Muslim education in Bashkortostan: on the eve of the summit of the Shanghai organization of the commonwealth”, *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, no. 3 (58), pp. 73–79.
- Саяхов 2015 – *Саяхов Р.Л.* Мусульманское образование в Башкортостане: в преддверии саммита Шанхайской организации сотрудничества // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 3 (58). С. 73–79.
- Shapovalov, V. (2011), “Renaissance of Islam and the Needs in Islamic Education”, *Russia and the Moslem World*, no. 8 (230), pp. 14–20.
- Shapovalov 2011 – *Shapovalov V.* Renaissance of Islam and the Needs in Islamic Education // *Russia and the Moslem World*. 2011. No. 8 (230). P. 14–20.
- Tikhonov, A.K. (2007), “The Islamic Factor in the Volga Region in the 1860s–1870s”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, pp. 60–65.
- Тихонов 2007 – *Тихонов А.К.* Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е годы // Отечественная история. 2007. № 3. С. 60–65.
- Tuna, M. (2011), “Madrasa Reform as a Secularizing Process: A View from the Late Russian Empire”, *Comparative Studies in Society and History*, vol. 53, no. 3, pp. 540–570.
- Tuna 2011 – *Tuna M.* Madrasa Reform as a Secularizing Process: A View from the Late Russian Empire // *Comparative Studies in Society and History*. 2011. Vol. 53. No. 3. P. 540–570.
- Yakupov, R.I. and Mavlikasov, A.Kh. (2020), “From the History of National Muslim Education (Mid-16th – Early 1990s)”, *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 1 (69), pp. 57–65.
- Якупов, Мавликасов 2020 – *Якупов Р.И., Мавликасов А.Х.* Из истории отечественного мусульманского образования (середина XVI в. – начало 90-х гг. XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 1 (69). С. 57–65.
- Yalbulganov, A.A. (2021), “Islamic Education in Russia in the 19th–20th Centuries: On the Development of Organizational and Legal Forms”, *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*, no. 16, pp. 155–186.
- Ялбулганов 2021 – *Ялбулганов А.А.* Исламское образование в России в XIX–XX вв.: к вопросу о развитии организационно-правовых форм // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2021. Т. 16. № 21. С. 155–186.
- Yunosova, A. (2000), “Political Perspectives of Islam in Bashkortostan”, Hafeez, M. (ed.), *Russian–American Relations: Islamic and Turkic Dimensions in the Volga–Ural Basin*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 155–165.
- Yunosova 2000 – *Yunosova A.* Political Perspectives of Islam in Bashkortostan // Hafeez M. (ed.). *Russian–American Relations: Islamic and Turkic Dimensions in the Volga–Ural Basin*. 2000. London: Palgrave Macmillan UK, 2000. P. 155–165.
- Zagidullin, I.K. (2015), “Petitions of Tatar Muslims from the Middle Volga Region to the Ottoman State in the Late 19th Century”, *Kazan Pedagogical Journal*, no. 2, p. 135–138.

- Загидуллин 2015 – *Загидуллин И.К.* Обращения татар-мусульман Среднего Поволжья к Османскому государству в последней четверти XIX века // Казанский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 135–138.
- Zazii, D.A. (2020), “Muslim Education in Contemporary Russia”, *Vestnik nauki*, no. 3 (11 (32)), pp. 18–26.
- Зазий 2020 – *Зазий Д.А.* Мусульманское образование в современной России // Вестник науки. 2020. № 3 (11 (32)). С. 18–26.

Информация об авторах

Алиса Р. Шишкина, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; ashishkina@hse.ru

Нина Л. Кулюлина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, nkulyulina@hse.ru

Information about the authors

Alisa R. Shishkina, Cand. of Sci. (Political Studies), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitckaya Street, Moscow, Russia, 101000; Russian Academy of Sciences Institute for African Studies, Moscow, Russia; bld. 30/1, Spiridonovka Street, Moscow, Russia, 123001; ashishkina@hse.ru

Nina L. Kulyulina, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitckaya Street, Moscow, Russia, 101000; nkulyulina@hse.ru

УДК 32:2(5+6)

DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-145-162

О националистической и религиозной движущих силах политических изменений на Ближнем Востоке

Алексей В. Сарабьев

*Институт востоковедения РАН
Москва, Россия, a.sarabev@ivran.ru*

Аннотация. Стремительно развивающиеся события на Ближнем Востоке и роль в них религиозно-маркированных групп автор предлагает оценивать, разделяя националистическую и религиозную составляющие в их политической повестке. Приводится краткий анализ текущей проблематики ряда ближневосточных стран с упором на проявления этих составляющих в региональной политике. Их причудливое и противоречивое сочетание в практике основных движущих сил требует прояснения и анализа не только с расчетом на научный результат, но и с учетом интересов нашей страны в практической плоскости – в области безопасности, внешней политики и планирования долгосрочных проектов взаимодействия.

Ключевые слова: национализм и религия, националистические организации, религиозный экстремизм в арабских странах, конфессиональный аспект политических отношений, Ближний Восток

Для цитирования: Сарабьев А.В. О националистической и религиозной движущих силах политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2025. № 5. С. 145–162. DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-145-162

On the nationalist and religious factors of political changes in the Middle East

Aleksei V. Sarabiev

*Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia, alsaraby@ya.ru*

Abstract. The author suggests to assess rapidly developing events in the Middle East and the role of religiously marked groups by separating the nationalistic and religious components in their political agenda. He carries out a brief analysis of the current problematics in a number of countries, indicating the main moments of manifestation of these components. Their bizarre and contradictory combination in the practice of the key driving forces requires clarification and analysis not only with a view to a scientific result, but also taking into account the interests of our country in practical terms—in the fields of security, foreign policy and planning long-term cooperation projects.

Keywords: nationalism and religion, nationalistic organizations, religious extremism in Arab countries, confessional aspect of political relations, Middle East

For citation: Sarabiev, A.V. (2025), “On the nationalist and religious factors of political changes in the Middle East”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 5, pp. 145–162, DOI: 10.28995/2686-7648-2025-5-145-162

Введение: постановка вопроса

Ближний Восток – родина трех основных авраамических религий, но в каждой из них люди, единоверцы, очень по-разному подходят к вопросу сочетаемости национального и религиозного. Кто-то отождествляет нацию и свое религиозное сообщество (например, умму), кто-то настаивает на полном отделении национальных политических проектов (например, сионистского) от вероисповедания, кто-то находит возможным сочетать единство религиозной культуры с вектором этнической обособленности (как, например, сторонники финикизма). Одновременно среди исповедующих эти религии распространены прямо противоположные мнения, причем с целым спектром оттенков, что обуславливает сложность проблематики сочетаемости национального и религиозного в этом субрегионе.

Чрезвычайно важным для понимания политической истории Ближнего Востока остаются вопросы: в какой степени смешивались между собой национальные чаяния (вплоть до крайних националистических идей) и чувство единства социальных групп на основе общности вероисповедания, какие формы принимало это смешение, а также насколько живо оно по сей день в своих социально-политических проявлениях?

Дело в том, что и тот, и другой векторы реализуется в конечном итоге в определенных действиях, затрагивающих интересы разных социальных групп, влияют на общую историю и политику. Но если религиозный аргумент часто и открыто используется для обоснования политических шагов и наступательных или оборонительных действий, то национальный аспект чаще всего остается в тени при оценке текущих событий. Целью наших рассуждений станет некоторое приближение к проблематике национального/националистического как составляющей изменений и политических стратегий групп разного масштаба, которые имеют одновременно и отчетливую религиозную окраску.

Проблемный ряд

Вот краткая и поверхностная зарисовка фактов стремительно меняющегося Ближнего Востока в первой половине 2025 г., которая сама по себе подводит к поставленной нами проблеме.

1. Палестинская проблематика приобрела радикальное звучание, следствием чего стало сплывание вокруг палестинского вопроса большинства арабских государств. Вызвав из далеких 1960-х гг. бесчеловечную идею «трансфера» палестинцев – очередного повторения Накбы («Катастрофы»)¹ – новая американская администрация не преуспела в запугивании и финансовом шантаже ни Египта, ни Иордании, ни других арабских стран. Идея массовых национальных депортаций, выселения палестинцев со своей родины в Газе и на Западном берегу – будь то для увеличения жизненного пространства израильского общества или же для американских мегапроектов типа «ближневосточной ривьеры» – вызывает только негодование.

2. Израильская вооруженная экспансия набирала обороты сразу по нескольким направлениям. Вдобавок к намечающемуся продолжению геноцида в Газе, Израиль не соблюдал

¹ Изгнание со своих земель евреями более 750 тысяч палестинцев в 1947–1949 гг., память о чем отмечается ежегодно 15 мая.

договоренности о перемирии в Южном Ливане, осуществляя даже воздушные провокации в небе над Бейрутом и продолжая точечные ракетные удары по районам ливанских мухафаз (областей) Джануб, Набатия, Бекаа. В Сирии израильтяне оставляют за собой не только оккупированные территории Голанских высот, но и всю так называемую буферную зону Голан, пытаясь поставить под свой контроль стратегически важные южносирийские территории, периодически нанося удары по военным объектам Сирии. В своих действиях Израиль подспудно использует межконфессиональные противоречия (например, антишиитские настроения в некоторых ливанских кругах) и стремление к автономизации отдельных этноконфессиональных общин наряду с недоверием центральной власти (например, сирийских друзов).

3. В священном городе трех религий, Иерусалиме, израильские власти усиливали нажим на иудейские общины, например, на жителей армянского квартала Старого города в июне 2025 г.² Открыто проходили показательные националистические акции, проводимые религиозными сионистами, например, в ходе ежегодного «Шествия флагов» на День Иерусалима – израильский государственный праздник в честь «объединения» города после войны 1967 г. Остаются сильными антироссийские настроения, что не облегчает для нашей страны долгосрочных задач – традиционной поддержки местных православных и полного возврата объектов исторической российской собственности в Святой Земле.

4. Сирийский многосоставный конфликт привел к смене режима: на место ослабевшего прежнего государственного аппарата пришла группировка с террористическим прошлым, силой удерживавшая вокруг себя множество разрозненных групп без внятной и продуманной стратегии. Все группы относят себя к приверженцам суннитского ислама, но разнятся по национальному составу. Тот джихад, который они декларируют, понимается по-разному, в зависимости от приверженности сирийскому национализму или наднациональному халифатизму, прагматичному национально-ориентированному исламу или салафитскому фундаментализму с его нивелированием местных традиций.

5. Нынешняя «переходная власть» в Дамаске испытывает проблемы с контролем собственных боевиков, особенно несирийского

² Мамедов С. Армянский квартал Иерусалима: взгляд на внутренние и внешние противоречия // STMEGI. 10.06.2025. URL: <https://stmegi.com/opinions/posts/127304/armyanskiy-kvartal-ierusalima-vzglyad-na-vnutrennie-i-vneshnie-protivorechiya/?ysclid=mh7s6abues777724144> (дата обращения 20 июня 2025).

происхождения, которые входили в широкий альянс экстремистской ХТШ. В то же время властям испытывают трудности с контролем территорий локального проживания профессиональных общин: алавитской – в мухафазе Латакия и горах Джебель-Ансарийе, друзской – в Джебель-Друз и близ Джебель-аш-Шейх, национальных сообществ: курдов – на северо-востоке и востоке, отчасти туркоманов – в Джебель-Туркман, а также арабских племен, имеющих собственное видение будущего устройства Сирии, – в Джазире, Хауране, на границах с Иорданией и Ираком. Жесткие властные амбиции при недостатке властных возможностей порождают уродливые явления: насилие над собственным населением (алавитами, христианами, друзами), с одной стороны, и заигрывание с интервентами (израильянами, турками), с другой.

6. Сохраняется иностранный контроль части сирийских территорий: Турции – над полосой северных территорий (отчасти включая даже город Алеппо), Израиля – над Голанами и с мечтой о плодородных землях юга страны, Соединенных Штатов – над нефтяными полями на востоке. С этой целью интервентами активно разыгрывается «этноконфессиональная карта».

7. Ирак остается местом, где нашли убежище и остатки подразделений сирийских баасистов, и целые группы, входившие в протурецкую так называемую «Сирийскую национальную армию». Там находятся центры принятия решений запрещенных террористических организаций Даиш и Аль-Каида.

В Ираке расположены шиитские святыни, а среди шиитов очень сильно влияние соседнего Ирана. Под ударом остаются такие этноконфессиональные сообщества, как христиане-ассирийцы, курды-езиды Синджара и др. Глубокие линии идеологического разделения проходят не только внутри арабского большинства, но и курдской части иракского населения (условно, под началом семей Барзани и Талабани). Они имеют прямое отношение и к внешнеполитической ориентации жителей и управленческих структур целых областей страны.

8. Ливан в очередной раз испытал перехлестывание сирийской проблематики через свои границы: как и в 2014–2015 гг., происходит проникновение джихадистов из Сирии на северные и восточные территории Ливана (Бекаа, Аккар). Идеология ряда направлений джихадизма, не признающая «границ Сайкса-Пико» (устоявшихся на протяжении уже более столетия границ), угрожает разогревом межконфессиональной ситуации внутри Ливана вдобавок к угрозе проникновения в страну неарабских экстремистских элементов. Ливанцы вынуждены как сопротивляться радикализации суннитов на своей территории, так и одновременно защищать свою особую

ливанскую национальную идентичность (*аль-ватанийя аль-люб-нанийя*). То есть на кону стоят и религиозный баланс общества, и общегражданское единство.

9. Немаловажной линией, определяющей политическую парадигму Турции, остается национальная тюркская идея, которая наиболее ярко отражалась в непримиримой борьбе с курдскими ополченцами, в том числе на территориях Сирии и отчасти Ирака. Она имеет и другое внешнеполитическое продолжение: экономическая и культурная экспансия идет в рамках идеологии пантюркизма (или туранизма)³. Эта мягкая сила (распространяется и на российские города и области), которой Турция открыто гордится, удобно сочетается с ее исламским характером, впрочем, без разделения на конфессии.

Сочетание силового подхода с политическим заигрыванием давало на протяжении 2025 г. туркам неплохой результат в решении курдской проблемы: в октябре запрещенная в Турции РПК заявила о выводе своих боевых формирований с турецких территорий⁴.

На этом фоне внутри самого турецкого общества сохраняется противостояние идей светского (республиканского в смысле радикальных идей Ататюрка) и религиозного государства. Пришедшая к власти еще в начале столетия религиозная в своей основе Партия справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом явно отошла от прежнего пропагандистского дискурса, замешанного на ислализме, и подхватила идеи османизма и туранизма, умело переиграв этим республиканцев-националистов.

10. Скрытым за громкими военными акциями и бесчеловечными проявлениями национализма остается глубокое разделение внутри израильского общества. Острейший внутривластный кризис, связанный со взаимным оспариванием полномочий основных ветвей власти и вызвавший массовые протесты в Израиле в 2023 г., был уведен в тень беспрецедентной по жестокости «войной возмездия» палестинскому народу Газы, которая, несмотря на объявлявшиеся перемирия и обмен заложниками и пленными, видимо, далеко не окончена. Ее связывают с воинственным курсом «правого» израильского правительства, то есть курсом такого рода сионистов, которые исходят из необходимости единства

³ Перспективы Сирии – «Великий Туран» или «Великий Израиль» // Научно-аналитический портал «Восточная трибуна». 12.02.2025. URL: <https://ot-portal.com/analytics/perspektivy-sirii-velikiy-turan-ili-velikiy-izrail> (дата обращения 26 октября 2025).

⁴ Российская газета. 2025. 26 октября. URL: <https://rg.ru/2025/10/26/turciia-ocenila-reshenie-rpk-o-vyvode-formirovanij-iz-strany.html?ysclid=mh7qzitdwv633931088> (дата обращения 26 октября 2025).

и обязательности общей религиозной культуры, иудейской традиции и закона (*галахи*), основывают свои действия на интересах таких слоев общества, как *харедим*, *датиим* и *месорттиим* (ультраортодоксы, ортодоксы, традиционисты).

11. Национальный вопрос в Израиле, как это ни покажется странным, тоже имеет место. В ядре еврейского общества, конечно, не могут входить такие его значительные социальные сегменты, как, например, израильские арабы (в том числе мусульмане-бедуины), друзы, черкесы. Сохраняется и дробность национальных культур переселенцев-евреев: самые известные проблемные блоки тут – отстаивание прав на свои традиции ашкеназами, сефардами, африканскими евреями-фалаша. Нередко носители европейско-еврейских традиций (*ашкеназим*) противопоставляются выходцам из «восточных» стран (*мизрахим*) – Машрика, Магриба (сефарды), Аравии, Ирана и др. Периодически поднимается и языковой вопрос – культурного наследия на языках «рассеяния» (*галута*) – идиш, русского, амхарского и др. Поверх всех этих разделений пролегает феномен нерелигиозного еврейства (*йахудиим хилоним*), и это чрезвычайно важный момент, особенно учитывая, что относительно нерелигиозная, «светская» часть населения составляет подавляющее большинство в Израиле.

12. «Правому» правительству Израиля – при полном согласии с Соединенными Штатами и при их поддержке – удавалось интегрировать социум на волне решимости слома «оси сопротивления сионизму»⁵. По логике военного времени многие разделения в обществе были отставлены в сторону, но это лишь до поры до времени. Ценой бескомпромиссной и жестокой борьбы, лежащей далеко за пределами норм международного права и конвенциональных правил ведения войны, израильтянам удалось нанести серьезный ущерб составляющим «Соппротивление» структурам, – на территориях Ирана, Ливана, Сирии.

⁵ Большое значение на Ближнем Востоке имеет фактор личности, а в данном случае – личности главы израильского правительства Б. Нетаньяху. Как пишет один арабский автор, бывший постпред при ООН и глава МИД Ливии: «Он вырос в семье радикальных сионистов и с детства проникся идеологией Зеэва Жаботинского, радикального сиониста, выступавшего за применение чрезмерной силы против палестинцев и их изгнание из исторической Палестины. Тот произнес фразу, которую Биньямин Нетаньяху превратил в свое кредо: “То, что невозможно решить силой, можно решить еще большей силой”». См.: *Шальгам, Абд-ар-Рахман*. Шамс Биньямин Нетаньяху аль-мутамаддида аль-харика (Расширяющееся палящее солнце Б. Нетаньяху) // Аш-Шарк аль-Аусат, 19.09.2025. <https://aawsat.com/-الرائي شمس-بنيامين-نتتياهو-المتمددة-الحارقة/5188163>

Вопрос «земли», «крови» и... веры?

Противостояние с «осью Сопротивления» продолжается. Израиль в 2025 г. как сам наносил массированные и точечные ракетные удары, так и становился их целью, в частности, со стороны Ирана, Ливана и Йемена. В рамках нашей темы не может не поражать состав этой пресловутой «оси», восходящей к Ирану с его особым устройством – теократической республикой. Важно, что большинство населения этой страны являются не только шиитами-иснашаритами, а не суннитами, как большинство арабов, но и принадлежат к национальной культуре, далеко отстоящей от арабской. Другие составляющие «оси» были представлены арабскими общностями – алавитами Сирии, шиитами Ливана, суннитами палестинской Газы, зейдитами Йемена.

При такой конфессиональной пестроте возникает законный вопрос: насколько эта проблематика является религиозной и в какой степени просматривается исходная посылка, заложенная в самой идее – «сопротивления» (*мукавама*) сионизму как политическому проекту? Иными словами, не лежит ли проблема чисто в национально-политической плоскости, где «исламское сопротивление» (*аль-мукавама аль-исламийя*) является составным феноменом, сочетающим в себе и пафос борьбы за арабскую Палестину, и религиозную составляющую, но которая действует не сама по себе, но отсылает к далеким временам халифата – чисто политического образования, только осененного авторитетом ислама? А возможно даже, к этому примешивается и мечта иранцев о возрождении персидского влияния в регионе как национально-историческая мифологема?

По крайней мере, показательно, что речь не идет о столкновении ислама и иудаизма: это не межрелигиозное противостояние, но скорее мрачный архетипический вопрос «крови и земли» – отставания неких завещанных предками в глубине веков традиций и борьбы за жизненное пространство для своих национальных сообществ.

Что касается Палестины, то ее население уже многие десятки лет сопротивляется в разной форме (от пассивного негодования до самых крайних форм борьбы) легитимации еврейского присутствия в Леванте именно в форме государства⁶. Это государство в своей основе имеет четкий националистический принцип («кровь», по которой разделяется «этот народ», *ха-ам*, и «другие

⁶ Создатели Государства Израиль, конечно, хорошо понимали это, а поэтому и включили в его официальное название это первое слово.

народы», *ха-гоим*), с одной стороны, и определенную территорию (*эрец*, «землю, почву»), с другой. Первый принцип продолжает оставаться фактором, спланивающим евреев диаспоры, рассеяния по всему миру (*галут*) и израильских евреев. Но он также выступает движущей силой для иммиграции евреев (*алия*). Второй же принцип (земли) служит основой для экспансии с целью расширения «жизненного пространства» и гарантий обеспеченности ресурсами (вода, плодородные земли, полезные ископаемые). Примерами экспансии за пределы собственно Святой Земли служат, например, «Синайская кампания» 1956 г., долговременная оккупация сирийских Голан, попытки прохода к плодородным землям Хаурана, периодические оккупации южноливанских земель, богатых водными источниками, вплоть до реки Литани.

При этом оба эти принципа обеспечены наивысшей санкцией – духовной, закреплённой, в глазах евреев, как в Писании, так и в Предании. А поскольку национальность и вероисповедание особым образом спаяны в единую традицию (*масора*), причем даже для нерелигиозных евреев, то перед нами феномен крепкого национального единства вопреки «глубокой разделенности» «нации-государства»⁷. Очевидно, здесь и коренится та продолжительность и ожесточенность противостояния с местным арабским населением, у которой не будет конца, пока борьба обусловлена не просто националистическим императивом, но национально-религиозным⁸.

Причудливый арабский социализм

Со своей стороны, новейшая история арабов представляет целый веер националистических идеологем. Баасизм и насеризм – самые, пожалуй, громкие и долгоживущие идеологии, игравшие ключевую роль на уровне государственного управления таких стран, как Ирак, Сирия, Египет, но также влиявшие на политику целого ряда стран, начиная от Ливана в Машрике и до Алжира в Магрибе. А между тем эти левые движения носят отчетливую националистическую окраску – сочетают арабизм и особым образом понятый социализм. Наиболее парадоксальным в этом отношении является, может быть, менее известное, но все же весьма влиятельное в 1950–1960-е гг. Движение арабских националистов

⁷ См. подробнее об этих концепциях: [Наумкин 2015; Наумкин 2017].

⁸ И это несмотря на несогласие с сионистскими идеями многих евреев-*харедим*.

(*Харакат аль-каумийин аль-‘араб*) – марксистское по своей политической платформе, но ставившее цели единства арабов на основе общности наследия и происхождения (так сказать, «лево-правое» движение).

Сочетание марксизма и арабизма выглядело парадоксом только в глазах западных теоретиков, которые продолжали держаться дихотомии правое/левое, невзирая на ярчайшие примеры подобной специфики марксизма во многих странах Южной, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Арабского мира, Латинской Америки и др.

Стоит помнить также, что одним из столпов ислама является благотворительность по адресу беднейших членов уммы (*садака*), что в идеале представляет собой прямое религиозное предписание перераспределения части совокупных материальных благ уммы с целью выравнивания достатка ее членов. Наряду с этим одними из принципов древней бедуинской чести являются справедливость (*‘идаля*) и помощь путнику, регламентированное гостеприимство (*дъийфа*), которые также относятся к социальной ответственности по отношению, в первую очередь, к единоплеменнику и единоверцу.

Общеарабская солидарность была институализирована в виде Лиги арабских государств (ЛАГ) – межправительственной региональной организации, действующей с марта 1945 г. И как бы ни относиться к идее общеарабской солидарности после десятилетий ее весьма противоречивой истории, она по сей день жива, несмотря даже на заключение «авраамических соглашений» с Израилем ОАЭ, Бахрейна и Марокко в 2020 и 2021 гг. Временами казалось, что за фасадом общеарабской солидарности уже ничего не осталось, что страновые интересы превратили ее в выхолащенную доктрину, вызывающую скепсис как у политиков, так и обывателей. Однако Палестина вновь стала скрепляющим арабский мир моментом, когда 4 марта 2025 г. было вынесено единодушное решение членов ЛАГ на экстренном саммите в Каире после провокационных и вопиющих по своей безответственности заявлений нового главы Белого дома о «переселении» палестинцев из Газы на какие-либо новые территории.

В среде носителей идеи общеарабской солидарности заключены два как бы взаимоисключающих течения: все те же «левое» и «правое». Арабизм в том виде, в каком он подавался левыми движениями, идеалом видел единство всех арабов поверх государственных границ стран БВСА. На мировом политическом поле это единство должно было выражаться в субъектности Арабского мира как единого целого по основным вопросам. Палестинская проблема выступала тут в качестве болевой точки общеарабского политического субъекта, сплачивающим фактором единства.

Не случайно палестинскому вопросу столько внимания уделял в первой половине 70-х гг. саудовский король-реформатор Фейсал. По сути, изменив в определенный момент тактику на противоположную, он старался окрасить знамя «арабского дела» в цвета палестинского флага [Яковлев 2024, с. 310], дополняя свое положение в мировой умме как «Служителя Двух Благородных Святынь» (*хадим аль-харамайн аш-шарифайн*) амбициями политического лидера в Арабском мире. Отсюда – причудливое сочетание его инициатив, казалось бы, чисто левого толка, например в рамках «Движения обездоленных» (*Харакат аль-махрумйн*), с отчетливой антикоммунистической направленностью его политики. Впрочем, антикоммунизм был характерной чертой многих арабских «левых».

В свою очередь, «правое» прочтение общеарабской солидарности включало в себя не только арабский национализм, противопоставляющий арабов другим нациям и народам Ближневосточного субрегиона. Оно включало в значительной степени и национальные особенности каждой арабской страны, которые заставляют разные арабские государства исходить из собственных интересов, одновременно выступая в качестве членов регионального сообщества на основе общей пранациональной культуры. Яркими примерами апогея идейного размежевания, но в рамках идеологии ПАСВ стали Сирия и Ирак в начале 1970-х гг. Г.Г. Косач писал, что исходная баасистская концепция была для иракских и сирийских офицеров-баасистов лишь «прагматически продуктивной». Он продолжал:

Эти офицеры, а не основатели партии, осуществив военные перевороты в двух государствах и став организующим началом гетерогенных в своей основе пространств обеих стран, стали претворять ранее выработанную концепцию. Это означало прежде всего, что осуществлявшаяся под их руководством практика реального «странового» национального и государственного строительства вносила в эту концепцию принципиально важные изменения [Косач 2007, с. 301].

Сочетание общего и частного в проведении интересов всего арабского мира оказывается не менее замысловатым, чем «левый» вариант арабизма, однако исходит из других оснований. Это уже «кровное» единство – принцип, по которому и в глубокой истории, и в современности интересы арабских стран и даже отдельных общин противостоят другим странам и общинам как раз в той степени, в какой осознают свое исконно арабское (гордое аравийско-бедуинское?) происхождение. Возможно, по этому принципу, например, долгие десятилетия не получает отражения в сирийском законе «о личном статусе» вопрос курдской составляющей этой

«арабской республики», сохраняется напряжение между сирийскими курдами и сирийцами-арабами. Отсюда же – роковой фактор глухого недовольства сирийцев ростом персидского (иранского) присутствия в стране, выразившегося как в притоке военных и гражданских лиц из Ирана, так и в скупке ими недвижимости в Дамаске и пригородах.

Но и отдельные общины готовы использовать вопрос «крови» в целях противопоставления себя арабской идентичности в политической, социально-исторической и религиозной плоскостях. По этим границам иногда проходят и линии разделения, которые выстраиваются локальными конфессиональными группами ради обособления собственных интересов. В этом отношении можно упомянуть в качестве яркого примера идеологию финикизма, выражающую основания политических позиций ливанских христиан-маронитов. По сути своей, это мифо-историческая реконструкция происхождения общины, выполняющая вполне инструментальную роль – аргумента для идеологического обособления с целью подчеркивания ее уникальности, отдельной идентичности, причем, главным образом, на политическом поле.

Имеет место и особого рода – как бы опрокинутый в прошлое, «исторический национализм», то есть приверженность определенной исторически обусловленной национально-культурной общности людей на определенных территориях. Наиболее известными носителями одной из такого рода идеологий – сирианизма – выступают сторонники Сирийской национал-социальной партии (*Аль-хизб ас-сурий аль-кауми аль-иджтима'ий*), основанной еще в 1932 г. Их политическая платформа основана на идее единства народов «исторической», или «Большой Сирии», включающей не только Сирию в нынешних границах, но и южнотурецкие области, и земли Ливана, Иордании и Палестины вплоть до Акабского залива. Обыденное название сторонников этой идеологии – «сирийские националисты» (*аль-каумиюн ас-сурийюн*). Наряду с представителями других общин, в составе партии много православных христиан, у ее истоков тоже стоял выходец из православной общины, хотя это абсолютно надконфессиональное политическое объединение, включающее представителей самых разных конфессий – как христианских, так и мусульманских. За участие в госперевороте партия некоторое время в 50–60-х гг. XX в. находилась под запретом, но затем действовала в союзе с ООП. До сих пор эта политическая организация существует и весьма активна, в частности, в Ливане.

Вообще, арабское понятие «националист» (*аль-кауми*) не имеет тех негативных коннотаций, которые присущи ему в западной интеллектуальной традиции. В позднеосманский период оно

даже обладало определенным героическим ореолом в связи с противодействием идеологии паносманизма, насаждаемой в империи, где подавляющее большинство населения составляли арабы. К тому же то было время культурного «возрождения» арабов, Нахда (*Ан-нахда аль-'арабийя*), с ее плеядой ярких деятелей науки и культуры [Крымский 1971]. Далее шла череда этапов борьбы за национальную независимость, где опять же так называемые националисты в разных арабских странах выступали в качестве борцов против колониализма. История простила арабам даже заимствование многих элементов европейских националистических организаций – начиная от партийной дисциплины, структуры ополчений (*милишийят*) и кончая символикой на грани одиозности⁹.

Как правило, идеи арабского национализма облекались в форму светских, надконфессиональных организаций. В работах идеологов самых разных изводов этого направления – Мишеля Афляка, Константина Зурейка, Антуна Сааде, Акрама Хаурани, Жоржа Хабаша, Наифа Хаватме и др. – звучит мотив объединения арабов поверх границ, разделяющих религиозные общины. Это были одновременно левые политики социалистического толка и в то же время арабские националисты, весьма жестко действовавшие в этом ключе. Религиозный аспект, за некоторыми исключениями, как правило, оставался в стороне. Хотя, например, у одиозного идеолога сирианизма Антуна Сааде имеется работа под названием «Ислам в двух его откровениях – христианском и мухаммеданском» [Сааде 1958], где он рассуждает о единстве религиозно-культурных и моральных ценностей арабов. А очень весомая фигура в сирийском баасизме, заместитель генсека Баас, Абдалла аль-Ахмар в своем материале, подготовленном для российского издания по просьбе автора этих строк, уделял религии значительное внимание и настаивал на непротиворечивости религиозных и националистических убеждений. Основной акцент он делал на гуманизме «истинного» ислама и недопустимости в религии экстремизма [Аль-Ахмар 2017, с. 232].

Чрезвычайно сложным вопросом остается концептуальное сочетание национализма и политического ислама. На практике это проявляется в движениях разной степени умеренности и крайности. Как пишет В.Я. Белокреницкий,

...помимо максималистских форм политического ислама, получивших распространение на Большом Ближнем Востоке (прежде всего в Ираке и Сирии, а также в Афганистане, Пакистане, Йемене, Ливии, ряде

⁹ См., например, символ СНСП, чем-то напоминающий один из запрещенных соляных знаков.

других афро-азиатских государств и в отдельных регионах, например на Кавказе), существуют более умеренные его разновидности. <...> Выступая за возрождение величия ислама и «халифат» как «великую родину мусульман», умеренные исламисты не отвергают патриотизм и национализм, поскольку они служат укреплению режимов власти, при которых создаются благоприятные возможности для проповеди идеалов исламизма [Белокреницкий 2015, с. 21].

В настоящее время внимание к арабским националистическим течениям прошлого не ослабевает. Хотя на повестке дня все еще стоит проблематика исламистских вооруженных групп, некоторые из которых пришли к власти, например, в Сирии, критически важно выявлять в их программах национальную и конфессиональную составляющие по-отдельности. Ведь религиозный призыв имеет трансграничную природу и, как правило, не совпадает с национальным. Тут, помимо Сирии, можно привести в пример и многонациональный Афганистан, в том числе и в плане влияния извне – из Ирана, Пакистана и др. – на разные этнические общности. Дифференциация важна не только ради более глубокого осмысления природы этих исторических и политических явлений, но и в практическом плане – в целях предотвращения угроз, которые могут исходить от них по отношению к соседним странам и сообществам.

Однако и светские националистические идеологии далеко не исчезли навсегда из мировоззрения арабов и других народов Ближнего и Среднего Востока. Об этом говорят, в частности, усилия арабских интеллектуалов по изданию работ выдающихся деятелей этого течения мысли. Совсем недавно увидела свет книга воспоминаний известного ливанского мыслителя Мунаха ас-Сулха (иначе, Сольха; к десятилетию со дня его кончины) о левых и патриотических движениях на Ближнем Востоке – об их деятелях, политических спорах, идейных баталиях [Ас-Сулх 2024]. Еще одна совсем недавно изданная книга содержит ответы Жоржа Хабаша на основные вопросы арабской политики и идеологии, связанные с идеей арабского национализма [Аль-бидайат 2024].

Как известно, многие деятели этого направления были тесно связаны с Советским Союзом (это и Жорж Хабаш, и Махмуд Аббас, и многие другие), и наше руководство нередко оказывало благотворное сдерживающее воздействие на их порывы в сторону экстремизма. Контакты такого рода продолжают, и не только на политическом уровне: например, Наиф Хаватме, весной 2020 г. встречался с главой российского внешнеполитического ведомства С.В. Лавровым, но также выступал на закрытой встрече с экспертами Института востоковедения РАН (чему автор был свидетелем).

Кроме того, Москва продолжает оставаться важной площадкой для весьма представительных межпалестинских встреч (например, в 2010 г., 2024 г., когда ИВ РАН выступал в числе организаторов, а по сути модератором).

Заключение

Подобная вовлеченность нашей страны в дела стран Восточного Средиземноморья естественна и исторически обусловлена [Смилянская и др. 2011, с. 333–410]. Очевидно, что мы увидим ее повышение и во взаимодействии с политиками, влиятельными общественными деятелями и деловым сообществом Ливана, Сирии, Ирака, Египта и др. Российско-арабский саммит в Москве планировался на середину октября 2025 г. (перенесен по объективным причинам) и был анонсирован российским президентом перед участниками 34-го саммита ЛАГ в Багдаде. При этом было заявлено, что Россия

...поддерживает коллективные политико-дипломатические усилия, предпринимаемые арабскими государствами – как в рамках Лиги, так и в других форматах – по урегулированию имеющихся в регионе противоречий¹⁰.

Не только события на Ближнем Востоке можно оценивать сквозь призму вынесенных в заглавие двух важнейших оснований интенций, которыми руководствуются главные действующие силы. Можно ставить вопрос в гораздо широком масштабе, включая сюда также и историю, и будущее нашей страны: ведь Россия, как и арабские страны, обладает сложносоставной идентичностью, образуя монолит из самых разных социальных сегментов.

Следует надеяться, что углубление понимания сущности как националистической, так и религиозной составляющих в политике конфессионально-маркированных групп на Ближнем Востоке будет способствовать урегулированию ситуации в этом субрегионе, налаживанию плодотворных контактов, а также выработке сбалансированных подходов в отношении складывающейся сложной политической реальности.

¹⁰ Телеграмма участникам общеарабской встречи на высшем уровне. Владимир Путин, 17 мая 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/76932> (дата обращения 12 сентября 2025).

Благодарности

Работа выполнена в соответствии с госзадаанием Института востоковедения РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2025 г.

Acknowledgements

The work was carried out in accordance with the state assignment of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences within the framework of the Program of fundamental scientific research in the direction of “Russia and the Middle East: historical, political and cultural contacts and interrelations” of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the NGO “IPPO” in 2025.

Литература

- Аль-Ахмар 2017 – *Аль-Ахмар, Абдалла*. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения / А.В. Сарабьев, пер. с араб. яз. и публ. источника // Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. С. 221–256.
- Белокреницкий 2015 – *Белокреницкий В.Я.* Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 15–34.
- Косач 2007 – *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2007. С. 259–332.
- Крымский 1971 – *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.) / Отв. ред. А.Б. Халидов; ИВ АН СССР. М.: Наука, 1971. 795 с.
- Наумкин 2015 – *Наумкин В.В.* Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока. Конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.
- Наумкин 2017 – *Наумкин В.В.* Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 27–43.
- Смилянская и др. 2011 – *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2011. 840 с.

- Яковлев 2024 – *Яковлев А.И.* Восхождение Саудовской Аравии. Королевство Саудовская Аравия в мировой и региональной политике в XX в. М.: ИВ РАН, 2024. 576 с.
- Аль-бидайят... 2024 – Аль-бидайят ва-ар-рифак ва-ль-маса'ир: хивар ма' Джурдж Хабаш (Истоки, товарищи и судьбы: беседа с Жоржем Хабашем) / хавируху Шариф аль-Хусейни, Са'ида аль-Асмар, харраруху ва-калям ляху Сакр Абу Фахр. Доха: Аль-марказ аль-'араби ли-ль-абхас ва-дираса ас-сийясат, 2024. 208 с.
- Сааде 1958 – *Сааде, Антун.* Аль-ислам фи рисалятин аль-масихийя ва-ль-мухаммадийя (Ислам в двух его откровениях – христианском и мухаммеданском). Б/м, 1958. 259 с.
- Ас-Сулх 2024 – *Ас-Сулх, Мунах.* Рас-Бейрут аль-'аср аз-захаби... аль-джами'а ва-ль-хайй (Рас-Бейрут: Золотой век... Университет и окрестности). Дар Нельсон, 2024. 84 с.

References

- Al-Ahmar, Abdullah (2017), “Religious issues through the prism of the ideology of the Arab Socialist Ba’th Party”, Sarabiev, A.V. (transl.from Arabic and publ.), *Religion and Society in the East*, no. 1, pp. 221–256.
- As-Sulh, Munakh (2024), *Ras Beirut al-'asr al-dhahabi... al-jami'a wa al-hayy* [Ras Beirut: The Golden Age... The University and Vicinity], Nelson.
- Belokrenitsky, V.Ya. (2015), “Features of Nationalism and Nation-States in the East, in the Islamic World (the Example of Pakistan)”, Belokrenitsky, V.Ya. and Ul'chenko, N.Yu. (eds.), *Nations and Nationalism in the Muslim East*, IV RAN, Moscow, Russia, pp. 15–34.
- Kosach, G.G. (2007), “Arab Nationalism or Arab Nationalisms. Doctrine, Ethnonym, and Discourse Variants”, Tishkov, V.A. and Shnirelman, V.A. (eds.), *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in World History], Moscow, Russia, pp. 259–332.
- Krymsky, A.E. (1971), *Istoriya novoi arabskoi literatury (XIX – nachalo XIX v.)* [History of New Arabic Literature (19th – early 20th century)], Nauka, Moscow, Russia.
- Naumkin, V.V. (2015), “Deeply divided societies in the MiddleE: conflict, violence, and foreign intervention”, *Lomonosov World Politics Journal*, no. 1, pp. 66–96.
- Naumkin, V.V. (2017), “Crisis of the Nation-States in the Middle East”, *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 15, no. 2, pp. 27–43.
- Smilyanskaya, I.M., Velizhev, M.B. and Smilyanskaya, E.B. (2011), *Rossiya v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaya ehkspeditsiya Ekateriny Velikoi* [Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great], Indrik, Moscow, Russia.
- Yakovlev, A.I. (2024), *Voskhozhdenie Saudovskoi Aravii. Korolevstvo Saudovskaya Araviya v mirovoi i regional'noi politike v XX v.* [The Rise of Saudi Arabia. The Kingdom of Saudi Arabia in World and Regional Politics in the 20th Century], IV RAN, Moscow, Russia.

- Saker Abufakher (ed.) (2024), *Al-bidayat wa al-rifaq wa al-masa'ir: hiwar ma' Jurj Habash* [Origins, Comrades and Destinies: A Conversation with Georges Habash, Interview by Sharif al-Husseini, Sa'ida al-Asmar], Arab Center for Research and Policy Studies, Doha.
- Saadeh, Antun (1958), *Al-Islam fi risalatain al-masihiyya wa al-Muhammadiyah* (Islam in Its Two Revelations – Christian and Muslim), N/p.

Информация об авторе

Алексей В. Сарабьев, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; a.sarabev@ivran.ru

Information about the author

Aleksei V. Sarabiev, Dr. of Sci. (History), Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031; a.sarabev@ivran.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»
№ 5
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка
Н.И. Медведева

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 12.02.2026

Выход в свет 19.02.2026

Формат 60×90^{1/16}

Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 10,3.

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2309

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru